

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

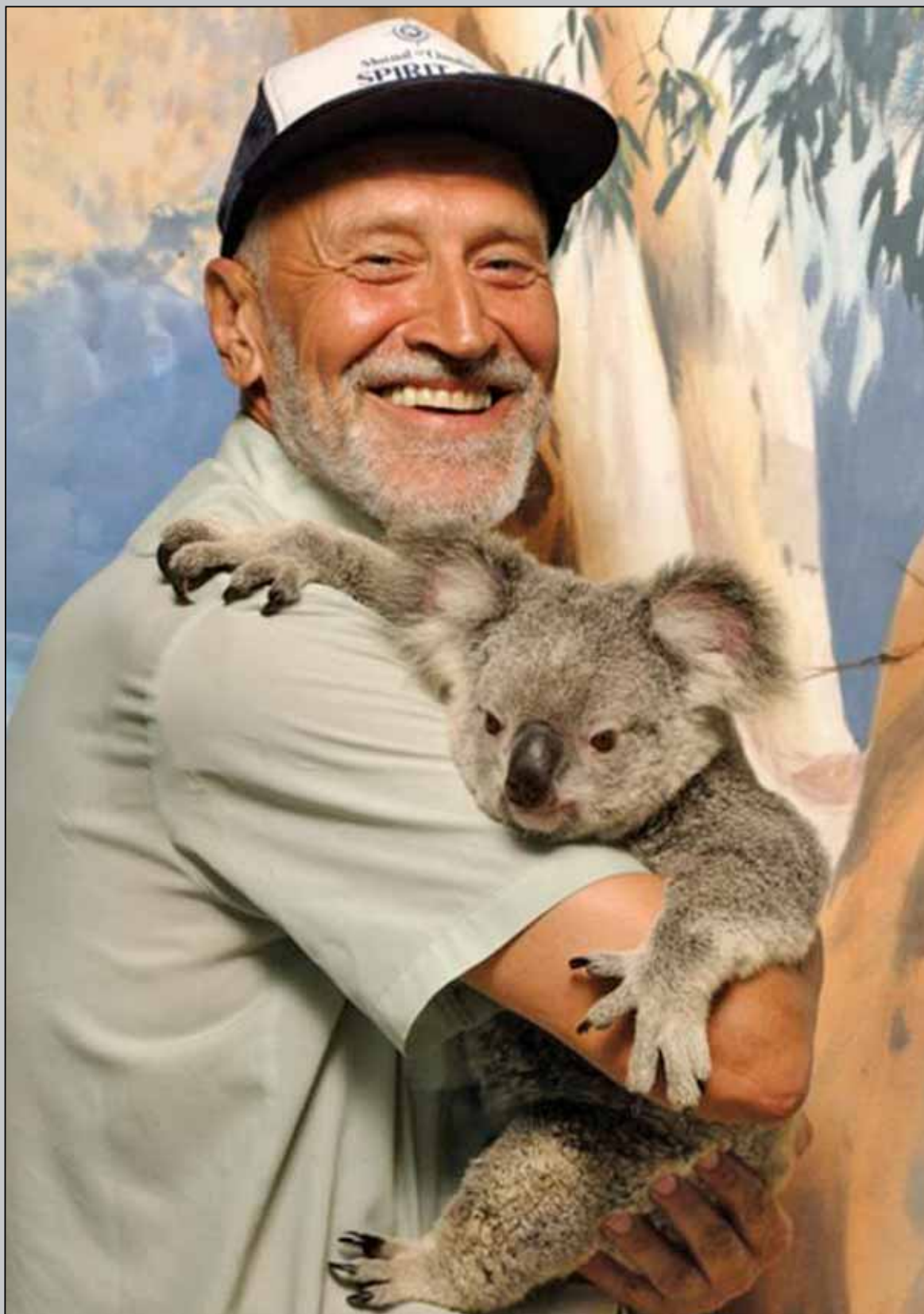
СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2022

*О жизни и творчестве ведущего Николая Дроздова
читайте на стр. 75*

Неизвестное об известном

- Светлана Марлинская **Крестный отец Пушкина** 4
Юрий Осипов **Прямой путь Сергея Довлатова** 82

Рассказ

- Татьяна Окоменюк **Тринадцатый** 12

Замечательные современники

- Марина Бойкова **Родион Газманов: «Отец для меня — вечный авторитет»** 21
Дмитрий Соколов **Николай Дроздов: «Для меня смысл жизни — все время делать добрые дела»** 75

Из российской истории

- Евгения Гордиенко **Кавалерист-девица** 30

Российские музеи

- Дмитрий Зелов **На троне вечный был работник** 37

Житейские истории

- Светлана Чуфистова **За все сполна...** 44

Судьба художника

- Ирина Опимах **Удивительный мир Чонтвари** 63

Звезды не гаснут

- Георгий Кричевский **Жан-Люк Годар. «Самый смелый, шикарный и непочтительный»** 89

Эссе

- Екатерина Маркова **От Бога** 104

Это интересно

- Михаил Сергеев **Легендарный капитан Игорь Нетто** 108
Александр Ралот **Бессмертное изобретение ради любви** 115

Поэзия

- Александр Боев **Стихи** 121

Остросюжетный роман

- Анна и Сергей Литвиновы **Вижу вас из облаков** 124

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певец, композитор и поэт
Родион Газманов
Фото Александры Нестеровой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.10.2022

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«О двух женщинах — кронпринцессе Шарлотте и крепостной девке Ефросинье — известно очень немного. Пожалуй, лишь то, что одна из них была женой, а другая — любовницей царевича Алексея. А между тем именно им, точнее, их отношениям с несчастным царевичем Алексеем Петровичем Россия обязана сотрясавшими ее в течение почти всего XVIII века смутам, дворцовым заговорам и переворотам. Если бы царевич уделял больше внимания жене, то спокойно унаследовал бы корону своего великого отца. Но он предпочел любовь крепостной девки, ради которой отказался и от короны, и от скипетра, и даже от собственных детей...

Светлана **Марлинская** «Несчастный царевич»

«Писатель и инженер-кораблестроитель Евгений Замятин всю жизнь мечтал «служить большим идеям без прислуживания маленьким людям». Эта фраза — из письма Замятина к Сталину от 1931 года, в котором он горячо просил вождя выпустить его за границу. Увы, эмиграция не стала для писателя серьезным побудительным мотивом к творчеству... В истории литературы и памяти читателей он остался как автор первой полноценной художественной антиутопии — романа «Мы», произведения поистине взрывной силы, выносящего суровый приговор тоталитарному режиму, который калечит души людей. В России «Мы» были напечатаны всего один раз, и то в сокращенном варианте. Полностью «Мы» были изданы у нас только в период перестройки.

Юрий **Осипов** «Служить большим идеям»

«Забытых героев прошлых лет немало. И случается так, что некогда имя артиста гремело по всему миру, а сегодня о нем помнят лишь единицы. Так, к сожалению, случилось и с Петром Лещенко, чья слава в свое время была огромна. «Моя Марусенька...», «Ах, эти черные глаза...», «Все, что было...» стали почти «народными», но первым их исполнителем был именно Петр Лещенко — русский, румынский, одесский, да какой угодно певец — певец всего мира, охвативший своим талантом не только пространство, но и время.

Евгения **Гордиенко** «Почти забытый. Петр Лещенко»

«Жизнь по смертельному сценарию — именно такую было дано прожить Дмитрию Александровичу Быстролетову. Внебрачный сын из рода Толстых и белоэмигрант, студент Пражского университета и торговец из Греции, венгерский граф и английский лорд, агент японской разведки и наглый греческий разбойник... И все это — советский разведчик Быстролетов, превратившийся в эффективнейшего нелегала...

Николай **Долгополов** «Блеск и нищета графа советской разведки»

«Детектив Варвары **Клюевой** «Черный ангел»

Светлана
Марлинская

Крестный отец Пушкина

230 лет назад, в 1792 году, в Москве родился Петр Андреевич Вяземский. Его родителями были князь Андрей Вяземский, одно время Нижегородский наместник, и ирландка Дженни О'Рейли. Мало того, что ирландка, так еще Андрей Вяземский увел ее у мужа — французского офицера. Семейство Вяземских было в ужасе, но влюбленных это нисколько не смущало. Дженни развелась, крестилась в православие и стала княгиней Евгенией Ивановной Вяземской.

В честь рождения Петра А.И. Вяземский приобрел за 26 тысяч рублей подмосковное село Остафьево, где был выстроен двухэтажный усадебный дом (ныне музей «Русский Парнас»). Имение Вяземских стало одним из средоточий культурной жизни России начала XIX века. Поме-

стье сохранилось до наших дней и по праву считается одним из красивейших мест Подмосковья.

Так уж получилось, но Петр рано осиротел. Ему было 10 лет, когда умерла мать, и 15, когда умер отец. Опекуном будущего поэта стал муж его старшей сводной сестры Екатерины — Н.М. Карамзин. Во многом это определило его легкое вхождение в литературную среду.

Впрочем, сводными они были чисто формально. Екатерина Андреевна — одна из красивейших женщин своего времени — была незаконной дочерью старого князя Вяземского и имела очень непростой характер. Поладить с ней было трудно, но результат того стоил.

Вяземский получил прекрасное домашнее образование, которое про-

должил в Петербургском иезуитском пансионе и пансионе при Педагогическом институте.

В 1805 году он поступил на службу в Межевую канцелярию юнкером. Рано начал пробовать себя в литературе: его первое известное произведение — франкоязычная трагедия «Эльмира и Фанор» (1802), первое опубликованное стихотворение (под криптонимом К.П. В..ий) — «Послание к ... в деревню» («Вестник Европы», 1808). Регулярно публиковаться он начал с 1809 года, а в 1814-м впервые опубликовался под своим именем.

Во время Отечественной войны 1812 года Петр вступил в казачий полк, созданный М. Дмитриевым-Мамоновым, был адъютантом генерала Милорадовича, принимал участие в Бородинском сражении в чине поручика. На поле боя спас раненого генерала А.Н. Бахметева, за что получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. По мнению некоторых исследователей, рассказы Вяземского об участии в Бородине были использованы Львом Толстым во время создания «Войны и мира».

«Поэт Петр Вяземский», говорим мы, но Петр Андреевич был не только поэтом. Он был литературным критиком, историком, переводчиком, публицистом, мемуаристом и государственным деятелем. Как историк Вяземский в 1866 году стал одним из основателей и первым председателем Русского исторического общества. Как государственный деятель работал в Министерстве финансов: был вице-директором департамента

внешней торговли, управляющим Главного Заемного банка, членом совета при министре финансов. Сам он уверял, что совершенно не способен к финансовой деятельности, но при этом его работа была достаточно плодотворна. Фактически он 13 лет возглавлял внешнюю торговлю России, был организатором Второй Всероссийской промышленно-художественной выставки (Москва, 1831), а еще основал библиотеку департамента внешней торговли.

«Очень серьезный человек» — скажет кто-то, просмотрев подобный послужной список. Да нет... В молодости Петр изрядно почудил: сорил деньгами, часто влюблялся, писал эпиграммы (собственно, именно с этого и началась его литературная деятельность), и, в результате, женился довольно рано — в 19 лет. Женой его стала Вера Федоровна Гагарина. В браке родилось 8 детей. Вот только из них лишь один пережил отца — сын Павел, остальные скончались по разным причинам. Не удивительно, что Петра Вяземского периодически мучила депрессия.

И при этом он любил шумные компании, был на редкость остроумен, а временами и язвителен. У него были дружеские отношения с Жуковским, Батюшковым, В.Л. Пушкиным, с Денисом Давыдовым и А.С. Пушкиным....

В 1817 году друзья выхлопотали Вяземскому служебный перевод в Варшаву в качестве переводчика при императорском комиссаре в царстве Польском. Там князь присутствовал при открытии первого сейма, перево-

дил речь Александра I, известную своими либеральными обещаниями, и участвовал в составлении Н.Н. Новосильцевым «Государственной уставной грамоты Российской империи».

На первых порах его деятельность ценилась высоко: 28 марта 1819 года Вяземский получил чин надворного советника, а уже 19 октября того же года — равный полковнику чин коллежского советника. Он неоднократно лично встречался с императором Александром I и обсуждал с ним вопросы, связанные с будущей конституцией.

Либеральная атмосфера Варшавы того времени была воспринята легко увлекающимся Вяземским особенно горячо, тем более что сам он, как представитель влиятель-

ного когда-то рода, тяготился деспотизмом самодержавия. Его переживания этого периода совпали с назревшим настроением декабристов. В 1820 году Петр Андреевич вступил в Общество добрых помещиков и подписал записку об освобождении крестьян, поданную императору графом М.С. Воронцовым. Однако отказ Александра I от идеи проведения масштабных реформ разочаровал Вяземского. Свои убеждения он демонстративно высказывал в получивших широкую известность стихах, частных письмах и беседах, в результате чего был отстранен от службы: когда он находился в отпуске в России, ему запретили возвращаться в Польшу. Оскорбленный князь подал в отставку, отказавшись, в том числе, и от придворного звания камер-юнкера. Александр I высказал ему неудовольствие, но отставка была принята.

В 1821–1828 годах Вяземский находился в опале, под тайным надзором, и жил преимущественно в Москве и подмосковном имении Остафьево.

Как поэт Вяземский может быть назван представителем так называемого «светского стиля» в русской поэзии. Воспитанный на французской литературе XVII и XVIII веков, он всю жизнь оставался под

сильным влиянием французского классицизма, хотя и выступал в 1820-х защитником романтизма.

Стиль его многочисленных посланий, стихов, эпиграмм, мадригалов, куплетов для пения свидетельствует об их близкой связи с теми же жанрами во французской «легкой поэзии» конца XVIII века. Отличаясь умом, находчивостью и остроумием, Вяземский сосредоточивал все свое внима-

колаевичем Батюшковым, Василием Львовичем Пушкиным.

Да, дружба с семьей Пушкина началась со знаменитого дядюшки будущего поэта и лишь годы спустя Вяземский взял под свое крыло и талантливую юношу. Точнее, ему посоветовала это сделать сестра, Екатерина Андреевна, которую Пушкин уже успел очаровать. Но строгая женщина сочла неприличным по-

Петр Андреевич Вяземский был в 1813-1817 годах одним из самых перспективных молодых поэтов России. Он активно выступал в самых разных жанрах — от эпиграммы и дружеского послания до басни и сатирических куплетов, заводил множество дружеских связей в литературных кругах, был в тесном контакте с Жуковским, Батюшковым, Василием Львовичем Пушкиным, с которого и началась его дружба с семьей Пушкина

ние — как в поэзии, так и в прозе — на заостренной мысли, на блестящей игре словами.

В 1813–1817 годах он был одним из самых перспективных молодых поэтов России. Активно выступал в самых разных жанрах — от эпиграммы и дружеского послания до басни и сатирических куплетов, вступил в литературное общество «Арзамас», заводил множество дружеских связей в литературных кругах, находился в постоянном личном и творческом контакте с Василием Андреевичем Жуковским, Константином Ни-

ощрять ухаживания вчерашнего лицеиста и поручила его заботам брата. Вяземский боялся сестрицы, как огня, и, конечно, поспешил исполнить ее пожелание.

Сейчас это кажется странным, но тогда, двести с лишним лет назад, имя Вяземского значило для читающей России куда больше, чем имя Пушкина. Стихи Вяземского читали и переписывали в альбомы не только восторженные барышни, но и вполне серьезные мужчины, романсы на его стихи пела вся Россия. Постепенно их дружба крепла все больше. Они поддерживали близкие отношения

до самой смерти Пушкина (хотя в последние годы несколько отдалились и виделись реже, чем прежде). Пушкин высоко ценил творчество Вяземского, особенно его журнальную прозу, одобрял и поддерживал все его начинания, посвятил ему несколько стихотворений и третье издание поэмы «Бахчисарайский фонтан», неоднократно ставил эпиграфами к своим произведениям цитаты из Вяземского («Евгений Онегин», «Станционный смотритель»), ввел его как действующее лицо в «Евгения Онегина», даже, по свидетельству Е.Ф. Розена, ввел негласный запрет на критику Вяземского в своем присутствии.

В свою очередь Петр Андреевич с восхищением отзывался о творчестве Пушкина, посвятил ему свой перевод романа «Адольф» (1831), выступил издателем поэмы «Бахчисарайский фонтан», но при этом значение фигуры Пушкина для русской культуры было у него весьма сдержанным. Так, рассуждая в старости на тему русских гениев, Вяземский пришел к выводу, что таковых было всего трое — Петр I, Ломоносов и Суворов, Пушкин же — «высокое, оригинальное дарование», не более...

Журналистская деятельность князя и его независимая позиция вызвала неудовольствие правительства. В 1827 году против Вяземского была развернута настоящая кампания травли — его обвиняли в «развратном поведении» и дурном влиянии на молодежь. На протяжении 1828-29 годов князь пытался защи-

тить свое честное имя и даже обратился к Николаю I с «Запиской о князе Вяземском, им самим составленной», в которой откровенно объяснял свою позицию. Но в итоге он все-таки вынужден был оставить «Московский телеграф», просить прощения у императора и после этого был принят на службу чиновником особых поручений при министре финансов. В связи с поступлением на службу Вяземский переехал из Москвы в Петербург, а в апреле 1832 года перевез в столицу семью.

Сам он относился к своей службе с иронией, граничащей с отвращением, и считал себя совершенно неспособным к финансовой деятельности. Временами продолжал вести себя вызывающе: например, имея придворное звание камергера, князь демонстративно не появлялся на придворных церемониях в Зимнем дворце.

В 1830-х годах для Вяземского начинается полоса личных трагедий: смерти детей, многочисленных друзей, среди которых особое положение занимал Пушкин. Под влиянием этих трагедий творчество поэта становилось все более меланхоличным, на грани мрачности, в нем преобладали стихи-воспоминания, а в начале 1840-х появились и религиозные мотивы. Со временем он вообще стал отходить от активной литературной деятельности и постепенно переставал восприниматься как модный и актуальный писатель: новому поколению читателей его творчество казалось уже устаревшим, критики, в их

*Вяземские
Петр Андреевич и Вера Федоровна*

числе Виссарион Белинский, отзывались о нем с пренебрежением, а порой и с откровенной издевкой. Из писателей в это время ему наиболее близки были Василий Андреевич Жуковский, Николай Васильевич Гоголь, Федор Иванович Тютчев, Петр Александрович Плетнев.

В 1848 году свет увидела написанная Вяземским еще в 1827–1830 годах биография русского драматурга Дениса Ивановича Фонвизина — первая русская биография писателя. Она еще в рукописи получила восторженную оценку Пушкина («книга едва ли не самая замечательная с тех пор, как пишут у нас книги»). Однако пролежав в рукописи 18 лет, биография опоздала к читателю, к тому же была издана крохотным тиражом в 600 экземпляров.

В марте 1848 года Вяземский попытался обратить на себя внимание Ни-

колая I запиской о цензуре, где предлагал коренным образом реформировать русскую цензуру и доверить руководство ею честному и образованному человеку. По следам этой записки в России был создан так называемый Бутурлинский комитет, однако на служебном положении самого князя это никак не отразилось. В 1850 году, после смерти седьмого ребенка — 36-летней дочери Марии, он предпринял паломничество в Иерусалим ко Гробу Господню, а с начала 1850-х годов лечился от тяжелого приступа нервной болезни в Европе.

На Крымскую войну Петр Андреевич отреагировал циклом ярких патриотических стихотворений, которые широко публиковались в России и были переведены на несколько европейских языков, и написанной по-французски книгой политической пу-

блицистики «Письма русского ветерана 1812 года о Восточном вопросе, опубликованные князем Остафьевским» (1854–55), которая была издана в Бельгии, Швейцарии и Пруссии (русский перевод сделан в 1883 году Петром Ивановичем Бартевым).

После воцарения Александра II, который всегда относился к князю с большим уважением и симпатией, Вяземский 22 июня 1855 года вернулся из Швейцарии в Россию и получил пост товарища министра народного просвещения при министре Аврааме Сергеевиче Норове, а в декабре 1856 — марте 1858-го одновременно возглавлял Главное управление цензуры, руководил подготовкой цензурной реформы. В конце 1850-х он пользовался немалым влиянием при дворе, был одним из любимых приближенных императрицы Марии Александровны, посвятил немало стихотворений ей и другим членам правящего дома. В 1861 году в Петербурге было торжественно отпраздновано 50-летие литературной деятельности поэта.

Активная служебная деятельность Вяземского завершилась в марте 1858 года, когда он покинул Главное управление цензуры, заявив, что предпочитает бороться с цензурой как писатель, а не как ее начальник. Деятельность князя на посту главы русской цензуры вызывала полярные оценки: от литераторов старшего поколения он слышал похвалы, от «революционных демократов», в том числе Александра Герцена — грубую ругань в свой адрес.

Вяземский продолжал сохранять свое влияние при дворе, а в 1869 году

был назначен состоящим при Особе Ее Императорского величества государыни императрицы Марии Александровны, в этой почетной должности он пребывал до конца жизни. В свите императрицы он совершил большое путешествие по Крыму и Молдавии, после чего написал большой цикл стихотворений «Крымские фотографии 1867 года». Регулярно публиковал в журнале «Русский Архив» выдержки из своих записных книжек и мемуарные статьи.

На протяжении 1850–1870-х годов Вяземский продолжал писать многочисленные стихи в разных жанрах: от политического памфлета и эпиграммы до стихов-посвящений умершим друзьям и придворных од. В начале октября 1862 года в Москве тиражом 1186 экземпляров вышел первый и единственный прижизненный сборник Вяземского «В дороге и дома», включавший 289 стихотворений и имевший очень скромный успех: за два года было продано около 500 книг, и, начиная с 1870-х годов, он практически перестал печататься.

В своей поздней лирике поэт пытался модернизировать эстетику классической русской поэзии XIX в., приспособить ее к требованиям нового времени. Но современники не оценили позднее творчество Вяземского — его стихи стали предметом многочисленных пародий, насмешек и воспринимались многими как безнадежно архаичные. Последняя большая публикация Вяземского в России (20 стихотворений) состоялась в апреле 1874 года.

Можно сказать, что Вяземский и литература разошлись. И вот ведь удивительно, хотя печататься он начал рано, его единственный сборник был выпущен в свет, когда самому поэту было уже 70. И все!

К концу XIX века его забыли. Хотя нет, это не совсем так — оставались романы, написанные на его стихи. А некоторые становились народными песнями, но никогда не вспоминали, кто автор.

Лишь XX век вернул Вяземского читателям.

Физическое и психическое состояние старого князя постепенно ухудшалось, и 10 ноября 1878 года он скончался на 87-м году жизни в отеле «Beausejour» одного из своих любимых европейских курортов — Баден-Баден, которому посвятил множество стихотворений, в том числе

«Уж если умереть мне на чужбине, так лучше здесь, в виду родных могил...» (В этом же городе скончались два его близких друга, дочь, внук, а впоследствии и жена.) Тело покойного перевезли в

В своей поздней лирике Вяземский пытался модернизировать эстетику классической русской поэзии, но, увы, современники не оценили этого — его стихи стали предметом многочисленных пародий, насмешки воспринимались как безнадежно архаичные. Можно сказать, что Вяземский и литература разошлись... И только век XX-й вернул этого замечательного поэта читателям

Правда, сначала его полагали просто «одним из поэтов пушкинской эпохи и другом декабристов», но потом обнаружили, что и сам по себе Вяземский оригинальный и самодостаточный поэт. Так бывает в истории литературы.

С 1873 года Петр Андреевич преимущественно жил на водах в Бад-Хомбурге, где работал над подготовкой 12-томного полного собрания сочинений и «постскриптумами» к старым статьям.

Россию. 13 ноября 1878 года после панихиды в Казанском соборе состоялись похороны на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга. На погребении присутствовали немногочисленные представители столичной интеллигенции — Третий Иванович Филиппов, Григорий Петрович Данилевский, Яков Карлович Грот, Михаил Иванович Сухомлинов. Смерть поэта прошла на родине практически незамеченной... □

ТРИНАДЦАТЫЙ

Был обычный осенний вечер. Жители спального района «Солнечный» возвращались с работы, покупали в супермаркете продукты, выгуливали собак, катали на качелях детей. Торопились на свидания, делали моцион, выносили мусор в разноцветные дворовые контейнеры. И только жильцы трех соседних домов на улице генерала Ватутина, как вкопанные, стояли во дворе, задрав головы вверх. Взволнованные люди снимали на мобильные телефоны парня, сидящего на краю крыши крупнопанельной девятиэтажки с цифрой шестнадцать на фасаде. Молодой человек расположился в самом углу дома. Его ноги, обутые в светлые кроссовки, болтались в воздухе.

По двору рыскали репортеры городского телевидения, снимая прибывших на место происшествия полицейских, припаркованные у подъезда машины экстренных служб, колоритного майора в синей форме сотрудника МЧС. На шее у него болтался бинокль, в левой руке он держал рацию, в правой — прижатый к уху сотовый телефон.

— Докладывает майор Баженов, — басил в трубку майор. — Мы на месте... Прыгун, товарищ полковник... Парень лет двадцати-двадцати пяти... Сначала стоял на краю крыши, сейчас сидит, спустив ноги вниз... Территория у дома оцеплена, зеваки и папарацци удалены на безопасное расстояние, во дворе дежурят полиция и «скорая»... Ничего не требует. наших и смежников не подпускает — грозит прыгнуть. Пришлось вызвать Зайко... Надеемся, товарищ полковник... У Зайко из двенадцати операций вся дюжина завершилась успехом... Так точно, товарищ полковник, буду держать вас в курсе...

В это время на крыше шестнадцатого дома появилась девушка, невысокая, худенькая, рыжеволосая, с веснушками, щедро разбрызганными по всему лицу. Одета она была в джинсы и клетчатую куртку с капюшоном. На ногах — высокие шнурованные ботинки-гриндерсы, на голове — красная вязаная шапка-петушок.

Девушка приблизилась к парню на безопасное расстояние. Тот сидел на невысоком ограждении крыши, придерживаясь правой рукой за ночной сигнальный фонарь, предназначенный для предупреждения пилотов о наземном препятствии. На крыше было довольно ветрено. Поежившись от холода, девушка набросила на голову капюшон.

— Красота-то какая! Я тоже люблю смотреть на город глазами птиц, — произнесла она простуженным голосом, глядя на открывающуюся взору панораму. — Незабываемое ощущение безмятежности... Будто паришь над людской суетой, над низменными страстями, над своими проблемами, и вопрос «быть или не быть?» решается сам собой.

На звуковой раздражитель парень не реагировал. Сидел, ссутулившись, онемевший и окостеневший, словно нахохлившийся голубь.

— Некошерно получается. С тобой барышня разговаривает, а ты к ней спиной повернулся и молчишь, аки дворник Герасим, — обиженно заметила девушка. — Раз уж сидишь на моем месте, давай знакомиться. Меня Женькой зовут. Для друзей — Жека Рыжик. Это мое дворовое прозвище и никнейм в социальных сетях.

Молодой человек даже ухом не повел. Расстояние между ним и Женькой в этот момент составляло миллион парсеков.

Выразительно вздохнув, Рыжик села по-турецки на потрескавшийся от времени рубероид, достала из кармана пачку сигарет и телефон, положила их рядом.

— Але, чел, ты сейчас где?

Нервно дернув плечом, парень полуобернулся. Его лицо было безжизненным и серым, как посмертная маска, а глаза... глаза принадлежали человеку, не способному испытывать какие-либо эмоции. Он смотрел на девушку как из другого измерения — устало и равнодушно.

— Малая, ты кто? — разлепил он, наконец, побелевшие от напряжения губы.

— Жека Рыжик, — дружелюбно повторила та. — А как зовут тебя?

— Ну, положим, Антон, — едва слышно прошелестел парень.

— Ооо, да ты едва бельмесишь! Бухой, что ли?

— Не-а.

— Обдолбался и пробуешься на роль Икара?

Парень отрицательно замотал головой.

— Псих с осенним обострением? «Синий кит»?

— Ннет.

— А че ж тогда народ будоражишь? Внизу толпа собралась с биноклями и айфонами. В доме напротив зрители залипли на подоконниках с та-зиками попкорна. Телевидение вон подъехало — у них новостной план горит. Криминальные репортеры со всего города сбежались. Все ждут зрелища, а ты крышу задницей греешь. Давай — рыбкой вниз, не заставляй людей нервничать.

На шее Антона вздулась вена толщиной в палец. Глаза приобрели осмысленное выражение, кадык судорожно задергался. Он мазнул по Женьке взглядом, наполненным злостью и раздражением. Это были его первые живые эмоции за последние сутки.

— Что пристала, как репей к собачьей заднице? Иди отсюда!

— А то че? Вычеркнешь меня из завещания? — рассмеялась девушка. — Ты эту крышу не приватизировал. У тебя, кстати, огнива нет? Свое я где-то посеяла.

Антон достал из кармана толстовки фирменную ZIPPO с изображением аллигатора и бросил ее через плечо:

— Дарю! Мне она больше не понадобится.

Женька поймала зажигалку в воздухе. Выбила из пачки сигарету. Прикурила.

— Согреюсь немного. Замерзла, как зюзик. Второй месяц не могу из бронхита выломиться, — пожаловалась она Антону, сморкаясь в бумажную салфетку. — А ты че, всерьез решил выпилиться?

— Серьезнее не бывает...

Гипнотический взгляд девушки прилип к его затылку. Женька мысленно приколачивала Антона к краю крыши большими кровельными гвоздями.

— У тебя кто-то умер? — тихо поинтересовалась она. — Ты болен СПИДом? Рак в последней стадии? Тюремный срок корячится?

— Все мимо, — шумно задышал молодой человек.

— Неужели девочка бросила? — с иронией в голосе произнесла Женька.

— И это тоже... Как ты сюда пробралась? Здесь же менты кругом!

Рыжик сделала глубокую затяжку и с детским интересом проследила за кольцами дыма, плавно уплывающими к небесам.

— Через соседний подъезд. Я там живу. У нас дверь на технический этаж открывается любой шпилькой.

— Ну и чего ты от меня хочешь, Рыжик, или как тебя там?

— Так фоточки хочу запилить в свой блог. Подборку под названием «На краю стою». У меня уже десять тысяч подписчиков. Было бы больше, но я

честный блогер — не практикую мертвых душ, ботов, накруток и покупок, как это делают другие. Если не возражаешь, я сделаю селфи.

Не дожидаясь согласия парня, Женька повернулась к нему спиной, вытянула руку вперед, щелкнула мобильником.

— Фигово вышло, — расстроено проговорила она, глядя на снимок. — В кадр попала ремонтная лебедка, да и ты здесь какой-то странненький. Я тоже вышла, как белка, объевшаяся горохом. Давай еще раз. Улыбнись пронзительной прощальной улыбкой... Нет, не так. Это — жалкая гримаса труса, никчемно профукавшего свою жизнь. Улыбнись, как герой, идущий на вражескую амбразуру. И отодвинься от края — ноги в кадр не входят. Знаешь, сколько народу будет разглядывать твои последние фотки, включая эту? Тьма! И среди этой тьмы — твоя бывшая пассия. Как ее, кстати, зовут?

Повисла звенящая пауза. Воздух наполнился невидимыми флюидами: Женька мерилась силами со Смертью. Этот раунд выиграла она — Антон подчинился. Спустя пару секунд он уже сидел не на ограждении, а на столетнем видевшем ремонта битумном покрытии. Парень вытянул вперед худые длинные ноги, скрестил на груди руки, склонил голову к левому плечу и вдруг произнес:

— Светка.

— Что, Светка?

— Подругу мою бывшую Светкой зовут... Мы жили вместе... Она ушла от меня...

— Самоубиться из-за бабы? — покачала головой Женька. — Я фигею в этом зоопарке...

— Не только из-за бабы, — стал оправдываться парень. — Я еще работу потерял... и квартиру, которую государство дало мне после детдома... и деньги... В общем, все, что у меня было.

Во взгляде девушки, убежденной в том, что девять из десяти проблем разрешаются путем их простого игнорирования, читалось искреннее удивление.

— Подозреваю, что моими предками были шаманы, — задумчиво произнесла она. — Уж очень хочется дать тебе в бубен.

Антон вдруг обмяк, словно из него вынули продольный стержень. Ноздри парня завибрировали, потухшие глаза стали излучать свет. Он смотрел на Женьку, словно олененок Бэмби, столкнувшийся с суровыми законами борьбы за выживание.

«А еще говорят, что детдомовские успешно преодолевают трудности, и им по плечу любые преграды... Ложные стереотипы», — подумала Женька, разглядывая проплывающие над головой облака.

— Слышишь, как потрясно свежестью пахнет? — бросилась она в омут импровизации. — Это — озон. Значит, быть осадкам.

Через пару минут с серого неба действительно заморосил противный мелкий дождик.

— Бегом сюда! — махнула Рыжик Антону, перемещаясь под небольшой козырек надстройки для лифтового оборудования.

Парень автоматически выполнил команду и уселся на корточке рядом с девушкой. В схватке со Смертью Рыжик выиграла еще одно очко.

— Курить хочешь? — спросила она.

— Бросил. Вредные привычки нищоброду не по карману, — изрек Антон и тут же добавил: — Сама бросить не пробовала?

— С вами бросишь...

— С кем это, с нами?

— С мужиками, с кем же еще... Проблемные вы очень, — проворчала Женька. — Давай рассказывай, что у тебя стряслось.

И Антон приступил к исповеди.

— Мы со Светкой хотели пожениться, на Мальдивы полететь, машину купить, мебель итальянскую... Квартира у нас уже была... Вот... — Парень волновался, путаясь в своих мыслях, как в чужой одежде. Пальцы заметно дрожали, в глазах застыло выражение беспредельного отчаяния. — ...Я работаю электромонтером, зарплата не аховая, а Светка хотела все и сразу. Вот я и вписался в блудняк из-за быстрых денег... Прогорел... Ну, как прогорел — подставили меня... Потом начали вымогать деньги за испорченный товар... — Антон нервно сглотнул, на его глаза навернулись слезы. — ...поставили меня на счетчик, пообещали убить. Пришлось кредит взять под залог квартиры. Пока выяснял отношения с отморозенными на всю башку братками, Светка заявила, что такой головняк ей не нужен. Что нормальные девушки не связываются с парнями, у которых проблем больше, чем у них самих. Слиняла, в общем... Квартиру мою банк забрал за долги. С работы вытурили за прогулы — я ведь метался, как муха в кипятке, надеясь малой кровью решить финансовый вопрос...

Антон будто прорвало. Он говорил без умолку. Рассказывал, как разыскивал своих беспутных родителей. Как пытался продать почку, чтобы рассчитаться с долгами. Как искал выходы на французский Иностраннный легион и ЧВК Вагнера. И как ему везде не везло.

Женька вся превратилась в слух, проникаясь проблемами парня, сочувствуя его неудачам, переживая его ошибки.

— Как бы мне хотелось сейчас проснуться в десятилетнем возрасте и узнать, что вся эта сегодняшняя фигня мне просто приснилась, — прошептал Антон дрожащими губами. — Из моей ситуации просто нет выхода...

— Ты повержен? Тебя уложили?

Не печалься, подумай сперва:

Даже, если б тебя проглотили,

Выход есть, скажу больше — их два!!! — процитировала Рыжик неизвестного оптимиста. — Ты думаешь, у меня все тип-топ? Да ни фиги! То же... сплошное получение полезного опыта. Я, хоть и не детдомовская, но нахлебаться все равно успела... Когда мне и шести лет еще не было, папашка мой улетел опылять другой цветник. Мама тогда сильно заболела. С тех пор из больниц не вылезает... Невезучая я. Ни тебе крепкого здоровья, ни финансовой удачи, ни мужика нормального рядом... Когда мой парень променял меня на дочку своего босса, я тоже хотела сделать выпуль. Знаешь, что мне помешало? Внешний вид моей тушки, размазанной по асфальту, и верблюду.

Антон смотрел на девушку в тупом недоумении, но приставать с вопросами постеснялся.

— Так вот, я тогда живо представила себе новостной сюжет, в котором мои бранные останки отскребают от земли совковой лопатой, рассуждая при этом о причинах столь не богоугодного поступка. Высказывают предположения о том, что я страдала психическими расстройствами и, возможно, злоупотребляла психоактивными веществами. И весь этот бред слышат мои родственники, сослуживцы, соседи, недруги, предавшие меня парни. Слышат и — одни крутят пальцем у виска, другие злорадствуют, третьи получают подтверждение своей правоты — мол, хорошо, что вовремя дистанцировались от меня, идиотки. Вот я и решила не доставлять им удовольствия.

— А верблюду? — все-таки не удержался Антон.

— Верблюд... Это — идея фикс с самого раннего детства. Я никогда не каталась на верблюде. Думала, вырасту, начну зарабатывать, поеду отдыхать в Египет, на крайняк, в Каракумы. Взгромозжусь на корабль пустыни — аккурат между горбами — и поплыву... Прикинь, до сих пор не насобирала не то, что на Египет — даже на очень среднюю Азию... Ну, как можно подохнуть, не осуществив детскую мечту? — В глазах девушки заблестели слезы. — Вот скажи мне, — ухватила она парня за рукав, — я что, многого от жизни хотела? На верблюде покататься! Не на драконе огненном, не на динозавре-трицератопсе, не на жар-птице сказочной... На обычном вонючем верблюде, — всхлипнула Рыжик и уже по-настоящему зарыдала.

Антон молча гладил Женьку по тоненькой, как прутик, руке, не зная, как отвлечь ее от горьких мыслей.

— Что это у тебя за татуха такая? — нашелся он, наконец, узрев на запястье девушки «браслетик», состоящий из двенадцати пятиконечных звездочек.

— Да так... — замялась Женька, одергивая вниз задравшийся рукав. — Бортовая статистика.

Антон удивленно поднял брови, и пришлось объяснять:

— Советские летчики в годы Великой Отечественной войны отмечали свои воздушные победы пятиконечными звездочками на бортах самолетов. Вот и я подобным образом фиксирую свои победы... на любовном фронте.

— Это... за какой период?

— За последние два года.

— Ничего себе! — выдохнул парень, у которого до Светки не было никого, если не считать одноклассниц, отношения с которыми ограничивались поцелуями под школьной лестницей. — Че ж ты тогда жалуешься на отсутствие мужика?

— Я сказала — НОРМАЛЬНОГО мужика, — уточнила Рыжик. — С которым можно не только в койке кувыркаться, но и строить долгосрочные отношения. Говорю же — невезучая. Таким, как я, только и остается ловить на крыше дзен.

— Кого ловить на крыше? — вытаращил глаза Антон.

— Дзен. Отрешенность от бытовых мелочей и погружение в себя.

Размер глаз собеседника не только не уменьшился, а несколько увеличился. Этот факт заставил девушку проявить гуманизм.

— Когда мне становится совсем хреново, я прихожу сюда с ковриком для йоги, взбираюсь на надстройку для лифта, сажусь в позу лотоса и ору, — перевела она предыдущую фразу на доступный парню язык.

— В смысле, орешь? На кого? — не понял тот.

— На врагов-предателей. На жизнь фиговую. На эту загаженную крышу, мать ее. За бугром на таких крышах сады выращивают, помогая природе перерабатывать CO₂ в чистый воздух, а у нас это — кладбище тросов, лебедек, самопальных антенн, элементов оборудования «времен очаковских и покоренья Крыма». Ну как тут не орать?

— И что, помогает?

— Можешь не верить, но продолжительный крик дает мощный эффект: снимает стресс и напряжение, приводит эмоции в равновесие. Давай попробуем вместе.

По небу продолжали плыть серые клочки облаков, но дождика уже не было. Ветер тоже уgomонился. Зацепившись за край небосклона, закатное солнце перечеркивало горизонт узким красным лезвием.

Женька с Антоном взобрались на лифтовую надстройку. Под ними в полупрозрачной дымке лежал умытый дождем город — километры и километры крыш до самого горизонта. Они взялись за руки и стали кричать. Громко, яростно, истерично, от всей души. В два голоса бранили своих недругов, депутатов, соседей, коллег, начальство... Сквернословили, рычали, как сумасшедшие, протяжно выли: «Аааааааааа! Ууууууууу! Оооооооо! Ыыыыыы!» Когда был испущен последний крик, оба почувствовали невероятное облегчение и умиротворение. Подобные ощущения испытала и соседняя многоэтажка, сотнями стеклянных глаз наблюдавшая за приступом безумия чудаковатой пары.

— Ну, что, дружок, отпустило? — подморгнула Женька парню. — Спускаемся потихоньку вниз?

— Мне некуда идти, — развел тот руками.

— Есть! Сейчас ты отправишься в городской кризисный центр, где тебя обеспечат кровом и питанием, окажут медицинскую и психологическую помощь. Поддержат, помогут с поиском работы. Среди друзей по несчастью проще найти новых приятелей, встретить новую любовь... По рукам?

Тишина завибрировала, как натянутая струна. Доли секунды показались Женьке вечностью. Если бы существовали приборы, измеряющие человеческое напряжение, в этот момент они бы все зашкалили одновременно...

— По рукам! — признала Смерть свое поражение, и Антон двинулся к выходу. Там его уже ждали двое мужчин в синей форме с золотыми шевронами.

— Кто это? — обернулся он к Женьке, все еще восседающей на лифтовой надстройке.

— Чип и Дейл, — абсолютно серьезно ответила та. — Они о тебе позаботятся.

Последней крышу покинула Евгения Зайко, психолог Центра экстренной психологической помощи МЧС. Спускаясь по лестнице тяжелым, забивающим свай шагом, девушка не могла унять дрожь. У нее кружилась голова, першило в горле, бешено колотилось сердце — она панически боялась высоты.

Во внутреннем кармане куртки вдруг забулькала рация. Женька обессилено присела на ступеньку и окончательно сорванным голосом засипела:

— Альфа, это — Зайка. Прием!

— Зайка моя, это — высший пилотаж, — восхищенно пробасил майор Баженов. — Набивай на свой фюзеляж тринадцатую звездочку. ▢

Родион Газманов

фото Ольги Кузнецовой

В народе бытует мнение, что дети «звезд» — непременно мажоры, то есть молодые прожигатели жизни, избалованные достатком и не измученные воспитанием. Но вот, например, Родион Газманов абсолютно не соответствует этому несимпатичному образу. Сегодня он — успешный исполнитель, руководитель своего музыкального проекта, поэт и композитор... Есть чем гордиться знаменитому отцу!

«Отец для меня — вечный авторитет»

фото из личного архива

— Как Олег Газманов относится к вашему творчеству, доволен ли он, что вы выбрали именно такой путь и стали, как и он, певцом и музыкантом?

— Вы знаете, отец очень редко хвалил меня в глаза. Но я несколько раз был невольным свидетелем, как

он рассказывал друзьям о том, как увлеченно я занимаюсь музыкой, и тут он хороших слов не жалел! То есть в нем эта гордость за меня была. И когда я это услышал, сразу успокоился — значит, все нормально, значит, родителей я не разочаровал.

— Но вы увлеченно занимались не только музыкой, но и бизнесом, у вас красный диплом Финансовой академии при Правительстве РФ. И все-таки выбрали творчество. Почему?

— Помните у Сергея Довлатова: «В любой работе есть место творчеству». Правда, в том забавном эпи-

бо заканчивать заниматься музыкой, либо заканчивать заниматься бизнесом. И сделал выбор. О котором, скажу честно, ни разу не пожалел. Хотя, когда было время карантина из-за коронавируса, мой музыкальный проект оказался на грани выживания, и я уже был близок к мысли, чем еще кроме музыки смогу заниматься. У меня развалилась ко-

Фото Ольги Лесли

зоде он про дворника писал. В бизнесе, в финансовой аналитике, я и ею занимался, тоже было место творчеству. Но на самом деле, я никогда из мира, связанного с музыкой, не уходил. Даже когда работал в офисе, у меня были и посиделки с друзьями под гитару, и концерты я какие-то проводил. Просто настал момент, когда я понял, что надо ли-

манда, вообще, много всего тогда порушилось. В такой момент понимаешь, что все, что ты старательно выстраиваешь, твои достижения и успехи — они как карточный домик. В любой момент может случиться, что «домик» развалится и завалит под собой все, что тебе казалось незыблемым. Но, к счастью, проект устоял, и сейчас у меня и моей

команды горячая пора, и я от этого просто кайфую!

— И что конкретно доставляет вам такое удовольствие?

— Музыка, конечно, написание песен. Аранжировка. Многие моменты организационные — тоже. Я в начале года уволил администратора, который с нашей командой ездил на гастроли и выступления, и многие моменты работы с коллективом — сборные репетиции, программы концертов и так далее — сейчас на мне. И мне это нравится. Когда эта работа будет отнимать слишком много времени, я, наверное, снова найду для нее специального человека, но пока погружение в эту совершенно сумасшедшую круговерть меня увлекает.

— А что еще помимо музыки может вас всерьез увлечь?

— Я уже восемь лет пишу авто-обзоры. А еще считаю себя неплохим автофотографом.

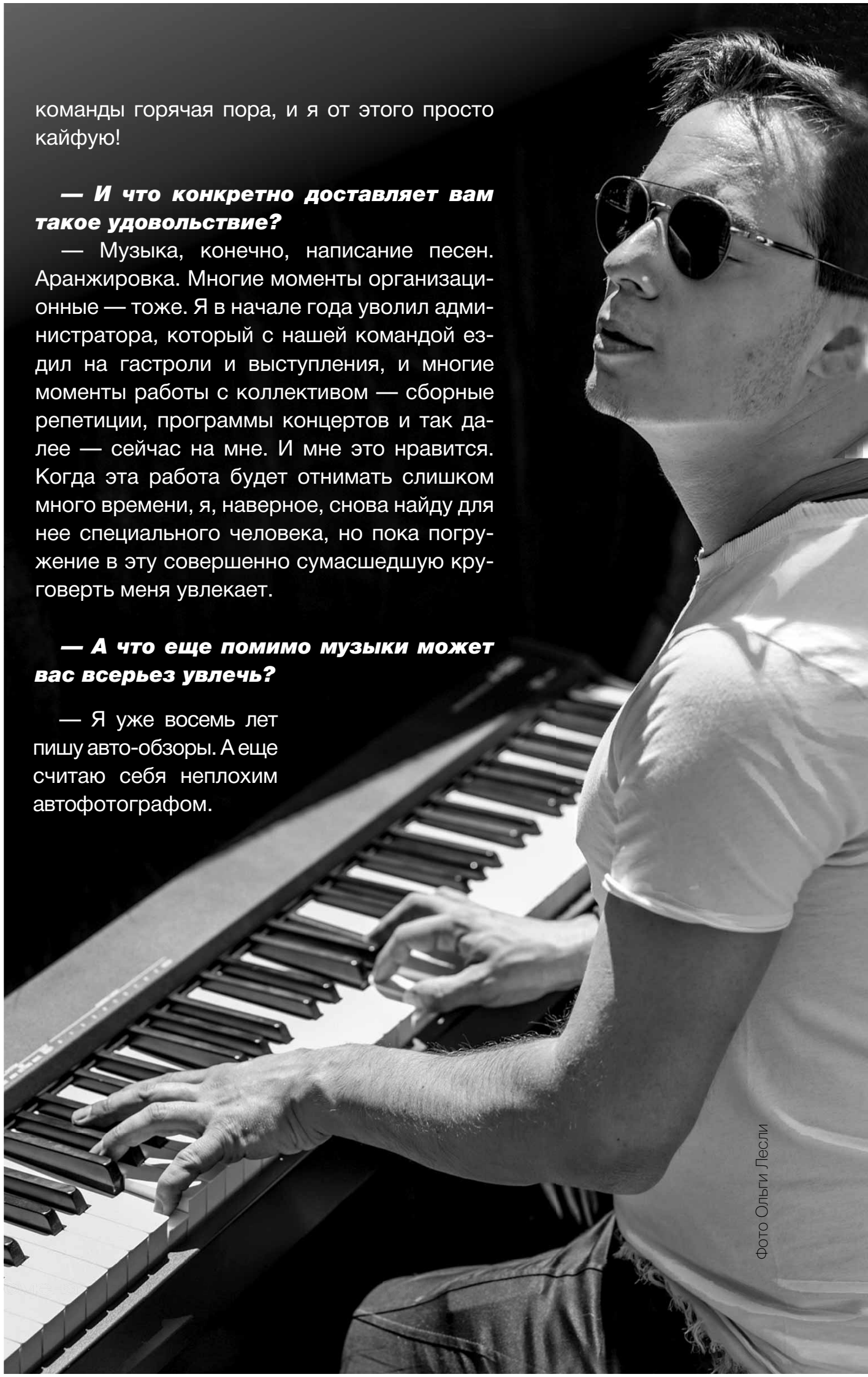

Фото Николая Зимина

У меня есть пара своих алгоритмов съемки, пара своих схем установки света, до которых я дошел благодаря уже накопленному опыту, ну и так далее. Это интересно! И поскольку у меня несколько раз покупали релизы на фотографии, наверное, я уже могу назвать себя профессиональным фотографом.

— Ясно — вы знаток автомобилей. Есть любимая модель?

— Есть нелюбимые — это Mini Cooper и BMW, но исключительно потому, что у них не очень добросовестные сотрудники пресс-парка. Но это вопрос личных моментов. А любимой, наверное, нет, потому что у каждой марки есть свои интересные модели и есть свое понимание встраивания в нишу. Мне нравится Audi, импонирует их баланс жесткости и комфорта. Нравится Genesis, это корейский сегмент Hyundai, машина, которая сегодня серьезно конкурирует с европейскими, нравится Lexus — за надежность и стильность... Я могу долго о машинах говорить. Но сейчас ситуация, как известно, изменилась, многие европейские пресс-парки свернули деятельность, поэтому осталось не так много возможностей для журналистской работы такого рода.

— Есть еще одно дело, которое трудно назвать увлечением, но вы, я знаю, уделяете ему и силы, и время. Это участие в работе благотворительного фонда Лизы Арзамасовой «Старость в радость». Чаще люди стремятся помочь де-

тям, а вы — пожилым. Это осознанный выбор?

— Конечно. Хотя у нас давно не было поездок в дома престарелых, поскольку ковид-угроза никуда не делась. Но мы в этот период организовывали нашим подопечным онлайн-концерты — на 9 Мая и Новый год. Вы правы: действительно детям помогают куда охотнее, чем старикам. И это понятно. Понятно и то, что куда охотнее жертвуют приютам для бездомных животных. Потому что котики и собачки больше умиляют, чем одинокие старики. И, наверное, есть еще одна психологическая причина: мы никогда уже не будем детьми, все когда-нибудь постареем и, возможно, будем в старости одинокими. И это та причина, по которой не все из волонтеров, что ездили с нами в первую поездку в дом престарелых, поехали во вторую. Потому что видеть старость тяжело. Старики сложны. Я вот также выступаю в детских домах, недавно у нас было выступление в онкологическом центре для детей. И есть даже, представляете, детские хосписы. Само словосочетание кажется невозможным, но такие заведения есть. Понятно, что у людей, работающих в таких местах, в какой-то момент на психике образуется мозоль, либо они сходят с ума — других вариантов нет. Так вот, даже те дети, которые умирают и знают об этом, они заряжают, они отдают энергию. Приходишь оттуда — и ты окрылен. А старики — забирают энергию.

Особенно когда они одиноки. Но я бы не назвал то ощущение, которое получаю, выступая в домах престарелых, отрицательным. Нет. Я бы его сравнил... это как в пост в церковь сходить. Это как исповедь и причастие. То есть физически ты чувствуешь себя измотанным, а внутри — свет. Наверное, так. А еще у нашего фонда есть классная инициатива: дети, и из обычных семей, и из детских домов, пишут письма конкретным бабушкам или дедушкам. Они становятся как бы внуками по переписке. Вы не представляете, как старики ждут этих писем, как радуются, когда их получают!

— Правда, замечательная инициатива. Тем более, настоящие письма — это, конечно, совсем не то, что нынешние эсэмэски!

— Вы правы. Сегодня ценность общения, ценность возможности обменяться мыслями катастрофически упала. И во многом потому, что мы теперь обмениваемся короткими сообщениями, в которых мыслям, да и, по большому счету, чувствам места нет. Перечитываем ли мы эсэмэски, которые кому-то отправляли или от кого-то получили? Вряд ли. Разве что когда они от человека, с кем отношения закончились, а на душе еще неспокойно. Некоторые люди любят в такие вещи возвращаться. Но письма, конечно, несут в себе куда больше информации, памяти... Почему сегодня их не пишут? Я думаю, потому что у нас

Фото Марины Головой

появилось гораздо больше связей, появилось гораздо больше людей, с которыми мы общаемся — через соцсети, инстаграм и иже с ними. Мы перенасыщены общением.

— И поэтому теряем его глубину — растекаемся...

— Мы не растекаемся. И даже не расплываемся — мы взрываемся! Нас разносит на какие-то мелкие частицы.

— Артисты часто страдают от того, что им через соцсети пишут и пишут, и не всегда эти послания добрые. Наверное, и вас это не обходит стороной?

— Знаете, у меня есть такое свойство, которое называют врожденной грамотностью. Большим знатоком русского языка был мой дед по линии мамы. Возможно, мне это передалось от него генетически. А еще я очень много в детстве читал, это тоже, наверное, повлияло. Кстати, моя грамотность сильно раздражала моих учителей по русскому и литературе: я,

не способный воспроизвести ни одного правила, все диктанты писал на пятерку! Просто у меня в голове был такой счетчик, который подсказывал, как писать то или иное слово и где ставить запятые. И я с этим счетчиком в голове продолжаю жить. Поэтому меня дико бесит, когда люди, которые пишут мне какие-то комментарии, письма, эсэмэски и так далее, допускают грамматические, а тем паче орфографические ошибки. И, кстати, я замечаю, и это наблюдение меня успокаивает, что большинство хейтеров, то есть тех, кто злобствует в соцсетях, крайне безграмотны. Видимо, это не случайно, что люди, опускающиеся до ненависти к тем, кто добился большего успеха в жизни, чем они, как правило, обделены интеллектом. Яркий показатель — как раз безграмотность

Фото Ольги Лесли

и то, что они абсолютно ее не стесняются. Когда эту взаимосвязь обнаруживаешь, любой хейт, любая какая-то необоснованная критика со стороны незнакомых людей тебя не задевают. Ты просто понимаешь, что в принципе обращать на это внимание не нужно.

— Знаю, что вы пишете стихи. Первое, наверное, было вызвано каким-то сердечным переживанием?

— Будете смеяться, но нет. Это было стихотворение, которое потом перешло в песню: «Дого-

рающий день превращается в прах./ Он заглянет в твой сон, отразится в зрачках. /Нас волною накроет ночная жара./ Не вернешь то, что было вчера». Это было написано в 18 лет на полях ученической тетради. Мальчишеское еще стихотворение. А в 20 лет я написал стихотворение «Остался», и это уже абсолютно взрослый текст. «Мне кажется, я слишком долго ждал/ того, что не спешило возвращаться./ Мои друзья давно сменили адреса./ А я остался. /Мне кажется, я слишком долго звал/ все то, что не спешило отзываться./ И за окном наполнил ветер паруса. /А я остался. /Мне кажется, что я нашел любовь./ Мне кажется, в последней из агоний,/ что я живу, пока живет /твоя ладонь в моих ладонях./ Мне кажется, что мир сошел с ума. /Что люди перестали улыбаться. Мои мечты уносят птицы в небеса. /А я остался...»

Через 18 лет эти строки стали песней, она так и называется — «Остался», я ее пою на концертах. Припев у меня родился буквально несколько лет назад, как раз, когда мы с фондом ездили в дом-интернат для пожилых людей. Припев такой: «Остался между завтра и вчера,/ стирая в телефоне номера./ Куда-то все вокруг спешат, им нечего терять./ А я остался». Знаете, у меня часто бывает ощущение, что в юности я писал стихи, которые понял только сейчас. Закладывалась такая капсула времени — для того, чтобы быть открытой через годы.

— Среди современных поэтов у вас есть авторитеты?

Ну, отца я не называю, потому что он для меня вечный авторитет. Еще — Трофим. А из относительно недавно мною открытых — это Сола Монова. Иногда мне кажется, что она вообще не человек. Конечно, мы с ней знакомы, и я не раз выражал ей свое восхищение. Рифмы у Сола безупречны, они — как нарисованная принтером окружность. Не подкапаться. Бывает, меня спрашивают (не совсем по адресу), что вы можете посоветовать начинающему автору, и я отвечаю, что, по моему мнению, самая большая ошибка авторов — это когда они дают рифме или размеру уводить за собой сюжет, мысль. В результате получаются безвольные стихи. Бесхребетные. А Сола держит размер, рифму и сюжет — три коня — в ежовых рукавицах. Шаг в сторону — расстрел. И мораль у нее всегда так ярко и точно выражена, что остается только развести руками: ну, ты даешь!

— Серьезный получился у нас разговор. Спрошу о житейском! Известно, что в день, когда вам исполнилось 18 лет, родители сказали — все, сын, теперь зарабатывай на жизнь сам. И вы пошли работать барменом, потом были другие места работы. Неужели не было хотя бы пары случаев, когда вам у отца все-таки приходилось просить деньги?

— Не было. Один раз одалживал. Реально был очень серьезный момент. Потом, конечно, долг отцу вернул. Были, конечно, случаи, когда я в деньгах очень нуждался, но пойти и попросить гордость не позволяла. Впрочем, даже не гордость, наверное, а желание, чтобы родители меня хвалили. Мне очень хотелось, чтобы у них не было причин даже для маленького в своем сыне разочарования. В нас во всех это заложено. Возможно, до сих пор во мне это сидит — желание получить одобрение родителей. У нас же все из детства идет — правильно?

— Вам 41 год, и вы холостяк. По нынешним временам — обычное дело. Но мама вас не торопит с женитьбой, не просит внуков?

— Моя мама — человек очень тактичный, уважающий личные границы других людей. Бывают моменты, но они редки. Мама может этак манерно всплеснуть руками: когда же будут внуки! Но это троллинг такой, она не пилит меня по этому поводу, возможно, в какой-то момент поняла, что это абсолютно бесполезно. Я человек взрослый, и сам решу, когда мне прощаться с моей свободой... □

Беседовала
Марина Бойкова

Фото Марины Головой

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА

Александр Андреевич
Александров

Еще в XIX веке одной из женщин, позволившей себе переодеться однажды в мужское платье и носить его всю жизнь, была Надежда Дурова, дочь Надежды Александрович, помещицкой дочери, и гусарского ротмистра Андрея Дурова. Свадьба родителей будущей кавалерист-девицы не была благословлена, молодые сбежали и обвенчались тайно.

Молодая жена была страстно влюблена в мужа и очень хотела подарить ему сына. Ее не пугали постоянные переезды полка, в котором служил Дуров, она была молода и полна сил. И вот 17 сентября 1783 года у пары появился ребенок. Но не

желанный сын, а девочка, здоровая, красивая, но весьма шумная и крикливая. В честь матери ее назвали Надеждой, однако материнского сердца это не смягчило. Однажды в пути дочь так громко плакала, что мать выхватила младенца из рук кормилицы и выбросила в окно кареты, чем ввергла в ужас даже видавших виды гусар.

Сама Надежда в автобиографических «Записках кавалерист-девицы» вспоминала: «Гусары вскрикнули от ужаса, соскочили с лошадей и подняли меня всю окровавленную и не подающую никакого знака жизни; они понесли, было, меня опять в ка-

рету, но батюшка подскакал к ним, взял меня из рук их и, проливая слезы, положил к себе на седло. <...> К удивлению всех, я возвратилась к жизни и, сверх чаяния, не была изуродована; только от сильного удара шла у меня кровь из рта и носа».

Ребенок выжил, но мать к нему, к счастью, больше не подпускали. Андрей Дуров счел более безопасным отдать дочь на воспитание своему

Надю счастливой: ей пришлось расстаться со всем, что она любила, — с лошадьми, пистолетами и играми на свежем воздухе. Надежда-старшая пыталась приохотить девочку к женским занятиям — заставляла плести кружева, шить, вязать. Но не делала этого ласково, напротив, за испорченное рукоделие сурово наказывала.

Чтобы хоть как-то смягчить страдания дочери от материнской «забо-

Самоотверженность Дуровой поражала ее товарищей.

Она презирала опасность, малодушие и никогда не жаловалась на боль и тяготы походной жизни.

Ее философия была проста: «Неустрасимость есть первое и необходимое качество воина, с неустрасимостью неразлучно величие души, и при соединении этих двух великих достоинств нет места порокам и низким страстям»

другу, фланговому гусару Астахову. В его семье Надежда и росла до пяти лет. Будучи «дочерью полка», она приобрела соответствующие увлечения: «Седло было моею первою колыбелью; лошадь, оружие и полковая музыка — первыми детскими игрушками и забавами».

Со временем у Дуровых родились еще две дочери, а затем и долгожданный сын. Поскольку двигаться с полком такому семейству стало тяжело, в 1789 году Андрей Дуров подал в отставку и занял должность городничего в Сарапуле Вятской губернии. Возвращение под материнский надзор не сделало маленькую

ты», отец, когда девочка стала постарше, подарил ей черкесского жеребца Алкида. Мать, разумеется, запретила дочери поездки верхом, но будущая кавалерист-девица уже могла проявить характер и ночами убегала в конюшню, садилась на Алкида и скакала по полям до самого рассвета. Узнав об этом, мать приняла единственно возможное — в ее понимании — решение: выдать непокорную дочь замуж.

Трудно сейчас представить, что чувствовала восемнадцатилетняя Надя, когда ее против воли (с волей у женщины в XIX веке вообще было слабовато, но Надежда в будущем

исправит это) обвенчали с дворянским заседателем 14-го класса Василием Черновым.

В своих мемуарах женщина впоследствии напишет, что в те годы ею овладевали только два чувства: она любила отца и ненавидела свой женский пол. Мысли о том, как обмануть природу, овладевали ею все чаще.

*Надежда
Дурова
в юности*

Местом службы супруга был город Ирбит, куда и направилась супружеская чета. Через два года Надежда родила сына Ивана, к которому, словно повторяя путь собственной матери, так и не почувствовала нежности и любви. Решив окончить на этом свою семейную жизнь, она сбежала от мужа и сына, и старалась больше об этой части своей биографии не вспоминать. Она да-

же не упоминает об этом периоде в своих «Записках...» Дома ее, конечно, не приняли с радостью, и ей пришлось думать, что же делать дальше.

На ее счастье, неподалеку от Сарапула остановился казачий полк. Надежда Дурова надела мужское казацкое платье, обрезала волосы, села на Алкида и прибыла в полк, где представилась Александром Дуровым, сыном помещика. Ее маскарад не был раскрыт, и бойкого юношу, владевшего саблей и легко сидящего в седле, приняли на службу.

Но долгое время в этом полку оставаться было нельзя, и вот по какой причине. Здесь было обязательным ношение бороды, и с этим Дурова поделаться уж точно ничего не могла. В Гродно девушка представилась Александром Соколовым и поступила на службу в Коннопольский уланский полк, где борода не являлась обязательным элементом. Наконец-то она была счастлива! Она участвовала — и успешно — в битвах с французской армией при Гейльсберге, Фридланде, Гутштадте. За спасение раненого офицера в Гутштадте ее наградили Георгиевским крестом и произвели в унтер-офицеры.

Самоотверженность Дуровой поражала ее товарищей. Она презирала опасность, малодушие и никогда не жаловалась на боль и тяготы походной жизни. Ее философия была проста: «Неустрасимость есть первое и необходимое качество воина; с неустрасимостью неразлучно ве-

личие души, и, при соединении этих двух великих достоинств нет места порокам или низким страстям».

Ее бы, скорее всего, и не раскрыли, если бы не сентиментальность, проявленная Надеждой по отношению к единственному человеку, которого она любила, — к отцу. Сентиментальность возникла не на пустом месте: Надежда потеряла своего верного коня Алкида, и, видимо, поняв, какую боль можно испытывать от потери любимого существа, напи-

лично к нему. Все начальники расхвалили меня сверх заслуг моих и ожиданий».

Правда, начальники, расхваливая Надежду, сами были изумлены, узнав о том, что долгое время в полку была женщина, и на всякий случай лишили Дурову оружия и отправили ее с сопровождением в Санкт-Петербург — на аудиенцию к императору. Александр I был восхищен ее храбростью и желанием служить. Не стусевавшись перед государем,

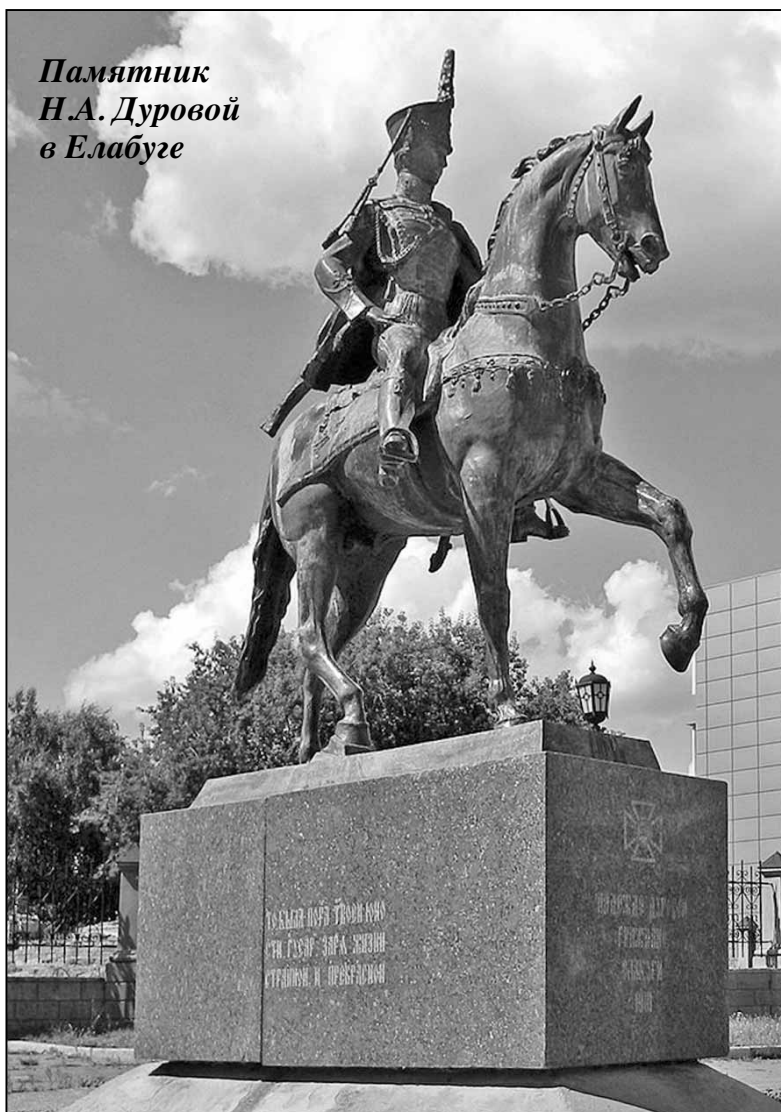
Выйдя на пенсию, Надежда взялась за написание «Записок кавалерист-девицы» и показала их не кому-нибудь, а самому Пушкину. Тот был настолько впечатлен «Записками», что вызвался напечатать их в журнале «Современник». Он писал: «Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление»

сала письмо, в котором просила прощения за свой побег. Отец же, узнав, что дочь его, возможно, жива, пустился на поиски, привлекая попутно все имевшиеся связи: «...отец мой послал его [письмо] к дяде в Петербург и просил узнать, в живых ли я. Дядя показал это письмо кому-то из знакомых ему генералов, и таким образом дошло оно до государя, который, прочитав его, был тронут, как говорили, до слез и тотчас приказал выправиться обо мне в Коннопольском полку, и если донесения будут в мою пользу, то представить меня

Надежда попросила высочайшего позволения не возвращать ее к родителям и разрешить остаться в армии. Государь удовлетворил ее просьбу: дал ей мужское имя Александр Андреевич Александров (надо полагать, в собственную честь) и отправил в Мариупольский гусарский полк, дав чин подпоручика. Более того, щедрый император пожаловал «Александрю Андреевичу» две тысячи рублей серебром — на пошив гусарского мундира, который Дурова оплатить самостоятельно не смогла бы. Скорее всего, значительная часть этой сум-

мы пошла на оплату молчания портных, которые прекрасно понимали, с кого они снимают мерки на пошив гусарской формы.

Уже в мужском статусе (Дурова с этого времени откликалась только на имя Александр), она стала строить военную карьеру: в 1811 году перед Отечественной войной получила в командование полуэскадрон (60–75 всадников). Через год, во время конной атаки под Смоленском, она была ранена в ногу. Рана оказалась тяжелой, лечение шло долго, причем — в доме родителей. Много лет спустя эта полученная на войне травма даст о себе знать, из-за больной ноги Надежда не сможет

не то что скакать на лошади, но даже ходить будет с трудом.

Оправившись, она получила следующий чин — поручика, и поступила на службу ординарцем к Михаилу Кутузову. Тот знал, кто перед ним, но никаких скидок на пол не делал, относился к ней так же, как к военным-мужчинам.

Этот эпизод ее биографии отмечен и в фильме «Гусарская баллада», прототипом героини которого — Шурочки Азаровой — и считают Надежду Дурову. Вот только реальная ее жизнь, конечно, была куда менее забавной, чем рязановская музыкальная комедия.

С Дуровой случались, конечно, и комические истории: так, в какой-то момент ей пришлось перевестись в Литовский уланский полк — из-за романтической истории с влюбившейся в нее дочерью командира полка. Полковник был очень недоволен, что Александр Андреевич не делает предложения его дочери.

К 1816 году она была уже в чине штабс-ротмис-

тра, когда после 10 лет службы, поддавшись уговорам отца, уволилась, получив лишь небольшую — но пожизненную — пенсию в 1000 рублей в год. Поначалу Надежда жила у брата Василия, служившего, как и отец, городничим в Сарапуле, а затем обосновалась в Елабуге.

Именно здесь она, чтобы поправить свое скромное финансовое положение, взялась за написание «Записок кавалерист-девицы». Готовую рукопись Дурова предложила издателю Николаю Мамышеву, но за четыре месяца так и не получила ответа. Тогда — через брата — она показала свое творение не кому-нибудь, а самому Пушкину. Тот был настолько впечатлен «Записками», что вызвался напечатать их в журнале «Современник». Вот что он писал: «Если автор «Записок» согласится поручить их мне, то с охотой берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в руко-

писи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление».

Чтобы поехать в столицу и познакомиться с поэтом, Надежде пришлось занять у сестры 800 рублей. Разумеется, она произвела неизгладимое впечатление на петербургское общество. Авдотья Панаева так описала ее в своих воспоминаниях: «Она была среднего роста, худая, лицо земляного цвета, кожа рябоватая и в морщинах; форма лица длинная, черты некрасивые; она щурила глаза, и без того небольшие... Волосы были коротко острижены и причесаны, как

у мужчин. Манеры у нее были мужские: она села на диван... уперла одну руку в колено, а в другой держала длинный чубук и покуривала».

К первому изданию «Записок кавалерист-девицы» Пушкин сам написал предисловие: «С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным».

Произведение имело успех, и это так воодушевило автора, что Дурова решила заняться литературной деятельностью. Среди ее произведений — «Гудишки», «Угол», «Серный ключ», «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». Она печаталась в журналах «Библиотека для чтения» и «Современник». Уже в 1840 году был издан четырехтомник собрания сочинений Дуровой.

Трудно сказать, была ли эта литература чем-то большим, чем способом заработать на жизнь, но литературные критики отмечали простоту слога, выразительность языка и не банальность содержания, давая произведениям хвалебные отзывы. Разумеется, основной темой сочинений была несправедливая разница между статусом мужчины и женщины в обществе.

Дурова прожила в столице пять лет и успела издать 12 романов, но

затем внезапно оставила все и вернулась в Елабугу. Здесь она жила уединенно, довольствуясь обществом лишь своего слуги Степана. Но иногда бывала и в местном обществе, требуя от окружающих ее людей обращения исключительно в мужском роде. Горожане, конечно, знали, кто скрывается под именем Александра Андреевича, но уважали просьбу старого военного.

Она была дружна с городским головой Иваном Васильевичем, отцом известного художника Ивана Ивановича Шишкина. Это семейство очень часто звало Надежду на балы, где она танцевала только с дамами, как и подобает офицеру.

С сыном Надежда по собственной воле не общалась. Когда повзрослевший Иван попросил благословения на женитьбу, она не ответила на письмо, в котором сын именовал ее матушкой. Лишь когда он написал еще одно послание, начав его с обращения «Александр Андреевич», мать благословила сына на создание семьи.

Надежда Дурова умерла в 1866 году в возрасте 83 лет. Похоронить себя она завещала, как раба Божьего Александра, однако священник побоялся нарушать церковные правила и отпел ее как Дурову. Но при этом ей воздали все военные почести боевого офицера, дав над могилой на Троицком кладбище в Елабуге троекратный оружейный залп. □

НА ТРОНЕ ВЕЧНЫЙ БЫЛ РАБОТНИК

Вологда, небольшой русский провинциальный город, — ровесница Москвы. Ее называют душой Русского Севера. В этом старинном поселении, основу застройки которого еще век тому назад составляли нарядные деревянные дома с красивым резным палисадом, в разные века и годы побывали многие правители Руси-России. Иван Грозный так и вовсе намеревался перенести сюда столицу из Москвы, но не срослось. Неоднократно посещал Вологду и знаменитый преобразователь Петр Великий.

В воды тихой и спокойной реки Вологды вот уже несколько лет кряду глядится небольшой белоснежный купеческий особнячок. Горожанам и гостям города он известен как дом-музей Петра I — последнего русского царя и первого российского императора. Это старейший музей в городе, основанный еще в 1885 году.

Фото автора

В 1872 году по всей России проходили грандиозные торжества, посвященные 200-му юбилею со дня рождения великого Петра Велико-

го, что способствовало оживлению в обществе исторической памяти о своем прошлом. Не стала исключением и древняя Вологда. Нахо-

дившийся в полном забвении и небрежении домик Петра I (на протяжении XIX столетия особняк неоднократно менял владельцев, а к последней четверти столетия в ветхом здании так вообще располагался склад льна и кудели), обратил на себя внимание городских властей и неравнодушных к собственному прошлому жителей города. Здание было выкуплено из частных рук и по пред-

в Вологде, но и во всей Вологодской губернии.

Вологодский «Домик Петра I» — название, конечно же, условное. В реальности, этот добротный одноэтажный особняк конца XVII — начала XVIII столетий принадлежал знатному нидерландскому роду Гутманов, давно и прочно осевших в России и имевших на ее просторах свой весьма прибыльный бизнес. Любовь

ложению вологодского губернатора Станислава Фаддеевича Хоминского в нем решили организовать музей. Начались масштабные реставрационные работы, и в 1885 году, в день приезда в Вологду великого князя Владимира Александровича (одного из сыновей государя Александра II и родного брата императора Александра III), в торжественной обстановке был открыт дом Петра I — первый музей не только

Петра I к Голландии, ее народу, занятиям и образу жизни более чем известна — русский царь перенял сам и перенес на русскую почву многие детали и черты голландской жизни и быта той поры — начиная от строительства флота вплоть до деталей интерьера домов и городской топонимики новой столицы России, блистательного Санкт-Петербурга.

В тихой и провинциальной Вологде, на берегу реки издавна размеща-

лось целое подворье иностранных торговых компаний — до появления основанного Петром I Санкт-Петербурга город располагался на весьма протяженном, но естественном и фактически единственном в геополитических реалиях средневековья пути из златоглавой Москвы к главному морскому порту России — Архангельску. Торговая контора Гутманов на окраине Вологды была одной из иностранных фирм, имевших здесь свои филиалы и ведших весьма успешную торговлю. Голландский негодант Иоганн (в России его ожидаемо переименовали Иваном) Гутман с 1654 года вместе со своим братом Адольфом вел в Московии необычайно успешную торговлю. Причем настолько, что у Гутманов были дома и отделения их конторы не только в Вологде, но и в Архангельске, Ярославле, Москве, а затем они ссужали деньгами и самого Петра I. В 1702 году Иоганн получил царскую грамоту, дававшую право на беспошлинную торговлю в России. На рубеже столетий, уже в весьма преклонном возрасте Адольф Гутман вернулся на родину, в Амстердам. А его брат Иоганн остался в Вологде и выстроил на берегу реки на небольшом земельном участке каменный дом с сопутствующими хозяйственными постройками. Именно этот дом под названием «Петровский домик» и сохранился до наших дней.

Над фасадом «Петровского домика» красуется вмонтированная в стену памятная доска с

роскошным средневековым гербом, с датой «1704» и тремя большими буквами: H.R.S. — эта аббревиатура отсылала всякого входившего в дом к исторической родине хозяев здания, к Голландии. По другой версии, эти три буквы — зашифрованный девиз родового герба, значение которого еще только предстоит разгадать будущим исследователям.

Изначально «Петровский домик» стоял на набережной Вологды не в

гордом одиночестве, как в наши дни, а органично входил в состав большого торгового двора Гутманов и расположенных по соседству складских и торговых помещений других иностранных фирм. Старинная писцовая книга донесла до нас вид «Петровского домика» и окружающего пространства: «Двор Голландской земли торгового иноземца Ивана Алферьева сына Гоутман в длину 64, поперек по лицу 70 са-

жен с аршином; на дворе палата каменная о трех жильях, под нею погреб; среди двора четыре светлицы в одной связи, низменные, у них двои сени, под сеньми погреб; по правую сторону от ворот три светлицы, у них двои сени низменные-ж, по левую сторону у ворот изба с сеньми; среди двора погреб каменный кладовой. На том же дворе позади хором, шесть амбаров кладовых, пивоварня; на левой стороне восемь стойл

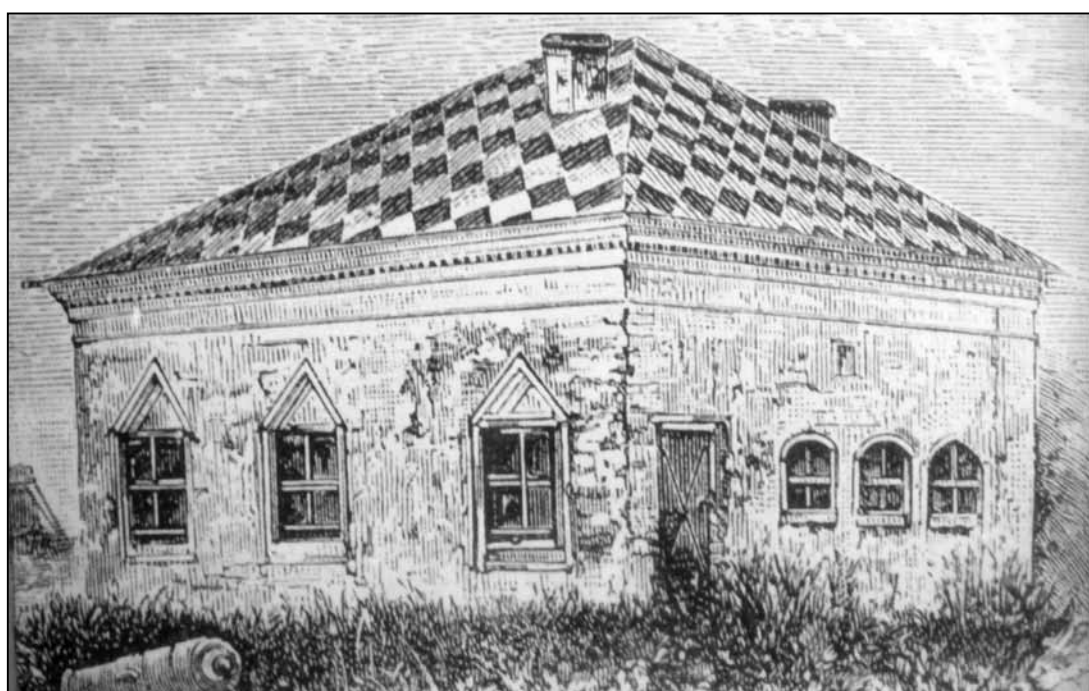

конских с сенницамиж; два сарая на передней улице, подле переулка лавка; подле двора Ивана Гутман переулоч проезжий к реке Вологде».

Из приведенного отрывка писцовой книги видно, что двор Гутманов принадлежал к лучшим посадским местам Вологды. Сам хозяин был человеком весьма и весьма зажиточным: ведь у него была и каменная палата о трех жильях, на совсем небольшой, в общем-то, площади дво-

ра компактно размещалось до девяти жилых помещений, а сверх того еще и торговая лавка.

С архитектурной точки зрения «Домик Петра I» в Вологде не совсем типичен для эпохи петровского барокко (если считать датой его постройки начало XVIII столетия, к примеру, тот же 1704 год, изображенный на фасаде перед входом). На старом, еще дореволюционном черно-белом снимке на нас глядит призе-

мистый особнячок с наличниками, с треугольными фронтонами, обширным купольным сводом большой комнаты, перекрещивающимися полосами железных связей — все это отсылает нас к зодчеству старой, еще допетровской Руси.

Вся жизнь Петра I прошла в движении, в неустанной заботе о создаваемой им новой, великой России. Как установили историки и краеведы в ходе кропотливых изысканий, Петр

Алексеевич Романов действительно останавливался в этом доме во время одного из своих визитов в Вологду. Из исторических хроник известно, что Петр I был в Вологде целых шесть раз: в 1692, 1693, 1694, 1702, 1722 и 1724 годах.

Впервые в Вологду юный русский царь прибыл весной 1692 года, «шествование имел через Вологду на Кубенское озеро и оное осматривал»: на Кубенском озере Петр I хотел при-

смотреть место для строительства кораблей будущей потешной флотилии. Но озеро оказалось для этих целей мелководным.

На следующий год (6 июля 1693 года) в сопровождении более сотни человек свиты царь вновь прибыл в Вологду. На этот раз его путь лежал к Белому морю — единственному на тот момент доступному открытому морскому пути для контактов с внешним миром. Пробыв в Вологде три дня, царь отбыл дальше на север.

В начале мая уже 1694 года царь со свитой из трехсот человек вновь прибыл в Вологду из столицы. И вновь на три дня. Он посетил Козленскую слободу (в городской топонимике сохранилась Козленская улица), славящуюся канатным производством. Там молодой правитель России внимательно осмотрел витые канаты и остался очень доволен работой местных мастеров.

Вновь Вологда увидела русского царя уж в начале XVIII столетия, в 1702 году. Шла Северная война, и путь Петра I лежал в Архангельск: царь был обеспокоен появившейся информацией о возможном нападении шведов на главный

морской порт России. К его приезду вологжанам было велено выстроить более трех сотен (!!!) судов, грузоподъемностью до 4000 пудов каждое, с целью «сплавления в Архангельск воинских снарядов и ратных людей».

Последний визит уже Петра Великого в Вологду относится к концу его царствования: российский император побывал в городе в 1724 году вместе с супругой Екатериной Алексеевной, проездом по пути с олонечких лечебных вод. Именно в ходе того визита правитель России подарил вологодскому епископу Павлу свой портрет. Подарок (он экспонируется до конца 2022 года на выставке «Приемы Петра I в Вологде») был совсем не случайным: именно Павел крестил младшую дочь Петра Великого, будущую императрицу Елизавету, появившуюся на свет в самом конце 1709 года, когда в России торжественно отмечали уходящий год, год-триумф Полтавской виктории. В Вологде российский император мог останавливаться в доме Гутмана, где его с супру-

гой принимала Екатерина Гутман, вдова Андрея Ивановича Гутмана, сына строителя «Петровского домика» Иоганна Гутмана.

Современная экспозиция дома-музея Петра I в Вологде интересна и занимательна для любителей старины, тем более в состав ее коллекции непосредственно входят как личные вещи Петра I (принадлежавший царю-преобразователю камзол и кафтан), так и его ближайших сподвижников (кубок генералиссимуса, полудержавного властелина Александра Даниловича Меншикова). Сам Петр I представлен в музее многократно и разнообразно: и на холсте, и в бронзе, и даже в гипсе. Другие артефакты тоже относятся к петровской эпохе и весьма любопытны — например, солдатская фляга под водку с надписью «пей вино анисо-

вое, да ума не пропей», роскошные, ручной работы, полихромные изразцы голландских печей, стулья голландской работы с надписью «1704», причем на каждом из предметов старинной мебели на спинках сохранились гербы их владельцев, а также подлинное оружие, медали, гравюры и иные занимательные экспонаты того далекого от нас времени.

P.S. В 2022 году по всей России с размахом прошли торжества, связанные с 350-летием со дня рождения Петра Великого. Не стала исключением и столица Русского Севера. В Вологде большим успехом пользовались посвященные петровской эпохе и лично Петру I выставки: «Приемы Петра I в Вологде», «Петровские корабли», «Виват! Петр Алексеевич!» □

Небольшая церковь примостилась на окраине провинциального города и оградой своей примыкала к простому деревянному дому с палисадником, утопающем в пионах. И каждое утро Алена Сергеевна просыпалась под звон колоколов церковных, быстро собиралась, завтракала, а после по бездорожью в туфельках на невысоких каблуках бежала на работу.

Трудилась она неподалеку, в забытом и убогом учреждении, где не было уже ничего — ни будущего, ни грез... В пристанище для одиноких, всеми покинутых стариков. Сюда Алена Сергеевна приходила ежедневно уже добрые четверть века.

— Здравствуйте, — приветствовала она всех, кого встречала в ранний час, а далее поднималась в свой кабинет на втором этаже.

Но сегодня там ее уже поджидали.

— Это вы директор? — подскочила к Алене пухлая особа в очках. — Я к вам...

Алена открыла дверь ключом и посмотрела на модную брюнетку:

— Вы что-то хотели?

— Да. Мы с мужем планируем уехать на курорт, а вот отца оставить не с кем...

— Ну, это не проблема, наймите ему сиделку...

— Ну, что вы, чужой человек — и в дом, разве можно? Пусть он лучше у вас пока поживет. Я оплачу, конечно...

И только теперь Алена заметила за широкой спиной посетительницы щуплого, совсем лысого калеку. Вернее преклонного возраста старика, давно уже выжившего из ума.

— Хорошо, — кивнула она, прошла внутрь кабинета и села за стол. — Платные комнаты у нас имеются. Оформлять будем на какой срок?

Незнакомка закатила глаза и задумчиво произнесла:

— Думаю, месяца на два...

— Но на два месяца — это выйдет дорого.

— Не беспокойтесь, — улыбнувшись, ответила женщина и положила на стол деньги. — Главное, чтобы отцу здесь было хорошо. Правда, папа? — посмотрела она на отца. — А как только мы с Вадиком приедем, сразу тебя заберем.

— Да, — закивал головой пожилой человек и улыбнулся. — Да, детка, да...

СЕРЕЖКА

Этого престарелого ловеласа в учреждении знали все. Было ему 67 лет. Бодр, подтянут, гладко выбрит, и ничего, что плетью висела рука, да за ухом блестел слуховой аппарат, нашего героя это мало волновало. Ведь как говорится: «Жениться — заново переродиться!» А уж он мечтал оформить отношения! А потому носил исключительно джинсы. Утром, днем, вечером, зимой и летом. Всегда...

В них он ежедневно выходил на «охоту» — шастал по коридору, высматривая невесту для себя. Да не ту, что с палочкой из местных, а помоложе. Так что бегал от здешнего «мачо» в основном медперсонал: Гуля, Соня и Верочка.

— Ах, вы мои хорошие! — подкатывал к девушкам потрепанный донжунан. — Ах, вы мои родные!

— Отстань, Сережка! — хохотали девчонки. — Видишь, дел невпроворот. Не до тебя!

Но ловелас не унимался, и так продолжалось полдня, пока не подошло время обеда.

Вот и сегодня, натешившись вволю общением с молодыми особами, Сережка шел по коридору в столовую, как вдруг заметил новенького. Тот сидел на диване в холле, а вокруг него столпились старики.

— А пенсия ваша сколько? — как всегда задавали они первый вопрос.

— Десять с полтиной.

— Не густо. А зовут-то вас как?

— Степан Мироныч...

— И когда, говорите, вас заберут?

— Обещали осенью...

— Осенью, — подумал про себя Сергей, — поедет этот постоялец к себе. А я здесь останусь. Ну, уж нет! — пригладил он свои жидкие пряди. — Так все-таки кто? Гуля, Соня или Верочка?

ИШБИКА

Сегодня во сне она снова видела маму. Та улыбалась ей, улыбалась. Черные волосы, круглое лицо, раскосые глаза.

— Мама! — протягивала к ней свои руки Ишбика. — Мама...

А женщина все удалялась, говоря:

— Пойдем со мною, девочка моя. Там хорошо. Там степи и поля. Будем с тобой коней на водопой водить...

Старушка очнулась, кое-как повернулась на бок, с трудом села и посмотрела по сторонам:

— Я что, спала?

Маленькая комнатка, в углу темный шкаф, две тумбочки, два табурета, стол у окна, а напротив кровать у стены, на которой лежала пожилая соседка. Она поступила в Дом престарелых три недели назад и с тех пор замкнулась в себе и ни с кем не общалась.

Ишбика морщинистой рукой утерла свои узкие глаза, по-башкирски повязала платок и вдруг произнесла:

— Вот раньше тут женщина жила, ее Катериной звали. Так бедную пьяный сын избил, да на крыльце замерзнуть оставил. А тебя, — махнула она рукой в сторону соседки, — сыновья сюда привезли. Тут тебе и еда, и теплые одеяла. Чего еще надо? Как хоть звать-то тебя?

— Азима, — неожиданно ответила женщина.

— Тосковать тебе не надо, Азима, тоска сердце разъедает. Думаешь, я не страдала? Сколько детей у меня? — Она закатила глаза и начала загибать пальцы: — Двенадцать. И не один мать к себе не забрал. Значит, — вздохнула бабуля, — плохо я их воспитала. А раз так, чего уж теперь на судьбу пенять да тоской себя поедом съедать? Сама виновата.

Ишбика опять вздохнула и снова легла.

— Так и будем теперь целыми днями лежать, молодость вспоминать, да смерти дожидаться... — произнесла она и закрыла глаза.

ИЗБИРАТЕЛИ

Двухэтажное здание, построенное еще в 50-е годы прошлого века, так же, как и его обитатели, стремительно старело.

Хлипкие окна, прогнившая проводка, выцветший линолеум, неровные стены — все требовало перемен. Однако где взять на ремонт средства, когда район перевел учреждение на баланс города, а местные власти чихать хотели на нужды стариков.

— Денег нет, — отвечали они Алене Сергеевне всякий раз при ее появлении. — Денег нет...

А потому выкручивалась директор сама, как умела. То спонсоров найдет, то обратится за помощью в церковь, то какого-нибудь депутата доймает. Вот и сегодня она сидела напротив очередного «важного» человека.

— Вы замужем? — неожиданно спросил хозяин кабинета.

— Простите, а это тут причем?

— Ну, как же? Женщина должна заботиться о муже своем, а не бегать всюду с протянутой рукой в поисках денег.

— Значит, по-вашему, старики в заботе не нуждаются?

— Ну, почему же, нуждаются. Но я считаю, первостепенно следует помогать малоимущим, сиротам и многодетным.

— Но мои подопечные и есть такие...

— Но, насколько мне известно, в вашем учреждении живут одни бывшие алкоголики, сидельцы да бомжи? — нахмурившись, проговорил чиновник.

— Это неправда! — возмутилась Алена Сергеевна — У меня несчастные старики! И вообще, не хотите помогать, и не надо! — Она вскочила с места, направилась к двери, но вдруг остановилась и спросила: — А Алевтина Егоровна Смирнова вам кто? Она уже месяц как у нас живет...

— Алевтина Егоровна? — изумленно вскинул брови «важный» человек. — Это дальняя родственница моей жены.

— Понятно... — усмехнулась Алена и взялась за ручку двери, но тут хозяин кабинета ее остановил:

— Пойдите, — неожиданно попросил он, — присядьте... — И, когда Алена вернулась обратно, вкрадчиво произнес: — Хорошо, я помогу. Все-таки ваши подопечные — наши избиратели...

— Само собой, — кивнула головой Алена Сергеевна и улыбнулась: — Конечно, избиратели...

КОНЬ

Такого Дом престарелых не видел уже давно. В здании меняли окна, двери, полы, тянули новую проводку. Всюду кипела работа. Строители стучали, красили, белили, но постояльцы были на них не в обиде.

— Ничего, потерпим ради красоты, — говорили они.

И лишь одного человека все раздражало.

— Расшумелись, козлы, — ворчал он на старающуюся молодежь. — Кому эти ремонты нужны?

В комнате пенсионера Конева заканчивала уборку нянечка Вера Петровна.

— Ну, Николай, на тебя не угодишь, — взглянула она на убогого калеку, у которого не было одной руки и ноги. — Посмотри, какое теперь у тебя окошко. Не дует, светло, красиво...

— Красиво, — зло повторил старик. — Да куда мне эту красоту, в пузо, что ли, засунуть?

— Почему? — удивилась Вера Петровна.

— А что? В столовой все равно хлеба не добавляют...

— Как это, не добавляют? Там вешают, как положено. И все кроме тебя довольны...

— Кроме меня?! — вдруг рассвирепел старик и здоровой ногой пнул стоящее рядом ведро. Грязная вода тут же разлилась по чистому полу.

— Ах, ты, негодяй! — всплеснула руками расстроенная уборщица. — Недаром тебя никто не любит! Вот и живи один!

— Вот и буду! И вообще, пошла отсюда, курва!!

— Я — курва?! — возмутилась женщина — Да я за тобой хожу, убираю, мою тебя! А ты, значит, так? Ну, погоди! Все о тебе директору расскажу! Попомнишь!

— Подумаешь, — хмыкнул старик. — Докладывай хоть Господу Богу...

— Конь, ты и есть Конь! — ответила Вера Петровна и громко хлопнула новой дверью...

ИВАН ДА МАРЬЯ

У покосившегося заборчика было всегда прохладно. Здесь стояла небольшая лавочка, на которой любили посиживать двое.

Он — Иван Кириллович Лапин, подполковник в отставке. Она — его жена Мария Карловна.

— Карлуша моя, — любил называть ее муж. — Моя дорогая Маша.

Старушка, поправляя светлые кудри, смущалась и прикладывалась супругу на плечо.

— Ну что ты, Ваня, — произносила она и улыбалась. — Карлушей я была, когда молодой по гарнизонам с тобой моталась. А теперь уже не то. Ворона я стала старая...

— Ты — ворона? — поглаживая морщинистую руку жены, смеялся муж. — А я тогда кто?

— Ты — мой герой. Да, да, и не спорь, я лучше знаю...

— Не спорю, — соглашался Иван и вздыхал.

И было ему очень хорошо. Он чувствовал ее заботу и тепло, а все остальное становилось неважным.

Неважным, что оказались здесь они вдвоем...

Это произошло как-то банально...

У них был сын Павел, отличный парень, все при нем — и ум, и статья, и характер. А главное, что он по стопам отца пошел. Окончил военное училище, а через какое-то время отправился служить... в Афганистан.

На этом счастливая жизнь Ивана и Марьи оборвалась...

Сначала были бесконечные переживания, затем известие о ранении сына, следом реабилитация, а позже узнали родители, что Павел у них наркоман. И уж с этой напастью супруги не справились. Вернее, сделали все, чтобы помочь сыну, продали квартиру, машину, дачу, долго его лечили. Но все напрасно. Павел скончался...

А дальше начались мытарства. «Но это ли важно? — думал про себя Иван. — Главное, что я сына собственного убереечь не смог и ее...»

Он посмотрел на жену и прошептал:

— Прости меня, Маша.

— За что? — удивилась жена.

— За Павлика нашего, и за то, что тебе жизнь сломал...

ЗАХАРОВНА

Такие места, как это, Алена не любила — суетно, жарко, пыльно... Всюду сновали автомобили, бегал запыхавшийся народ, благоустраивающий квартиры. Здесь на строительном рынке люди скупали практически все: электрику, обои, кафель, гвозди, паркет, шпаклевку, ламинат...

Она зашла в павильон сантехники.

— Здравствуйте. Вам что-то предложить? — тут же подскочил к ней смазливый юноша.

— Да, — ответила Алена. — Мне нужен унитаз. — Она подумала немного и добавила: — Пожалуй, два...

— А зачем вам два унитаза? — удивился молодой человек и тут же улыбнулся: — Ааа, я догадался — для вас и вашего мужа...

— Вроде того, — вздохнула Алена Сергеевна и отправилась выбирать.

Однако процесс этот продлился долго. И лишь через полчаса, оформив заказ и доставку, она вышла из павильона. Теперь ей предстояло пройти через вещевые ряды к остановке автобуса. Но не успела Алена слиться с толпой, как вдруг увидела знакомую. Это была ее подопечная Антонина Захаровна Круглова, немощная бабуля в стоптанных калошах, халате и очках.

Старушка стояла у забора и предлагала проходим с рук какое-то тряпье.

— Покупайте, — бойко говорила она, — шубку новую. Не будет ей сноса! А вот платок пуховый...

Алена подошла к «товару» ближе и спросила:

— И почему?

— Три рубля, — обрадовалась бабуля и, никого не узнавая, улыбнулась беззубым ртом..

— А тебе какими деньгами-то платить? Царскими?

— Царские не надо, — замотала головой старушка. — За царские меня тятя из дома выгонит...

— Пойдем-ка домой, Захаровна, — печально вздохнула Алена. — Опять сбежала. И что с тобой делать, торгашка ты моя?!

ПОДРУЖКИ

Эта война, казалось, не закончится никогда. Она длилась неделями, а правильнее сказать, годами. С небольшими передышками, примирениями, слезами. А потом вновь разгоралась...

Две закадычных подружки, два врага сходились лбами, да так, что невозможно было понять, кто из них прав, кто виноват. Главное, чтобы не покалечили друг друга, и то ладно...

Одной склочнице было 75, другая намного старше. Ту, что постарше, звали Нажия, ее соперницу Любашей. Одинокая Нажия когда-то свой дом в пожаре потеряла, а Любу «любящие» внуки в Дом престарелых сдали. Вот и коротали теперь старушки время вдвоем. Да если бы только мирно коротали!

— Это ты мои очки взяла? — сегодня с утра пораньше кричала на соседку Нажия. — Они на тумбочке лежали!

— Я их не брала! — отнекивалась Люба. — Ищи, где оставила, чего привязалась?!

— Я привязалась?! А ну, пошла! — замахивалась на подругу клюкой Нажия.

И Люба, не помня себя, выбегала из комнаты и быстро ковыляла по коридору, крича:

— Убивают! Убивают!!

На шум из комнат выходили соседи и, качая головами, ворчали:

— Опять поругались...

— Это все она! — жаловалась им Нажия. — Это она мои очки своровала!

— Я не крада! — оправдывалась Любаша. — Сама их потеряла, дура старая!

— А ты, можно подумать, молодая!

— Да уж помоложе тебя! И Сталина не оплакивала!

Тут начинались классовые разногласия и длились до тех пор, пока не появлялась доктор Светлана Ивановна.

— А ну, кто тут Сталина оплакивал?! — спрашивала она, потом, глядя на «закадычных» подруг и украдкой улыбаясь, командовала: обе ко мне на уколы!

Старушки сразу успокаивались и, шаркая ногами, отправлялись в кабинет врача. Ведь авторитет Светланы Ивановны был непререкаем...

ЛУКИЧ

Дождь зарядил с самого утра. В такую погоду Леонид Лукич посиживал в своей комнатке в одиночестве, ни с кем не общался, разве что с инвалидом детства Алешкой, веселым малым. Тот, безногий, приезжал к нему на низкой каталке, улыбался, да все историю свою рассказывал.

— Когда мать от меня отказалась, я думал все, не переживу, а потом ничего, привык и даже понять ее пытался. Ты знаешь, Лукич, я ведь и сейчас на нее зла не держу. Ну, кому нужно такое счастье? — Он посмотрел на свое обрубленное тело и прошептал: — Никому...

— Ну, уж, не скажи, — возразил ему старик. — Другая мать за свое дитя жизнь отдаст. А твоя... Кукушка она у тебя.

— Может быть, и кукушка, — вздохнул Алексей и по-детски добавил. — Только я все равно ее люблю. Она, наверное, уже пожилая стала, и совсем одна. Вот денег скоплю и к ней отправлюсь.

— Кудааа? — удивился Лукич.

— Город Уфа, старая часть, а там я ее быстро найду... — улыбнулся Алешка.

— Ну, ищи, ищи, — процедил старик. — Только уж потом обратно возвращайся. Не примет она тебя, дурака, чудес на свете не бывает...

— Бывает, — возразил Алексей. — Вот к тебе, к примеру, дочка приезжает? Чудеса?

— Чудеса, — усмехнулся Лукич и вспомнил свою последнюю встречу с Марьяной.

Явилась дочь к нему не одна, а со своим новым «мачо», лет так на 15 ее младше.

— Здравствуй, Марьяша, — обнял он свою любимицу.

— Здравствуй, папа.

— Как дела?

— Нормально.

— Как мать?

— Ничего, выживает...

— Как это, выживает? Я же ей отписал и дом, и гараж, и дачу.

— Так она это все продала.

— Как продала?

— В долги с кредитами влезла, вот и пришлось имущество банкам отдать.

— Понятно, — покачал головой Лукич. — Выходит, все, что заработал когда-то, пропало.

— Пропало, — вздохнула Марьяна и посмотрела на отца: — Пап, а ты мне денег не дашь?

— Какие деньги, родная? — удивился Леонид Лукич.
— Ну, ты же бывший бурильщик, и у тебя наверняка что-то осталось. Нефтяные акции, например. А?
— Нефтяные акции? — усмехнулся отец. — А ты о них откуда знаешь?
— Мать сказала...
— Значит, мать? А она тебе не рассказала, как обманом меня обобрала, да сюда отправила?
— Пап, ну я же не такая...
— Такая, дочка, такая. — тяжело вздохнул старик. — Нет у меня ничего...
— Значит, нет? — резко поднялась Марьяна.
— Нет.
— А откуда кровать новая, одеяло?
— Заметила, стало быть? — усмехнулся Лукич.
— Заметила. А еще поняла, что правильно мать тебя в этот гадюшник сдала! Здесь тебе самое место, козлу старому! — Она пошла к выходу, у двери задержалась, повернулась к отцу, процедила сквозь зубы: — Подышать будешь, не жди! — и пропала.
— Вот тебе и чудеса, — вздохнул Лукич.

СМОЛА

Жизнь в Доме престарелых текла размеренно. Утренний подъем, завтрак, прогулка, обед, сон и ужин. И каждый день повторял предыдущий. Правда, теперь шел ремонт, но он не в счет. А так — просто тоска зеленая.

«Удавиться, что ли?» — подумала про себя Смола.

Морщинистая, как урюк, с редкими желтыми зубами, растрепанная, седая, она сидела на лавочке у входа под козырьком и вспоминала прошлое.

О том, какой красивой когда-то была, о маме и папе, о не родившемся ребенке и загубленной молодости...

Родилась Смола еще в советской Эстонии. Правда, тогда все девочку звали Томой. Томочкой Порошиной. А уж хорошенькой она была, не передать! Огромные голубые глаза, золотистые волосы и коса до пояса. В семье Тамара была единственным ребенком, родители ее обожали, баловали, ласкали, и все бы ничего, если бы дочери это не стало надоедать. Поэтому Тамара росла капризной, дерзкой, часто обижала мягкотелую мать, в общем, творила, что хотела...

А в начале 60-х Порошины переехали в Ленинград. К этому времени Тома повзрослела и уже кое-что начала понимать. Правда, не в книгах и в учебе, а в ресторанах и в моде... Ее кумиром была дива французского кино Брижит Бордо, которой она изо всех сил старалась подражать. Да вот беда,

отец и мать, нищие учителя, больше не позволяли ей тратить столько денег, сколько она хотела. И Тамара пошла... воровать. Постепенно, конечно.

Сначала она стащила у своей подруги кольцо, потом бумажник у тетки в метро, затем в кинотеатре дорогое пальто. И пошло, поехало... А вскоре ее и вовсе понесло.

Она связалась с гоп-стоп компанией и уже обчищала квартиры состоятельных граждан, за что и получила первый срок. Однако тогда ей дали немного, но этого хватило, чтобы свести в могилу сначала отца, а затем и мать. Вот так...

И все же жизнь Тамару ничему не научила.

Освободившись, она вновь продолжила мошенничать, воровать, а однажды в пьяном угаре убила сожителя. И снова срок получила.

Ну а после и нечего вспоминать. Тюрьма стала для Томи вторым домом...

«27 лет по зонам. Шутка ли сказать? — вздохнув, посмотрела на свои грубые ладони старуха. — Но ничего не поделаешь, прошлое все равно набело не переписать. Удаться, что ли? Это можно...»

Она встала и, покачиваясь, отправилась в корпус — снова спать...

АЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Сегодня у Алены Сергеевны был выходной. Если честно, в последнее время она очень устала. Выматывали затянувшийся ремонт, бесконечные проверки, отчеты, документация... В общем, сплошная головная боль...

А еще ее доставал муж — бывший школьный учитель Андрюша, который жил с ней под одной крышей и, собственно, кроме нотаций ничего предложить не мог.

Когда-то он привез ее в этот город совсем юной девочкой и посадил под замок.

— Будешь рожать и супруга любимого слушать, — сказал он то ли в шутку, то ли в серьез, но оказалось, что предрек самое худшее.

Сначала в семье появился первый ребенок, следом второй. И все сначала было хорошо, если бы не одно «но»: вскоре муж запил, бросил работу, и детей пришлось кормить самой Алене. Но об этом она вспоминать не любила. Что было, то было...

Алена Сергеевна тяжело вздохнула, встала с дивана, подошла к зеркалу, критическим взглядом осмотрела себя и разочарованно протянула: « Да-а, от былой молодости уже ничего не осталось. А еще эти морщины, седина... »

И тут она вдруг вспомнила, как вчера привезли новенькую. Звали старушку Маргаритой, и в свои 72 она было не просто хороша, а обворожительна. Модный макияж, стильная прическа, красный лак на ногтях. В об-

щем, не бабуля, а картинка... Однако дочь пожилой женщины была сама не своя.

— Да вы на мать не смотрите, — сообщила она. — Это я ее в порядок привела, накрутила, причесала, отмыла. Дело в том, что любит наша Марго бомжевать. Уж где я ее только не находила, в канализационных люках, на свалках, в магазинах. А особенно предпочитает у церкви с попрошайками стоять. Стыдоба! Заберу ее домой, накормлю, отопрею, а как только на работу уеду, мать опять туда! И что с ней делать, не знаю. Может быть, здесь она успокоится?

Маргарита вдруг встрепелась и посмотрела на Алену:

— Не верь ей, девка... — Потом посмотрела по сторонам, шмыгнула носом и спросила: — А вокзал у вас здесь есть?

— Вокзала нет, — ответила Алена.

— Плохо, — сказала Маргарита, вздохнула и умолкла.

Алена Сергеевна снова посмотрела на себя в зеркало.

— А вообще-то я еще ничего, — сделала она вывод и, довольная собой, пошла поливать огород.

РАСКАЯНИЕ

Под утро небо снова затянуло темной пеленой, облака наполнились влагой, в воздухе запахло дождем.

Издали доносился колокольный звон.

Сергей выглянул в распахнутое окно.

— Хорошо! — сказал он и уловил слабое дуновение ветерка.

Голова у него закружилась, он почувствовал слабость, но продолжал стоять у окна, наслаждаясь тишиной.

«Отчего я раньше ничего не замечал? — подумал про себя он. — Все спешил, торопился, отовсюду бежал, а главного в жизни так и не понял. Не познал чувства любви, семейного счастья, уюта домашнего очага, не услышал детского смеха и заветного слова «папа». Как же поздно пришло осознание!»

Как в кино, промелькнули беззаботно прожитые годы, бесконечная вереница страстей, женщины, которых он обижал, бросал и шел дальше. Ни чувств, ни сострадания...

А уж как Сергей берег свой паспорт, и не передать! За всю жизнь ни одного штампа. Еще чего, такого красавца охотуать!

«А теперь рад бы к какой прислониться, да поздно, видать...» — печально вздохнул старик и вдруг вспомнил ту, которая его всегда любила, ждала и даже родила ему сына, но мальчик, к сожалению, не выжил...

— Ольга! — прошептал Сергей. — Простишь ли ты когда меня?

ЧЕБОТ

Встал он сегодня, как всегда, спозаранку. Помылся, побрился, сделал зарядку, а потом до обеда перелопатил кучу дел. Поговорил о политике с Иваном, поиграл в домино с Лукичом, покурил со Смолой, поругался с Конем, проводил до ворот Захаровну — та опять отправилась «торговать». С Ишбикой перекинулся в карты, новенькому Степану Миронычу купил в аптеке лекарства, а потом занес Азиме из столовой компот.

— Кажется, все, — облегченно вздохнул пенсионер Дмитрий Чебот. — Теперь можно и подремать.

Он удобно уложил свое дряхлое тело на кровать, пригладил лысину и уже, было, стал засыпать, как вдруг в комнату к нему на костылях приковылял сосед Витек Семенов, рыжий, хлипкий старичок.

— Ты чего, спишь, что ли? — сурово спросил он. — Сегодня ж пенсия придет, а к пенсии, сам знаешь, бутылочка положена...

Чебот нехотя открыл глаза и удивленно произнес:

— Я что-то не понял, ты-то тут причем? Ты же свою пенсию еще в прошлом месяце пропил. Или забыл? А ну говори, кому сколько должен!

— Ну, Мить...

— Чего, Мить? И больше не проси...

Дмитрий перевернулся на спину, посмотрел в потолок, подумал и спросил:

— А когда будут давать?

— Кажется, в пять или щас, я точно не понял...

— Ну, пошли...

И друзья-товарищи побрели к двери с табличкой «Бухгалтерия». А там уже столпились старики в надежде получить свои деньги. Правда, основная часть нищенской пенсии перечислялась Дому престарелых, остальное — им. Но постояльцы не жаловались, ведь надо же на что-то покупать лекарства, да их, убогих, кормить...

Где-то через час Дмитрий с приятелем уже были обладателями «кругленькой» суммы...

— Ну что, в магазин? — предложил Витек.

— Пошли...

И старики отправились в продуктовый магазин.

Но до него нужно было еще дойти. Виктор, подпрыгивая на костылях, за Чеботом не успевал.

— Ну подожди! — то и дело останавливал он друга, и тот покорно ждал.

Ждал и вспоминал всю свою нелегкую жизнь.

Служил Дмитрий когда-то в милиции. Хорошо служил, ловил преступников, рос в звании. До тех пор, пока не грянули лихие девяностые. А с ними разборки, убийства, коррупция, взятки, бандитизм...

Но Чебот ничего не боялся, ни перед кем не преклонялся, шел напролом, перечил начальству, а однажды крутому вору в законе на горло наступил, да так, что кости у того затрещали. Если бы только Дмитрий знал тогда, что натворил! Наехали на него практически сразу, все угрожали, обещали убить, и убили, только не его, а всю его семью: дочь, жену, мать и маленького сына. Вот так.

После этой трагедии он запил. Вконец опустил, обрек себя на жалкое существование, жизнь для него потеряла всякий смысл...

— Мить, кажись, пришли, — сообщил Витек другу. — Ты о чем думаешь?

— Да так, — пожал плечами старик. — Думаю о том, что бы нам с тобой такое купить. Может, «Путинку»?

— Давай «Путинку», — улыбнулся обрадованный должник.

НЮРА

Эту дряхлую старушку невозможно было ни с кем перепутать. Сухонькая, сморщенная, сутулая, постоянно носила на голове черный платок. Звали бабулю Нюрой. Жила она в Доме престарелых уже лет девять и все эти годы посещала церковь. А еще приобщала к вере стариков: то иконку кому занесет, то намоленный поясок, то купит для болящего свечку. К тому же Нюра страсть как любила проповедовать.

Вот и сегодня к двум «закадычным» подружкам заглянула «на огонек». Люба с полотенцем на голове лежала в постели, а Нажия на своей половине ела пирог.

— Здравствуйте, сестры, — благостно улыбнулась хозяйкам гостя и присела на стульчик в уголке.

— Ну? Чего пришла? — недовольно спросила Нажия.

— С вами побеседовать.

— С нами? А зачем тебе я? Ты же знаешь, у меня другая вера...

— Знаю...

— Вот с ней и беседуй, — кивнула Нажия в сторону соседки, затем доела пирог, запила его чаем, потом неожиданно встала, доковыляла до шкафа и начала ручку двери завязывать на шнурок.

— А чего это ты делаешь? — удивилась Нюра.

— Не видишь, имущество свое сохраняю. А то вдруг эта воровка что-нибудь украдет, — посмотрела на бедную Любашу Нажия.

— Нажия, ну так же нельзя, — развела руками Нюра. — Надо вам жить в согласии. Что говорит Господь?

— Твой Господь не Аллах. И мне не указ. И вообще, что хочу, то и делаю. У меня своя правда. А ты давай ступай, пока я тебя за шиворот не прогнала...

Обиженная Нюра вышла из комнаты, но отправилась не к себе, а постучалась в комнату к Смоле.

— Можно?

— Чего тебе? — ответила та.

— Я побеседовать.

Тамара, расположившись за столом, читала газету.

— А-а-а, ну, проходи.

Нюра тут же присела на краешек кровати и спросила:

— Я слышала, ты в тюрьме сидела?

— Сидела...

— Стало быть, грехи твои велики?

— Велики, — вздохнула Смола, подумала немного и добавила: — А ты, значит, мне их отпустить хотела?

— Отпустить не могу, но вот камень с души снять помогу... — замямившись, ответила Нюра.

— Ты лучше себе помоги. Как сама-то тут очутилась?

— Церкви квартиру отдала...

— Ааа... — усмехнулась Тамара. — Ну, это чтобы на «лексусах» попы твои ездили?

— Попы?

— Ну, да, батюшки, которым ты каждые выходные исповедуешься... А еще одинокая ты, и жизнь твоя не сложилась, и детей у тебя нет. Так чем ты лучше меня? Разве что никого не убила...

— А ты убила?

— Да. Знаешь что, прости, но мне ложиться пора...

Нюра поднялась и, выходя в коридор, пробормотала:

— Пойду-ка я лучше к лежащему в четвертую палату. Помолюсь там у него, поплачу. Авось хоть старика глас Господень приймет...

НАСЛЕДНИКИ

Не прошло и шести недель, как Дом престарелых преобразился. Стены блестели свежей краской, столовая кафелем, туалеты унитазами. Но это было еще не все. В комнаты некоторых пенсионеров заехала новая мебель. И все же, несмотря на все перемены, оставалось много недоделок.

«Но это потом, — подумала про себя Алена Сергеевна. — А теперь следует докупить лекарства, памперсы и белье».

Однако сейчас директор занималась другим. Вчера в учреждении умер одинокий старик, и предстояло оформить документы на его захоронение. Процедура, скажем так, скверная, но у Алены выбора не было, все-таки не Домом малютки руководила...

Она открыла подшитую папку и взглянула на черно-белую фотографию. Со снимка на нее смотрел добродушный мужчина преклонных лет, не вредный, правдивый, бывший фронтовик. Правда, судьба у него не сложилась. К девяноста годам он остался один. А дальние родственники, которым он доверился, его предали. Квартиру, что принадлежала ему, на себя переписали и про него забыли, ни разу не навестили. Алена вздохнула печально.

— Эх, Васильич, отличный ты был мужик! — печально вздохнула Алена. — Ну, ничего будет у тебя и венки, и оградка, и новенький памятник...

Она отложила фотографию в сторону, как вдруг в дверь постучали, и в кабинет вошла неприятная особа лет сорока в ярко-красном платье и темных очках. В посетительнице Алена узнала родственницу умершего, которую она один раз видела.

— Здравствуйте, — сказала дама. — Я — племянница Владимира Васильевича Кузьмина. Вот, оформите наследство приехала...

— Но наследство оформляю не я, а нотариус, — удивилась Алена. — А вещи Владимира Васильевича я уже описала, сложила, можете их забрать...

— Я не об этом, — махнула рукой племянница. — Знаю, сберкнижка у него была...

— Была, но родственник ваш мне ее отдал и просил на скопленные деньги его похоронить. Вы, я думаю, этим заниматься не собираетесь?

— Конечно, нет, — хмыкнула женщина, — пусть его хоронит государство...

— Но государство памятник не поставит...

— А зачем ему памятник?

— Ну, как же? Владимир Васильевич — фронтовик, он заслужил...

— Заслужил, не заслужил, я лучше знаю! Нет завещания, значит, деньги мои!

— И вам не стыдно? Вы же и так у него все забрали... — покачала головой Алена Сергеевна.

— Не стыдно! — сверкнув глазами, рявкнула племянница. — И давайте закончим этот бессмысленный разговор. Отдайте...

Алена открыла ящик стола, достала конверт и протянула его женщине.

— Возьмите, — сказала она и тихо добавила: — Чтоб тебя так внуки хоронили...

— Да, как ты смеешь?! — округлила глаза родственница.

— Смею. И вообще, пошла вон!

После некоторой паузы напыщенная особа, скрипнув зубами, удалилась, и Алена осталась одна. Она вновь села за стол, открыла папку, взяла фотографию и вздохнула:

— Ну что, Васильич, вот такие дела. Не будет у тебя теперь ни памятника, ни оградки...

СТЕПАН МИРОНЫЧ

Вечерело. Медленно, будто нехотя, ушло за горизонт солнце, и на город опустилась мгла. Она накрыла собой и лес, и поле, и одноэтажные дома, что видел он из своего окошка. А немощный Степан Мироныч все ждал. Ждал приезда дочери...

— Где она? Все ли ладно? — спрашивал он себя.

Старик скучал... Скучал по той, которую вырастил когда-то...

Людочка родилась совсем крошечной. Мать ее при родах умерла, а потому все заботы о дочери легли на плечи отца. Степан Мироныч ее кормил, купал, причесывал, а как подросла, проводил в первый класс. Потом, конечно же, с уроками помогал, разные проблемы решал, к тому же еще работал. И вот как-то на производстве женщину повстречал, умную, хорошую. Но вот беда, Людочка ее не приняла, и Степан Мироныч возлюбленную бросил. После этого о женитьбе больше никогда не помышлял.

— Доченька, радость моя... — печально вздохнул старик и снова посмотрел в окошко.

Вдруг в дверь кто-то постучал.

— Мироныч, чего в темноте сидишь? Иди к нам! — позвал его Дмитрий Чебот.

Старик медленно, спотыкаясь, вышел в коридор и направился в переполненный пожилыми людьми холл. В углу стоял громоздкий телевизор, у стен несколько стульев, два дивана да стол. Степан Мироныч вновь сел к окну поближе и стал слушать разговор. А уж побеседовать старики любили...

— Я когда маленькой была, — рассказывала Мария, — мы в Калуге жили, а там война, зима, голод. В общем, как-то раз мама нас собрала, одела, по сухарику выдала и повела к дороге. Шли мы долго, всюду сугробы, ночь скоро, пурга. А мама — сама не своя. Подвела нас к какому-то мосту, сказала «Стойте», развернулась и пошла. И только тогда я поняла, что она нас бросила. Кинулась за ней, закричала: «Мама! Мама!», а она от меня. Правда, я все равно ее догнала. Говорю: «Мамочка, я кушать просить не буду! Только не бросай меня!» И тут мать на колени упала и зарыдала...

— Да-а, — протянул Лукич, — времена-а... Чего мы только с вами не повидали...

Долго еще сидели старики, пока не наступило время спать. Они потихоньку начали вставать, прощаться, и вскоре в холле никого не осталось кроме Степана Мироныча, который все продолжал смотреть в окно и ждать...

ВНУК

Что творилось в умах ее подопечных последнюю неделю, Алена просто не знала. Может быть, просто устали, может, пересмотрели сериалов? Только вот в доме все шло кувырком...

Во-первых, пропала Марго. Она вместе с Нюрой отправилась в церковь, да так там на паперти и осталась. Следом отличился Конь. В очередной раз поругавшись с медперсоналом, он чуть не выбросился из окна. Ишбика в детство впала, никого не узнавала, да все в куклы играла. А дальше — хуже... Захаровну привел участковый. Она, видите ли, после «успешной» торговли в городе заблудилась. А вчера безногий Алешка сбежал. «Не ищите. Поехал домой...» — сообщил он в коротком послании и был таков.

Алена пребывала в полной прострации.

— Может быть, успокоительное им поколоть? — спрашивала она Светлану Ивановну.

— Не нервничай, Аленушка, — говорила ей доктор. — Это у них осеннее обострение. Все будет хорошо...

Но хорошо, казалось, уже не будет? Однако...

День сегодня случился такой, что за все годы Алениной работы и десяти таких не наберется.

Вечером она собралась домой, повесила на плечо сумку, вышла на крыльцо. Как вдруг...

— Это вы директор? — спросил ее светловолосый юноша.

— Я — удивленно ответила Алена.

— А я к вам. Приехал за дедом...

— За каким? — переспросила она.

— За Леонидом Лукичом. Вы же его отпустите?

— Конечно, конечно! — обрадовалась Алена. — Пойдемте... — и, быстро, стуча каблучками, полетела по лестнице.

Старик был в комнате один и читал книгу. Увидев внука, выронил ее и воскликнул:

— Петька!..

Парень подошел к деду, обнял его и сказал:

— Собирайся, я за тобой...

Леонид Лукич весь затрясся:

— Ну, как же?..

— Я квартиру для нас снял, — улыбнулся Петр. — Дед, не парься, все будет хорошо... Тем более и Маринка нас ждет...

— А Маринка — это кто?

— Это моя жена...

Молодой человек открыл шкаф и стал выкладывать вещи. Потом повернулся к Алене:

— Оформляйте его. Он едет домой. Нечего ему здесь делать...

И Леонид Лукич, уткнувшись в морщинистые ладони, заплакал...

АЗИМА

Словно дымка, таяли последние теплые дни, тихие, мягкие. Природа постепенно увядала... «Доживу ли я до весны? — думала про себя Азима. — А надо ли? Ведь никому теперь старики не нужны... разве что кладбищенским камням...»

Она вздохнула, поправила одеяло, встала, только сама не знала, зачем.

В последние недели две Азима наконец-то начала двигаться, разговаривать и даже о прошлом вспоминать. Правда, поделиться своими переживаниями теперь было не с кем. Соседка Ишбика сошла с ума и жила в каком-то другом измерении.

— Пойду ее искать, — вслух произнесла Азима, — как бы не случилось чего. А то опять упадет, расшибется, спаси Аллах...

Старушка тихонько помолилась и вышла из комнаты. Теперь у нее была одна забота...

УРОКИ ТВОРЧЕСТВА

Как такое Алене пришло в голову, она и сама не знала. Просто захотелось стариков чем-то развлечь, потому и придумала «Уроки творчества». И теперь по четвергам собирались ее подопечные все вместе, усаживались за столы, раскладывали ватманы и начинали по ним возить красками. Сначала на полотнах выходили одни бурые пятна, а затем на белых листах стали вырисовываться яркие цвета — синий, желтый, зеленый и даже красный...

И Алена радовалась. Радовалась оттого, что в глазах пожилых людей появился блеск...

Но сегодня она решила изменить расписание и вывела всех на прогулку.

Побродив немного по округе и заглянув в ближайший лес, они расположились на берегу небольшой, тихой реки.

— А хорошо здесь? — спросила Алена, вдыхая ароматы осени.

— Хорошо, — согласились старики.

А потом между ними начался оживленный разговор. Алена смотрела на них и думала:

«Какие же они все разные, здоровые и больные, хмурые и забавные. Но все мои родные...» «Живите долго, — вздохнула она, — только, пожалуйста, живите...»

ЭПИЛОГ

Лес, сбрасывая последнюю листву, стремительно темнел. Давно уже почернели окрестные поля. И тяжелые тучи, повиснув над городом, периодически поливали его смесью из снега и дождя.

А старик все ждал.

— Когда? — спрашивал он.

— Скоро, — отвечали ему. — Скоро...

И Степан Мироныч радостно кивал.

А сегодня, наконец, к нему пришла посетительница. Алена вместе с ней зашла в комнату и тихо стояла в проходе. Старик, не замечая их, пристально смотрел на окно. Глядя на него, женщина помрачнела и, вздохнув, проговорила:

— Так больше нельзя, надо что-то делать, надо сказать ему...

Степан Мироныч, услышав голоса, очнулся, резко обернулся и посмотрел на гостью:

— Людочка?!

— Я, — нерешительно ответила женщина.

— Людочка, радость моя! Ты приехала! — воскликнул старик, попытался встать, но тут же снова обессилено опустился на стул.

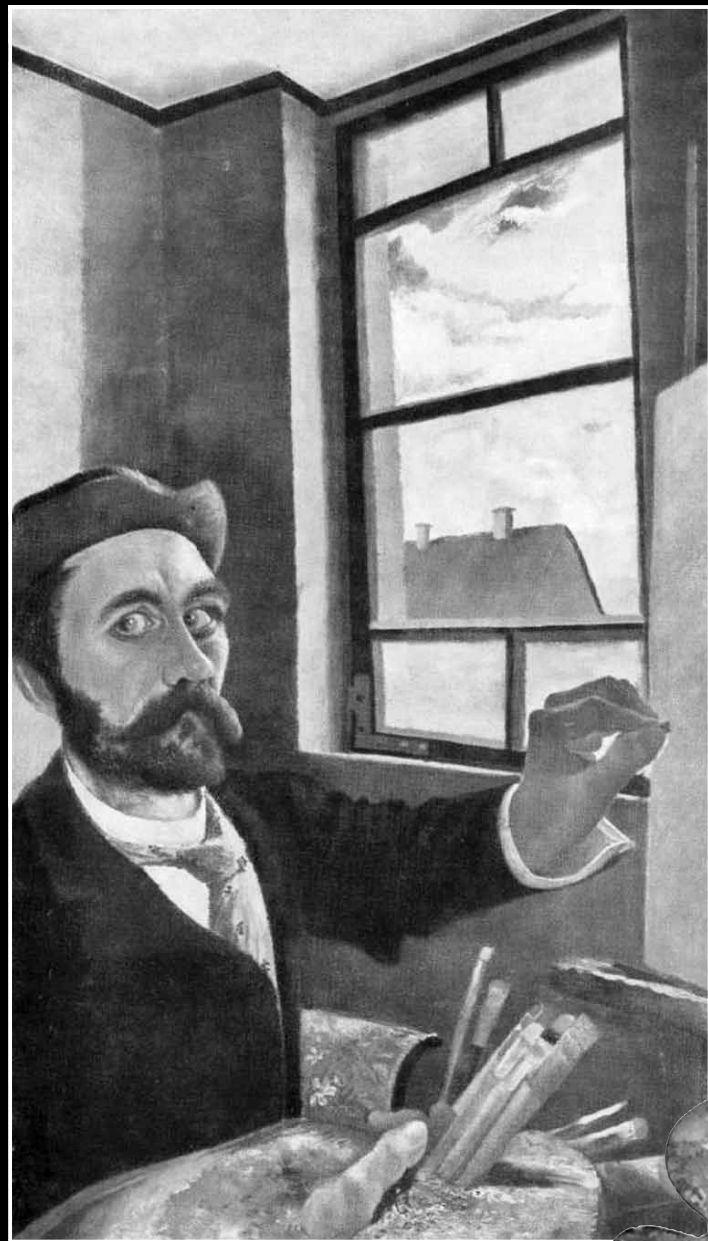
Людмила подбежала к нему, обняла и прошептала:

— Папа, я тут. Мы теперь всегда будем вместе.

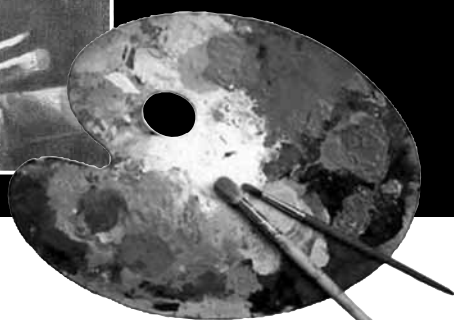
— Я знал, я знал это, доченька ты моя... — говорил старик, а из глаз его текли слезы. Но это уже были слезы радости... □

Ирина Опимах

Удивительный мир ЧОНТВАРИ

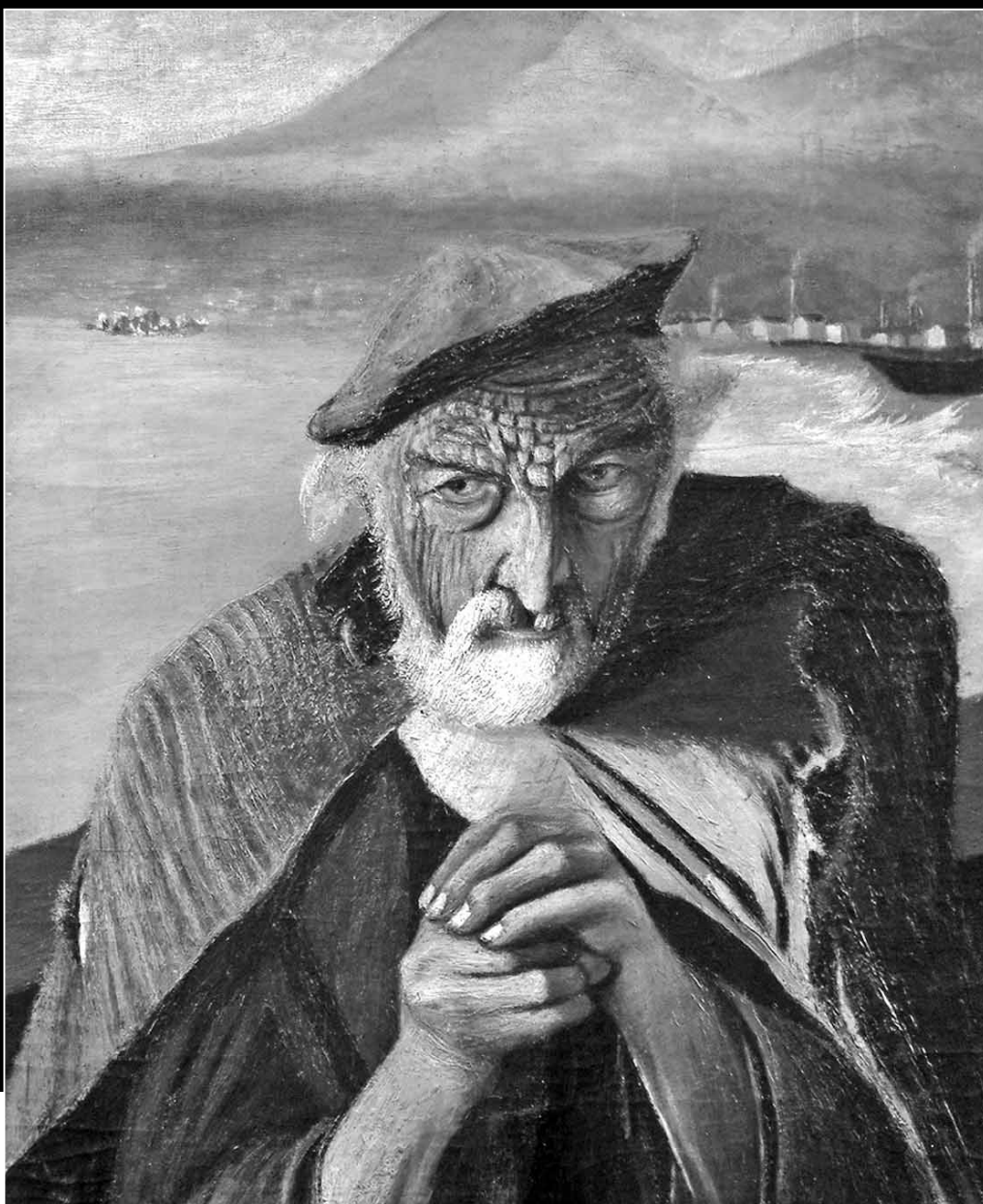
Нельзя сказать, что Венгрия подарила миру много выдающихся художников. Но несколько имен мы знаем, и среди них — Чонтвари, удивительный, непостижимый, яркий, завораживающий... Художник, создавший свой мир, а это удается очень немногим. Совсем недавно о нем, при жизни отнюдь не пользовавшемся славой, заговорили во всех изданиях, посвященных искусству: была раскрыта тайна одного из его полотен — «Старый рыбак». Спустя многие годы до нас дошло послание венгерского художника...

Чонтвари. Автопортрет

Тивадор Костка (в 1900 году он назовет себя Чонтвари, переведя польское «костка» (кость) на венгерский — «чонт») родился 5 июля 1853 года в австрийском городке Кишсебен (нынче это словацкий го-

род Сабинов). Отец Костки владел небольшой аптекой, ну и лечил, как мог, своих постоянных клиентов. У Тивадора было пятеро братьев и сестра. Будущее всех юных Костка было предрешено — они продол-

«Старый рабак»

жат дело отца, и в их аптеку будут приходить дети и внуки тех, кто обращался за помощью к Костке-старшему. Вот и Тивадор, получив аттестат в унгарской (Унгвар теперь — Ужгород) гимназии, прослушав лекции на факультете права местного университета, а потом изучив фармакологию, стал аптекарем. Он работал в аптеке, готовил и продавал всякие лекарства для страдавших разными хворями односель-

чан (его аптека была в деревне Исло). Но тут вдруг случилось нечто, что перевернуло всю его жизнь. В один прекрасный день, 13 октября 1880 года (Тивадору уже исполнилось 28 лет), он, стоя за прилавком своей аптеки, увидел за окном проезжавшую мимо телегу, запряженную буйволами. Тивадор схватил карандаш и на рецептурном бланке нарисовал эту телегу и буйволов. Во всех биографиях художника (а их не так много;

Если приставить зеркало перпендикулярно к центру картины, отразив в нем левую, затем правую половины, получится:

— левая часть — Бог

— правая часть — Дьявол

о Чонтвари, вообще-то, мало что известно, а то, что известно, часто легенды и мифы) можно прочесть, что в тот день скромный провизор Костка пережил озарение: он якобы услышал глас, исходивший из солнечного луча, и глас тот предсказал его судьбу: «Ты станешь самым великим художником и превзойдешь в своих творениях даже Рафаэля!» Ну как не стать живописцем после такого послания свыше?

Современные искусствоведы полагают, что в тот знаменательный день у Костки впервые проявилась

шизофрения, мучившая художника всю его последующую жизнь. Однако так говорят сухие циники, скучные профессора, но ведь верить в глас из солнечного луча гораздо приятнее...

Итак, он будет великим. Причем довольно скоро, через двадцать лет, почему-то решил Тивадор, легко уверовав в свое предназначение. Но чему он посвятит свое искусство? На этот вопрос быстро нашелся ответ — его творчество, его миссия будет во имя его народа, его бытия в мировой истории. Вот так — не больше и не меньше.

Вдохновленный новыми задачами, обретая новый смысл жизни, 3 февраля 1881 года Костка написал письмо известному венгерскому искусствоведу и пейзажисту Густаву Фридриху Келети, основателю Королевско-венгерской школы рисования и директору Королевско-венгерской художественно-промышленной академии. В письме будущий «венгерский Рафаэль» с присущей ему романтичностью и восторженностью заявлял: «Будь что будет, я не боюсь той великой задачи, которую преисполнен. Здоровье у меня отличное, воля стальная, что же до работы — бросаю вызов муравью. Настойчивость? — я хорошо себя знаю и не разочаруюсь. Я убежден, что Исконное и Поэтическое меня не оставят, ибо душа моя живет лишь Исконным и восторгается мельчайшей частичкой природы». Что думал Келети, читая это письмо, один бог знает. Но он его сохранил! Видно, очень удивился.

Костка понимал: учиться нужно не только для того, чтобы стать аптекарем, но и чтобы стать художником. А для этого нужны деньги. Он решил выйти из семейного бизнеса и открыл свою аптеку в Гаче (городок на севере Венгрии), чтобы зарабатывать капитал, необходимый для творчества. На это ушло десять лет, но это были не пустые годы — Чонтвари понемногу рисовал: животных, людей, растения, все, что видел вокруг себя. А весной 1881 года Костка, найдя нужную сумму, отправился в Италию — посмотреть того самого Рафаэля, которого он должен

превзойти. Итальянец не произвел на него сильного впечатления. Превзойти его будет не трудно, решил Тивадор. Посетив картинную галерею Ватикана, он написал в своих дневниках: «Я не узрел там живой природы, у Рафаэля нет того солнца, к которому стремлюсь я...»

Итак, заработав необходимый минимум для занятий живописью, в 1894 году Костка передал свое провизорское дело братьям, а сам уехал в Мюнхен — учиться и серьезно овладевать секретами живописи. В Мюнхене он нашел художественную школу, которой руководил его соотечественник, венгр Шимон Холлоши. Холлоши был на 10 лет моложе Костки, но их многое объединяло — во-первых, любовь к живописи, а во-вторых — ощущение причастности к своему народу, к венгерской культуре и желание найти ей достойное место в мировой культуре. Учась у Холлоши, Костка делал явные успехи. В то время он писал много портретов, на которых ярко выражались личности его моделей, их характер. Вот, к примеру, однажды он написал портрет известного среди всех мюнхенских художников натурщика Вертмюллера, и тот, говорят, потрясенный картиной Костки, воскликнул: «Я позирую почти семнадцать лет, но так нарисовать меня еще никому не удавалось!»

Почувшись у Холлоши, Костка отправился в Карлсруэ, где поступил в студию Фридриха Каллимортена. Он жадно впитывал основы мастерства, а потом, поняв, что та

«Баальбек»

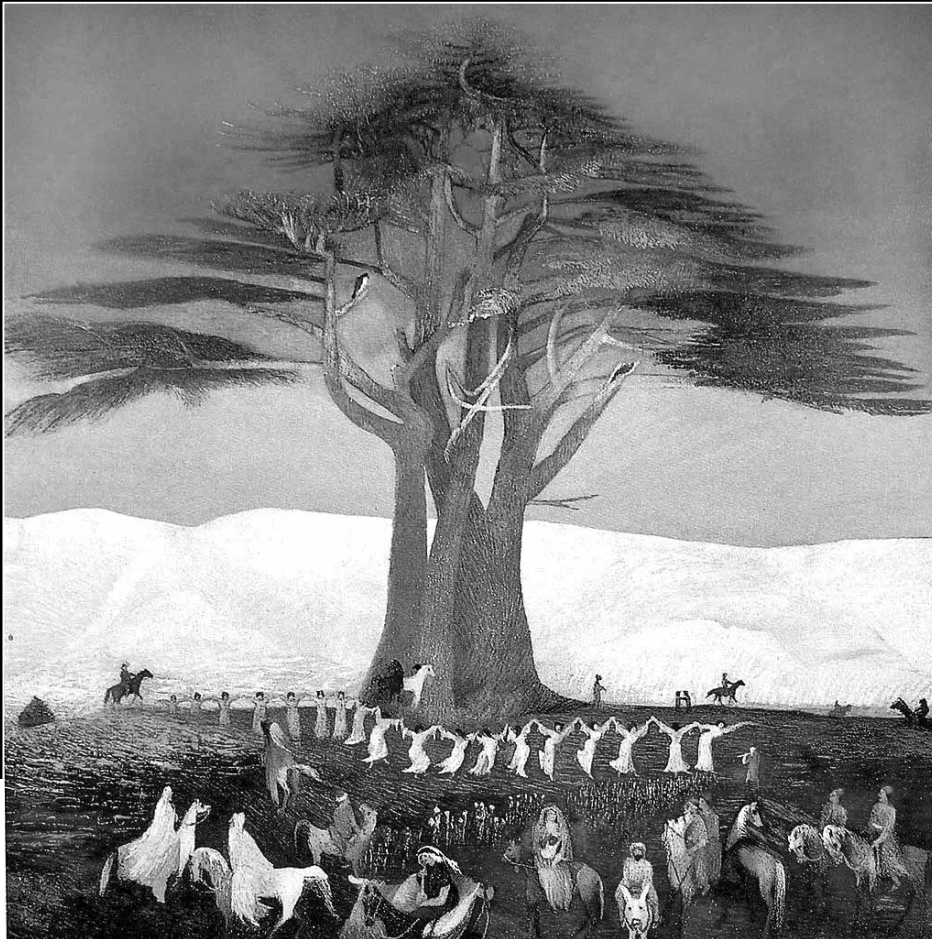
живопись, которая принимается обществом и критиками, ему глубоко чужда, отправился путешествовать — в Рим, затем в Париж, где, кстати, встретился с другим венгерским классиком, Михаем Мункачи, который, как и наш герой, закончил свои дни, сойдя с ума. Были затем и Греция, и Северная Африка, и Ближний Восток. В своих дневниках он писал: «Я много лет путешествовал по Европе, Африке и Азии, хотел найти предсказанную мне истину и претворить ее в живопись».

Тиводор упорно искал эту свою истину и выплескивал свои мысли, чувства на полотна. Он остро ощущал двойственность, противоречивость мира, где одновременно присутствуют любовь и ненависть, рождение и смерть, покой и буря. Свет и мрак, ислам и христианство; прошлое и будущее одновременно жи-

вут в настоящем. Кто-то скажет, что такая раздвоенность сознания вызвана его душевным недугом, а кто-то увидит в этом особенное, провидческое восприятие реальности.

В 1902 году была написана та самая картина «Старый рыбак», наверное, самая известная среди всего наследия венгерского художника. Сегодня она хранится в Мишкольце, в музее Отто Германа.

На картине — седобородый старик. За его спиной — морской пейзаж. Но если поставить, как однажды сделал некий искусствовед, изучавший творчество Чонтвари, посередине картины вертикально зеркало, вы увидите двух совершенно разных людей: благородного старца на фоне спокойного моря и горы, устремленной в небо, и злобного старика уже на фоне бурных волн. Кто-то утверждает, что Костка изо-

*«Паломничество
к ливанскому
кедру»*

Справа:
*«Одинокий
кедр»*

бразил Господа и Сатану, составляющих единое целое, а кто-то — что таким образом художник говорит: в человеке заложено и божественное, и дьявольское, и нам решать, давать ли волю сатанинским порывам или жить по христианским законам...

(А не так давно, в 1974 году, российский художник Александр Бочкин (1947–1989) написал автопортрет, используя прием, изобретенный Чонтвари. На картине мы видим человека, одна половина лица которого принадлежит юноше, полному надежд и планов, иллюзий и мечтаний, а вторая половина — зрелому мужчине, умудренному опытом, ис-

пытавшему неудачи, разочарования, а может, горе и потери... И все это легко увидеть, приложив к картине зеркало.)

В 1906 году Чонтвари написал огромное полотно «Баальбек» — 7x4 м! Это — тоже послание художника нам. Прошлое и настоящее на самом деле одновременно существуют в нашей жизни. И есть развалины, они навсегда остаются в нашей памяти, и есть верблюды, и люди, бредущие туда, куда их сегодня ведет жизнь...

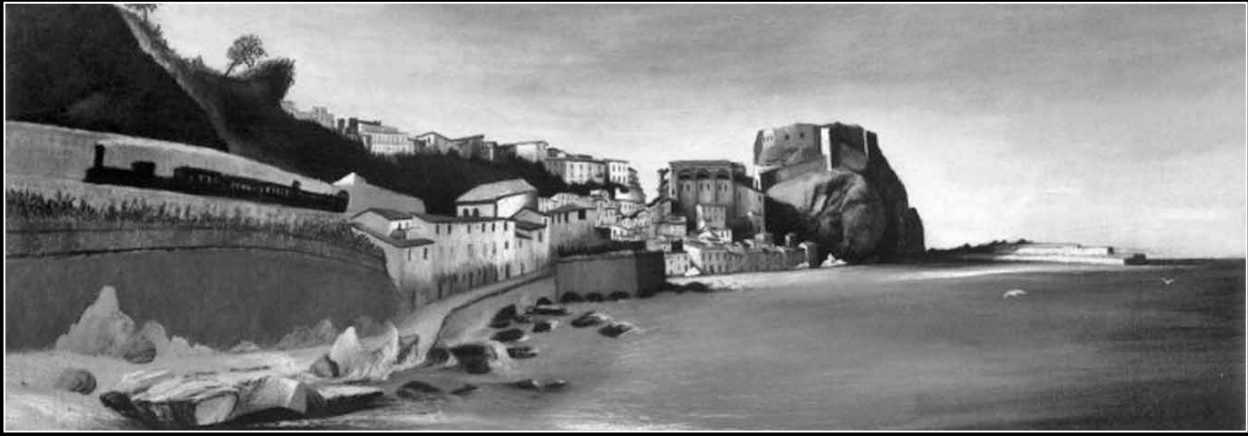
Художник много работал, и ему даже удалось показать публике свои работы — в Париже на Международной выставке в 1907 году и в Га-

лерее искусств в Будапеште. И хотя несколько именитых искусствоведов уже отметили Чонтвари, а кто-то даже сказал, что он многих оставил позади, славы он не снискал. И очередь за его картинами отнюдь не выстраивается. Но не признание публики было для него главным. Он жил в своем собственном мире, где он не только художник, но политик, философ, психолог, проповедник.

«Я, Тивадор Костка, во имя обновления мира отказался от своей юности, — писал он. — Когда я принял посвящение от невидимого духа, у меня было обеспеченное положение, я жил в достатке и удобстве. Но я покинул родину, потому так было

надо, и надо единственно ради того, чтобы видеть ее на закате дней богатой и славной. ... Почувствовав, что обладаю необходимым оружием, я в 1907 году направился в Париж и встал один на один с миллионами; один с плодами своего труда, которыми обязан Вседержителю. Я обратил в прах тщеславие всего мира, в один день принудил Париж капитулировать и превзошел всех, но десять миллионов человек — не уничтожал, я только воззвал к их рассудку, не делая себе рекламы, ибо не заботился о прессе, принадлежащей торгашам и крохоборам, я удалился в высокогорья Ливана, чтобы рисовать там кедры».

«Город на берегу моря»

В 1907–1908 годах Чонтвари действительно побывал в Ливане и действительно написал несколько картин, на которых изобразил ливанские кедровые деревья. «Одинокое дерево», «Паломничество к ливанским кедровым деревьям», «Колодец девицы Марии». На последней картине он нарисовал себя. Вот он — человек, льющий воду из кувшина. На картине есть арка — намек на рафаэлевские картины, на которых часто встречаются арки. И, конечно, великий итальянец часто изображал мадонн. Вот и на картине Чонтвари тоже есть не только арка, но и мадонна, своя, венгерская дева Мария.

«Паломничество к ливанским кедровым деревьям» — поразительная картина. Огромное раскидистое дерево, до небес, а вокруг него — хоровод людей, одетых в белые одежды. Они — такие маленькие по сравнению с деревом! И еще горы, устремленные вверх. А над всем этим — огромное синее небо. Вся картина наполнена светом и радостью жизни.

На картинах Чонтвари — земля, овеянная легендами прошлого, зем-

ля, которая рождала пророков: Баллабек, Иерусалим. На руинах умерших городов возникают новые. Тут древнее сливается с настоящим, античность определяет будущее. Чонтвари рисует Время...

«Гений, наверное, — тот, кто дождался своей очереди, кто предназначен судьбой, чьи предки обладали волей, внутренней культурой и художественным даром; тот, у кого сполна характера и любви, кто любит вскормившую его мать, солнце, комету, кто увлечен свободной природой и ловит бабочек, кто возлюбил истину и никогда не грустит в одиночестве, кто трудился с любовью, преданный собственным мыслям, искал будущее; тот, кто порвал с настоящим, отправившись в путь вместе с тайной; тот, кто всегда и повсюду в борьбе, слушая лишь собственное сердце, кто бросил карьеру и вспоминает с грустью о школьных годах, кто искал, копался в библиотеках; тот, кто, слушая всемирно известных людей, сохранил самолюбие, кто всегда и везде знает свой долг, кто

упорен, трудится с усердием, но без устали, требователен и никогда не доволен собой, хотя и ощущает свое превосходство, кто возжелал познать мир и много странствовал, кто никогда не колебался, видя границы, которые всегда есть во всем самобытном, независимо ни от чего и ни от кого...» — вот так размышлял этот человек, которого современники считали безумным...

А еще он говорил по поводу одной из своих картин: «Человек — существо разумное, но он создает что-то великое, когда не занимается расчетами, не предается размышлениям. Он должен вновь обрести детство, научиться восторгаться, как когда-то много лет назад. Тот, кому это удастся, будет думать и не думать одновременно. Его будет изумлять дождь, падающий с неба или волны, пытающиеся догнать одна другую...»

После 1909 года Чонтвари ничего не написал. Наверное, он пытался, но не мог завершить работу. Зато он реставрировал свои картины, созданные в прошлые годы, — он их часто перевозил, и холсты портились, краска трескалась. А еще он мечтал — мечтал о большой выставке в Венгрии, мечтал, чтобы его полотна увидели соотечественники и поняли, что он таки гений. Увы, Чонтвари на родине не признавали, считали, что он просто больной, одержимый, сумасшедший. Чонтвари был левшой, и это тоже отличало его от нормальных людей, зато он считал, что это — знак его дара.

Он верил в свою судьбу, в свое предназначение... На Земле, полагал художник, таких, как он, совсем немного. И среди них — император Франц-Иосиф, к которому он относился с глубочайшим уважением. Чонтвари не любил писать портреты, но портрет императора он, убежденный монархист, все-таки написал. На полотне Франц-Иосиф сидит за столом, размышляет о судьбах вверенной ему империи и что-то пишет. Наверное, новые указы, несущие его подданным счастье и процветание. Рассказывают, что когда император заболел, Чонтвари очень разволновался и, вспомнив о том, что он аптекарь, отправил императору письмо с рекомендациями, какие препараты тому следует принимать, дабы поскорее выздороветь.

Он был очень одинок, этот человек по имени Тивадор Костка, Чонтвари. Общаться с ним было невероятно тяжело. Он с трудом воспринимал то, что говорили другие, и быстро переходил на монологи, в которых представал этаким все знающим и все понимающим провидцем. А еще он был ярым пацифистом и не принимал войну ни в каком виде. Ему никто и ничто было не нужно — лишь краски и холсты. Питался он только фруктами и овощами, мясо ел крайне редко. У него не было семьи, не было друзей. Очень многие знавшие художника считали его настоящим шизофреником, живущим во власти своих странных, безумных видений. Выслушивать его пророчества было грустно и неинтересно. При жизни

Чонтвари не было продано ни одной его картины, никто не понимал его искусство — и только одна сестра принимала все, что он делал, и все ему прощала — наверное, просто его любила.

В последние годы жизни Тивадор вдруг занялся литературным творчеством — написал памфлет «Энергия

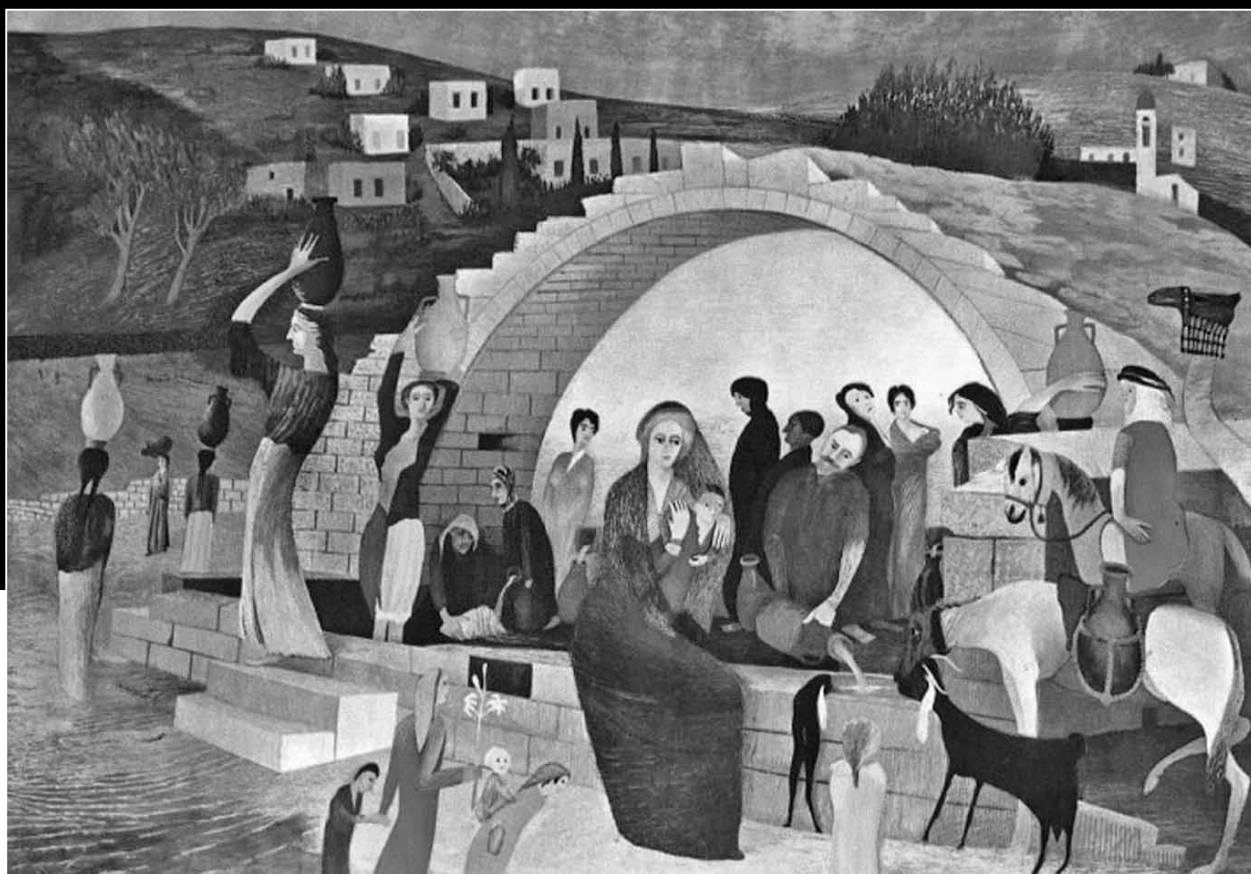

*«Памятник
Чонтвари»*

и искусство. Ошибки цивилизованного человека». А еще книгу «Гений. Кто может, и кто не может быть гением». Он, будучи сам гением, хорошо разбирался в этом вопросе. И хорошо знал, какие ошибки способен совершать так называемый цивилизованный человек.

Его последняя картина называется «Прогулка по берегу». Он написал ее еще в 1909 году, в Неаполе. И успел продемонстрировать на Всемирной выставке в Париже. Тогда картиной никто особенно не заинтересовался. Впрочем, как и всем, что он делал. Но в 1958 году «Прогулка по берегу» была показана на выставке «50 лет современного искусства» в Брюсселе и получила Главный приз! Времена меняются...

Выдающийся венгерский художник Чонтвари умер 20 июня 1919 года, в одной из будапештских больниц. Одинокий, нищий, растративший все свои капиталы на путешествия, краски и холсты, умер, побежденный болезнью, потеряв все связи с реальностью, глубоко впав в безумие. Ему было всего 60 лет. Похоронили его на столичном кладбище Керпеш. А спустя 50 лет его останки перенесли в общую могилу — так делают в соответствии с венгерскими законами, если за могилой по истечении этого срока никто не ухаживает. Родственники Чонтвари и при жизни-то не особенно его уважали, а уж после смерти... Но уже шел 1970 год, и в это время о художнике заговорили искусство-

«Колодец девы Марии» («Мария в Назарете»)

веды и вообще любители живописи. Постепенно становилось ясно его место в венгерском искусстве. И в 1979 году, к 60-летию со дня его смерти, на кладбище поставили памятник — художник стоит, держа кисть в левой руке, а палитру — в правой. (Копия памятника потом была установлена перед зданием музея Чонтвари в Пече).

Все в его жизни и судьбе было странно, необычно, случайно...

Удивительная история произошла и с его творческим наследием, сохранившимся чудом.

После смерти Чонтвари осталось множество картин. Куда их было девать? Сестра художника обрати-

лась в музей, однако никто не захотел приобрести «мазню» ее брата. Она уже готова была просто подарить картины, но и задаром их никто не хотел брать. Тогда она подумала, что, может, кто-нибудь купит картины просто как холсты, ведь на них можно еще что-нибудь нарисовать. Она написала объявление о распродаже всех картин брата и повесила его у дверей мастерской Чонтвари. И вот тут начинается чудо. В один прекрасный день мимо этого дома шел некий архитектор Гедеон Герлоци. Окончив академию, он решил остаться в Будапеште — ему предложили работу в венгерской столице. Проходя мимо мастерской Чонтвари, он увидел объявление о рас-

продаже картин (вернее, холстов) художника. Одна картина была представлена к стене — как образец холстов Чонтвари. Картина — а это был «Одинокий кедр»! — очень понравилась Герлоци. На следующий день он снова появился у дверей мастерской. «Я покупаю все картины! — заявил он пораженной сестре художника и предложил ей цену, чуть выше той, что предлагал ей местный старьевщик за все холсты.

Потом Герлоци хранил эти картины у себя в доме, но когда стал профессором в Школе изящных искусств, перевез их в здание школы, а самые большие полотна развесил по ее стенам. Герлоци стал преданным почитателем художника и в 1949 году даже возил его картины на выставки в Париже и Брюсселе.

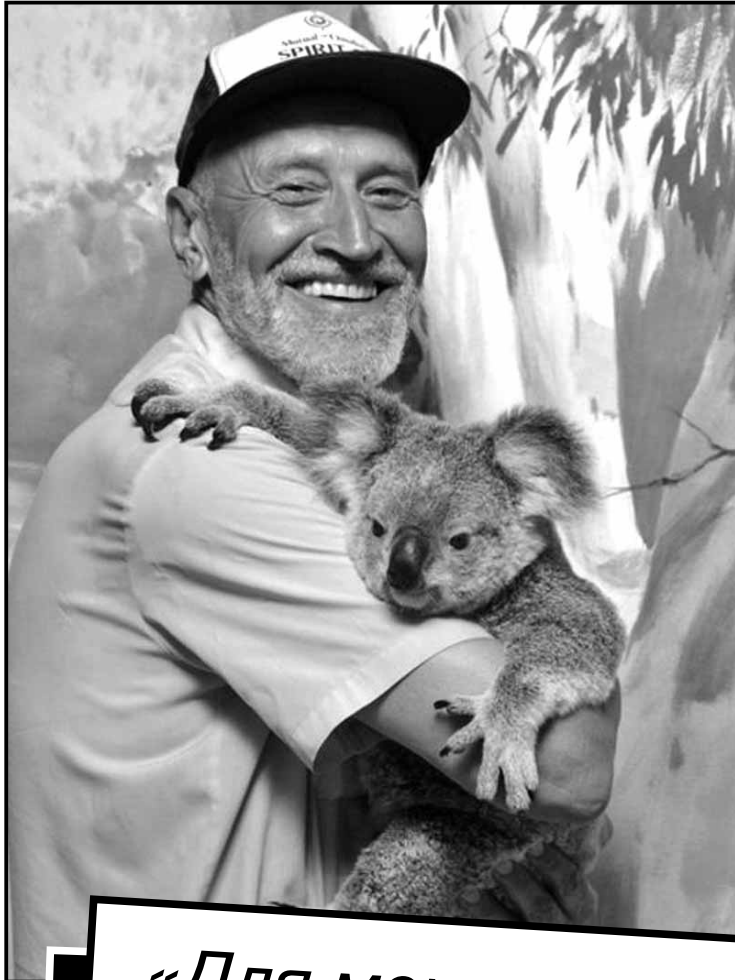
Гедеон Герлоци был не единственным человеком, попавшим под обаяние картин Чонтвари. Коллекционер Золтан Фюлеп по всей стране искал полотна художника. А потом в Пече, небольшом шахтерском городке, в 1973 году, основал его музей. И тогда Герлоци передал Фюлепу свою коллекцию картин Чонтвари — он знал, что передает их в правильные, хорошие руки. Через два года архитектор умер, но он успел увидеть картины своего любимого художника в музее. Главное дело его жизни было завершено. Герлоци был хорошим архитектором, но помнят его в Венгрии не потому, что в Будапеште построено много прекрасных зданий по его проектам, а потому, что

он сберег картины одного из лучших живописцев страны.

Сегодня работы Чонтвари украшают музей в Пече и коллекцию Венгерской национальной галереи. Что-то хранится в частных коллекциях. Что-то, к сожалению, пропало в годы войны, а что-то вдруг находят и в наши дни. Рассказывают такую историю: в конце 19 века Чонтвари продал свою аптеку, и купивший ее провизор нашел там какие-то его рисунки и картины. Он сложил их на чердаке и забыл о них. А спустя годы, уже в середине века 20-го, их тогдашний хозяин вез картины в автобусе и, выйдя на остановке, забыл сверток с работами Чонтвари в автобусе. Обнаружив пропажу, он дал объявление в газету и — удача! — картины нашлись!

Нынче картины Чонтвари изучают, о художнике пишут книги и рассказы, снимают кино (венгерский режиссер Золтан Хусарик снял поэтический, наполненный яркими образами, очень красивый фильм «Чонтвари»). Искусствоведы пытаются определить, к какому течению отнести его творчество — к примитивизму, экспрессионизму или к какому-то другому направлению. В общем, выясняется, что не таким уж сумасшедшим он был. Его искусство живет, и снова картины этого «шизофреника», этого «безумца» Тивадора Костки Чонтвари заставляют нас размышлять о времени, о красоте, о двойственности нашего мира и противоречивости человеческой природы. □

Николай Дроздов

Николай Николаевич Дроздов — человек-эпоха. Легендарный ведущий передачи «В мире животных», профессор МГУ, вегетарианец и путешественник, натуралист отметил в этом году свое 85-летие. Родные и близкие говорят, что счастливы жить «в эпоху» Николая Николаевича. Его бесконечная доброта и обаяние, харизма, чувство юмора и любовь к жизни не могут не вызывать улыбку у окружающих, каждого из которых он располагает к себе.

«Для меня смысл жизни — все время делать добрые дела»

Фото из личного архива

— Николай Николаевич, вы — ребенок войны. Может быть, помните о том скорбном для народа времени? Чем вам запомнилась война?

— Конечно, помню. Мне на тот момент было уже четыре года. Фашисты быстро добрались до Подмосковья. Решили не брать Москву в лоб (это теперь я уже понимаю), а зайти с се-

вера. Но им не удалось реализовать свой план — на их пути к югу стояла моя родная Рязань, первый город, который остановил фашистов. Я видел это все своими глазами. Мы жили в деревянных одноэтажных домах с огородиками, несерьезными заборами между ними. Это было, по моему, на улице Свободы, прямо перед Кремлевским валом. Именно там установили зенитки, причем, установили очень плотно. Ночью самолеты не летали — не было никакого радиоуправления, как сегодня, поэтому они вылетали на закате, надеясь проскочить к Рязани. На встречу им прямо в момент их появления шел мощнейший заградительный огонь. И фашисты сообразили, что надо делать: сбрасывали бомбы перед заградительным огнем, разворачивались и уходили. В саму Рязань они не совались. Бывали единичные случаи падения бомб, правда, такого ущерба, как в других городах, не было. Но мы все равно прятались. Моему брату в то время было 9 лет, а мне 4, и наша мама, как только слышался гул фашистских самолетов, тащила нас в погреб к соседям, с которыми мы сидели во время бомбежки. Мне это казалось очень красивым зрелищем, и я говорил маме: «Давай посмотрим!» — «Я тебе посмотрю!» — отвечала она и тащила меня обратно в подвал. Я, четырехлетний малыш, еще не совсем понимал, что происходило...

— Вы отметили 20 июня свое 85-летие, еще раз поздравляем вас всей редакцией и читателями с юбилеем. Как отметили?

— Спасибо! Отметили хорошо, 20-го числа собрались только члены семьи, 21-го пришли друзья. А потом поехали в Рязань, там у меня живут родственники, я ведь рязанский. Пришло много друзей и знакомых, так что получился еще и рязанский день рождения. Вот так отметили.

— Я знаю, что вы родом из семьи священников. И в одном из интервью рассказали, что в вашей семье есть традиция посещать церковь. Расскажите, пожалуйста, об этой вашей семейной традиции.

— Да, конечно, я посещаю церковь недалеко от нашего дома, а по большим праздникам отправляюсь в Храм Христа Спасителя. Если я верю в каноны нашей православной церкви, так это идет из семьи, потому что научить вере невозможно. У нас иногда учат в некоторых школах основам вероисповедания, но это тема для университетов, для студентов психологических кафедр, специальных факультетов, для филологов. В каждой семье есть свои традиции, есть верующие и есть атеисты. Но атеизм — это тоже своя форма верования: мы говорим, что Бог есть, и мы в это верим, а они говорят, что Бога нет, и тоже в это верят. Одни говорят, что Бог один —

это монотеизм, а другие считают, что богов много — это политеизм, у каждого своя вера.

— После посещения Индии в 1975 году вы стали вегетарианцем. Расскажите, пожалуйста, об этом опыте, который длится до сих пор.

— Есть веганы, которые не едят ничего животного происхождения. Есть младовегетарианцы, старовегетарианцы, как я (смеется). Постепенно я выработал для себя стиль такой — нельзя есть мясо наземных животных, поскольку в них есть жесткие мышцы, которые держат животное земным притяжением. Поедание их не очень полезно. А насчет морских жителей, рыб... Среди рыбаков были и апостолы, тоже рыбу ловили, рыба — постная пища, к тому же не имеет статических

мышц. Щука бросается пулей на добычу, но когда она ее сторожит, ее удельный вес практически равен весу воды...

— Как вы познакомились со своей супругой?

— Мы жили с ней в одном доме и столкнулись в лифте. Это уже стало притчей во языцах. Я опаздывал, и еле-еле успел забежать в лифт, когда дверь уже закрывалась. В то время моя будущая супруга жила на 5-м этаже, а я на 7-м. Потом мы как-то встретились с ней на лестничной площадке у нашей соседки, которая пригласила на чай меня и мою будущую жену. В то время она работала в министерстве легкой промышленности, и была великолепной машинисткой, а я работал над книгой, но дело шло очень медленно. Она мне сказала: «Давайте вы будете гово-

рить, а я буду быстро печатать». Вот так мы и подружились.

— Кто в вашей семье заведует финансами, ведет, так сказать, бухучет?

— Жена заведует, конечно, она и по магазинам ходит, и все распределяет.

— Вы объездили весь мир, а есть ли такая страна, в которую вам хочется вернуться снова?

— Все страны интересные, но мне больше нравятся те, в которых много пустыни. Я ведь занимался пустынями. Когда работал над своей кандидатской, начал именно с пустынь Средней Азии и Закавказья, правда, в Закавказье не пустыни, а полупустыни. Я исследовал Каракумы, Кы-

зылкум — это Туркмения и Узбекистан. Надеюсь, что когда-нибудь снова туда попаду и увижу, что там сейчас творится.

— Чем вам запомнилась Африка?

— О, Африка это, конечно, удивительное место! Самое интересное для наблюдения — это саванна. Я был в тропических лесах, там наблюдать за животными очень трудно, сидишь в кустах, и за ними почти ничего не видно. А в саванне наблюдать за ними очень легко. Все животные просто стадами идут, хищники, конечно, за ними охотятся, и ты все это видишь... Саванна в восточной Африке — это Танзания, Замбия, чудесные страны для изучения.

— Какая из передач «В мире животных», которые вы вели, вам понравилась больше всего?

Мне кажется, что лучше был самый начальный период, когда я был не ведущим, а выступающим, а ве-

ния в своей передаче. Мы с ним тогда подружились, несмотря на то, что ему, уже профессору, было 63 года, а мне всего 31. Сначала мы выезжали с ним в Африку, и он познакомил меня с жизнью саванн воочию. Это

Отношение к слову «любовь», — говорит Николай Николаевич, — у меня очень осторожное. Я люблю нашу планету, люблю нашу страну, люблю наш город Москву. Люблю свою жену, своих детей, своих друзей, всех близких. Люблю собак и вообще всех животных, особенно домашних. Ведь как сказал Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». К сожалению, у меня только в детстве были домашние животные. Потом — студенческие годы, защита диссертации, приходилось много работать, и я не мог позволить себе домашнего питомца...

дущим был мой большой друг, учитель Александр Михайлович Згуриди. Это был талантливейший режиссер, именно он основал передачу «В мире животных» в 1968 году. Первая передача прошла 17 апреля, а я присоединился к ней уже в июне, после того как защитил кандидатскую диссертацию. Передачи с моим участием стали показывать в сентябре, и я был в качестве выступающего до 1977 года. Это было самое интересное время. Создавал каждую передачу Александр Михайлович, и мне всегда было интересно смотреть результат. С 1975 года мы стали работать над передачей вместе с Згуриди. В то время он меня брал уже в три зарубежные экспедиции, приглашал на съемки своих фильмов, а не только на выступле-

было летом, в то время у передачи был двухмесячный отпуск, столько мы с ним там и пробыли в киноэкспедиции. В 1975 году он сказал, что нам нужно снимать уже не научно-популярные фильмы, а научно-художественные, и мы решили снять фильм по Киплингу — «Рики-тики-тави». Он знал, что я люблю змей. То есть люблю не самих змей, а люблю за ними наблюдать...

— Поясните, пожалуйста, Николай Николаевич...

— У меня отношение к слову «любовь» очень осторожное. Я люблю нашу планету, люблю нашу страну, люблю наш город Москву, люблю все, что здесь происходит. Я люблю своих друзей, свою жену, своих детей, всех своих близких. Люблю собак, домаш-

них животных, но по-другому, не так, как людей и страну. Когда говорят: я люблю сосиски и люблю нашу Родину, мне кажется это неправильно. Да, есть какие-то продукты, которые мне по вкусу, но любовь надо ограничивать человеческим кругом...

— Как раз по поводу домашних животных, расскажите, как пережить смерть своего питомца?

— Вы должны сразу отдавать себе отчет в том, что если вы заводите домашнее животное, кошку или собаку, она не будет жить дольше вас. Они живут ограниченное время и стареют быстро. Конечно, они становятся вашими друзьями и любимцами, за которых вы берете на себя ответственность. Как сказал Экзюпери — мы в ответе за тех, кого приручили. Мы должны заботиться об их благополучии, но при этом помнить, что жизнь конечна, и это естественный уход, к нему следует относиться философски. Все люди это понимают, но, конечно, переживают. А через какое-то время мы заводим новое животное, оно тоже стареет и умирает, но этот процесс не нужно драматизировать.

— А у вас сейчас есть какой-нибудь питомец?

— Сейчас нет, очень много работы, и поездки отнимают время. У меня только в детстве были домашние животные. А потом, когда я был студентом, затем защищал диссертацию и приходилось много работать,

у меня никогда не было питомцев. А вот экзотических животных я наблюдал, мне было интересно следить за их поведением. Дома в неволе это не увидишь, только в дикой природе.

— Как вы считаете, каких животных не нужно заводить в квартире?

— Не нужно заводить ядовитых змей категорически, ни в коем случае, даже когда человек работает со змеями. На работе много таких террариумов, но человек никогда не унесет домой ни одну змею, потому что там маленькие дети. Не нужно подвергать риску окружающих.

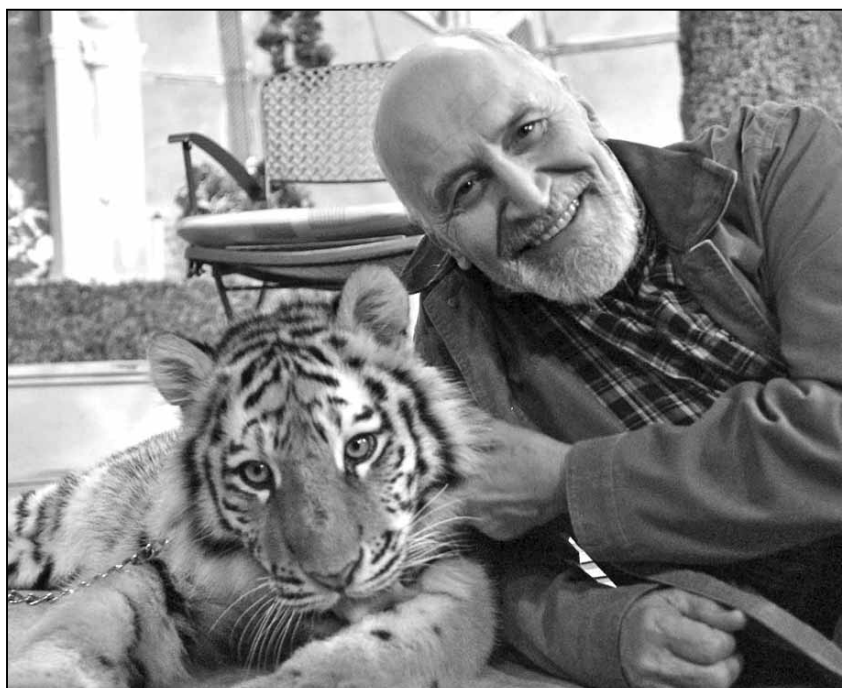
— Какие книги вы порекомендуете, что вы любите читать?

— Пушкина, конечно, думаю, его и так все читают. Знаю очень много его стихотворений наизусть. Чехова обязательно надо читать. Поражаюсь, насколько он «международен». Казалось бы, наш писатель, а его юмор понятен любому на планете. Куприн тоже очень интересный наш писатель. И, конечно, люблю Лермонтова — он мало прожил, но какие стихи написал. А еще Маяковского — мощнейшие стихи и по содержанию, и по форме! Например, он выезжает за рубеж и протягивает свой паспорт чиновнику. Здесь я говорю, что Маяковский писал про животных — и про львов, и про ежей, и про змей. Когда же меня с удивлени-

ем спрашивают, где, в каком стихотворении, я отвечаю, вот, слушайте внимательно: «Берет — как бомбу, берет — как ежа, как бритву обоюдоострую, берет, как гремучую в 20 жал змею двухметровой ростую!» Это «Стихи о советском паспорте», почитайте, обхотечесь!

— Вы занимаетесь также педагогической деятельностью, вы — профессор МГУ. Строгий ли вы педагог?

— Нет, не строгий. Двойки практически не ставлю. Когда человек ничего не знает, стараюсь его на тройку хотя бы вытянуть, чтобы не приходил второй раз. А если я ставлю четверку, но студент хочет пятерку, говорю: приходите еще раз, побеседуем. Некоторые приходят по второму разу, подготовятся и безошибочно отвечают. Конечно, хочется сделать человеку приятное.

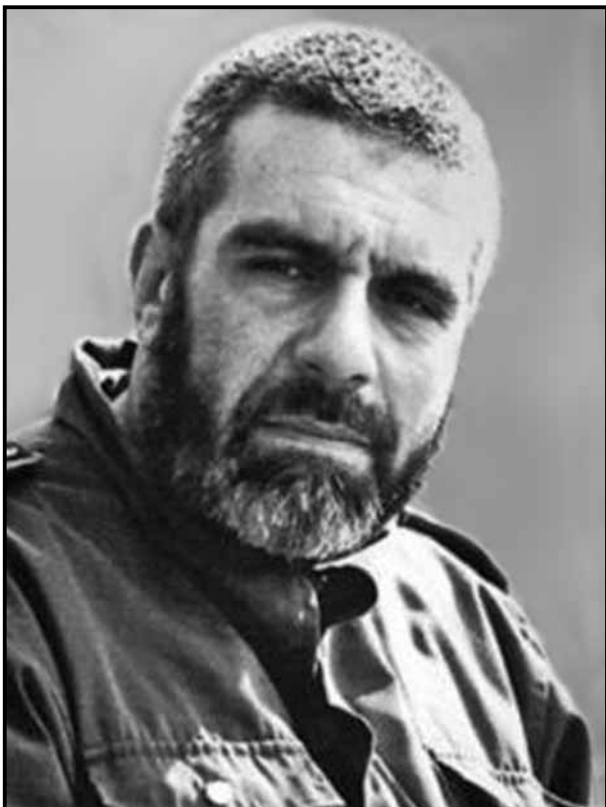
— Как вы проводите свободное время?

— Я даже не знаю, что такое свободное время! В огород мы, конечно, ездим с женой, только в грядки упирается она одна, я только отношу или приношу то, что ей надо, вот такой из меня технический помощник. Что, куда и как рассадить — это по ее части.

— В чем для вас заключается смысл жизни?

— Прожить ее так, чтобы быть полезным окружающим людям, в первую очередь, своей семье, своему городу, народу, стране. Все время делать какие-то добрые дела. Мой возраст не такой маленький, но я стараюсь быть полезным сейчас, насколько это возможно, и интересным обществу и людям. В первую очередь, конечно, семье и себе. О себе тоже нужно заботиться, чтобы не попасть в положение беспомощного человека, и оставаться здоровым как можно дольше. Здоровое долголетие — это очень важно. Желаю вам и всем читателям активного здорового долголетия! □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

ПРЯМОЙ ПУТЬ Сергея Довлатова

В минувшем году исполнилось бы 80 лет со дня рождения удивительного писателя Сергея Довлатова. Его нет с нами уже более 30 лет, он выстукивал свои произведения на пишущей машинке, не имел тогда еще являвшегося предметом роскоши мобильного телефона и не догадывался о возможностях жидкокристаллического дисплея. При этом его грустно-ироничные, незатейливо-пронзительные новеллы по-прежнему актуальны в реалиях жизни и характеров, по-прежнему массово любимы. Возможно, это происходит потому, что он писал о вещах вневременных, близких и понятных нам, живущим сегодня и листающим подчас страницы довлатовских книг на экране ноутбука или планшета. И точно так же не стареет и не выветривается «фирменный» довлатовский юмор, пронизывающий буквально каждую страницу его сборников, посвященных потерянной интеллигенции, бегству от действительности с помощью пьянства, а также — людям, плывущим против течения за ускользающей от них жизнью...

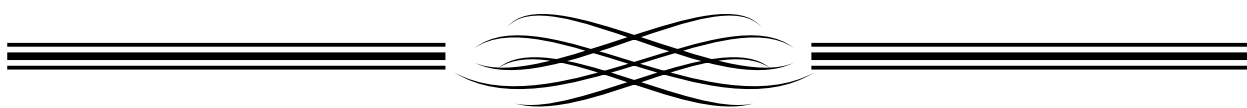
Житейская судьба Сергея Донатовича изобиловала неожиданными зигзагами, но творческий путь всегда был прям. Он писал, как думал и видел, никогда не шел на компромисс с совестью и не подлаживался к конъюнктуре. Оттого в «застойные» брежневские годы был за-

прещаем цензурой и гоним властью, разделив в итоге участь друга юности Иосифа Бродского и других диссидентов-изгнанников.

Творчество Сергея Довлатова полно загадок. Разгадывать их — занятие увлекательное. Например, художественная трактовка им в разных вещах на новый лад одних и тех же сюжетов, вроде истории знакомства с женой... Причем все три версии, вероятно, существенно отличаются от реальных обстоятельств встречи этой супружеской пары; обстоятельств, дающих начало поистине неисчерпаемой у Довлатова теме семьи.

Некоторые устойчивые словесные конструкции и оригинальные метафоры кочуют из одного довлатовского рассказа в другой, ничуть не обедняя их емкий, выразительный стиль. И при этом писатель придирчиво изгонял повторы букв в словах отдельной фразы (что, правда, у него не всегда получалось)...

Своего рода символической загадкой представляется и смерть Довлатова. Она случилась 24 августа 1990 года, в тот самый день, в который он двенадцать лет назад покинул родину... И за его внезапной кончиной сразу же последовала невероятная, можно сказать, загадочная посмертная слава, какой этот талантливый писатель, конечно же, не знал при жизни.

Огромный и по-мужски очень обаятельный Сергей Донатович Довлатов появился на свет в сентябре сорок первого в Уфе, куда были эвакуированы из Ленинграда его родители — театральные режиссер Донат Исаакович Мечик и актриса, а впоследствии корректор Нора Сергеевна Довлатова (Довлатян). Гремучая еврейско-армянская смесь определила порывистый и необузданный характер будущего писателя.

В Ленинград, в квартиру на улице Рубинштейна Сергей вернулся с родителями в 1944-м и окончил среднюю школу, где, несмотря на то, что был выше и сильнее сверстников, не слыл драчуном. Напротив, добродуш-

ного подростка частенько задирали одноклассники. Отец к тому времени покинул их семью, и общение с ним ограничивалось у сына редкой перепиской. Потому и фамилию он взял матери. На филфак Ленинградского университета Сергей поступил в 1959 году, избрав отделение финского языка. Но со второго курса был отчислен из университета за постоянные пропуски лекций и игнорирование требований преподавателей.

Тогда уже его увлекло литературное творчество, притягивала художественная среда. Годы становления личности, выбора пути ознаменовались для Довлатова дружеским общением с ленинградскими поэтами

Е. Рейном (которого Бродский называл своим учителем), А. Найманом, поэтом и прозаиком Е. Вольфом и с самим И. Бродским, оставившим о молодом Довлатове яркие воспоминания.

Ну а затем Сергей был призван в армию. Три года службы во внутренних войсках на охране лагерей в Коми явились глубоким водоразделом между его прежней и будущей жизнью. По воспоминаниям Бродского, из армии Довлатов вернулся, «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде».

Рассказы он продолжил писать, поступив на факультет журналистики ЛГУ и работая в студенческой многотиражке. Журналистика становится для него ступенью на пути к профессиональной писательской деятельности. Довлатов в ту пору много читал и оттачивал свой литературный стиль.

Постепенно у него стали накапливаться отвергаемые издательствами рассказы. И — выматывала душу репортерская поденщина в газете «Знамя прогресса» ленинградского оптико-механического производственного объединения ЛОМО. Его пригласили в известную ленинградскую литературную группу 60-х «Горожане» и в литературные секретари к маститой питерской писательнице Вере Пановой. А в январе 68-го Довлатов впервые выступил перед публикой на вечере ленинградской творческой молодежи.

В сентябре 1972-го Довлатов неожиданно уехал в Эстонию. Ему казалось, что там он будет чувствовать себя свободнее, и печататься ему там

будет легче. Кроме того, манил западный глянец этой уютной прибалтийской республики. Для получения эстонской прописки Сергей Донатович некоторое время работал кочегаром в таллинской котельной, одновременно являясь внештатным корреспондентом газеты «Советская Эстония».

Позже он был принят на должность ответственного секретаря в ведомственную газету «Моряк Эстонии» и писал также для газеты «Вечерний Таллин». Затем перешел штатным сотрудником уже в республиканскую газету «Советская Эстония». Но не очень то уживался там. Обо всем этом — тонкие довлатовские рассказы сборника «Компромисс», запечатлевшие грустные и смешные истории его журналистской практики и жизни коллег.

«Таллин — город маленький, интимный. Встречаешь на улице знакомого и слышишь: «Привет, а я тебя ищу...» Как будто дело происходит в учрежденческой столовой... Короче, редактор Туронок вызывает меня и говорит:

— Есть конструктивная идея. Может получиться эффектный репортаж. Обсудим детали. Только не грубите...

— Чего грубить?..

— Вы, собственно, уже нагрубили, — помрачнел Туронок, — вы беспрерывно грубите, Довлатов. Вы грубите даже на общих собраниях. Вы не грубите только, когда подолгу отсутствуете...»

Честно говоря, «прототипов» довлатовских историй трех главных периодов его жизни — ленинградского, таллинского и нью-йоркского — не стоит принимать всерьез. Он взгляды-

вается не в них, а в собственную душу. «Обманка» заключается в том, что читатель идентифицирует лирического героя писателя, рассказчика с автором, воспринимаемым в качестве любимого артиста. Однако Довлатов, художник-артист, оставаясь в прозе самим собой, выступает в сценическом «гриме» и по-своему «гримирует», расцвечивает описываемую действительность. Реальность, разумеется, остается в произведениях Довлатова реальностью, но по сравнению с ними выглядит будничнее и бледнее.

Совершенствуясь в писательском ремесле, Довлатов овладел искусством вслушиваться в себя, а уже через это научился чутко прислушиваться к собеседникам рассказчика. Причем доказывает, что за ним-то грехов куда больше, нежели за всеми прочими персонажами. Он не язвит над ними, он им сочувствует. Вот почему такие «человечные» довлатовские рассказы изначально грустны, хотя, читая их, мы не можем сдержать улыбки.

Сам автор однажды признался: «Хочется писать так, чтобы мои книги читали внуки моих врагов и — улыбались». Судьба внутренне свободных, раскрепощенных людей в условиях окружающей тотальной несвободы и двойной морали является сквозной темой творчества Сергея Довлатова. Роковые последствия этого для свободной личности писатель в полной мере испытал на себе. Набор его первой книги «Пять углов» в таллинском издательстве «Ээсти Раамат» был рассыпан по приказу КГБ Эстонской ССР. Отвергали довлатовские рассказы также ленинградские

книжные издательства, редакции журналов. И тогда Довлатов, продолжая писать прозу, уехал работать экскурсоводом в «Пушкиногорье», мемориальный музей-заповедник Михайловское (под Псковом).

«...Заходим в экскурсионное бюро. Сидит такая дама, мечта отставника. Аврора сунула ей путевой лист. Расписалась, получила обеденные талоны для группы. Что-то шепнула этой пышной блондинке, которая сразу же взглянула на меня. Взгляд содержал неуступчивый беглый интерес, деловую озабоченность и легкую тревогу... «Экспозицию знаете? — спросила блондинка и неожиданно представилась: «Галина Александровна». «Я был здесь три раза». «Этого мало». «Согласен. Вот и приехал снова». «Нужно как следует подготовиться. Проштудировать методичку. В жизни Пушкина еще так много неисследованного. Кое-что изменилось с прошлого года». «В жизни Пушкина?» — удивился я. «Извините, — перебила Аврора, — меня туристы ждут. Желаю удачи...»

Вот так начинается этот замечательный цикл, проникнутый юмором и по-новому живописующий, казалось бы, обыденные вещи, явления, эмоции в диапазоне не столь уж долгого по времени обитания под сенью Михайловского нашего национального гения. Помните, у Окуджавы в песне: «На фоне Пушкина снимается семейство. Как обаятельны для тех, кто понимает, все наши горести и мелкие злодеяния. На фоне Пушкина и птичка вылетает...»

«Я хотел изобразить в Пушкинском заповеднике литературного человека,

проблемы которого лежат в том же аспекте, что и у Пушкина: деньги, жена, творчество, государство, — пояснял писатель замысел этой книги. — И дело отнюдь не в способностях героя, а в самом заповеднике, который изображается наподобие мавзолея, в равнодушии и слепоте окружающих...»

«Зона», Записки надзирателя», «Компромисс», «Заповедник», «Наши», «Иностранка», «Чемодан», «Представление», автобиографическая повесть «Ремесло». Она поделена на две части, как и сама судьба автора. Первая посвящена жизни в Советском Союзе. Вторая — жизни в США. Сборники лапидарной, поистине чеховской прозы были созданы в 80-е годы.

Выбираем наугад. «Зона». Повесть, состоящая из четырнадцати самостоятельных эпизодов, в которых речь о житье-бытье лагерников и их охранников. Лагерные эпизоды чередуются с письмами автора к издателю. Эта вещь, по словам исследователя творчества Довлатова, была для писателя «если и не самой любимой, то самой важной книгой. Ее он не собирал, а строил — обдуманно, упорно, педантично».

Как самостоятельные рассказы создавались автором 12 глав сборника «Наши». Смешные, светлые истории, в которых, по образному определению Бродского, «звучит негромкая музыка здравого смысла».

В русском районе Нью-Йорка, где поселился писатель, разворачивается действие трагикомической повести «Иностранка». Тут, писал Довлатов, «есть русские магазины, детские сады, фотоателье и парикмахерская.

Есть русское бюро путешествий. Есть русские адвокаты, писатели, врачи и торговцы недвижимостью. Есть русские гангстеры, сумасшедшие и проститутки. Есть даже русский слепой музыкант»...

Тоска по утраченной родине, мечта вновь пройтись по ленинградским улицам наполняет эмигрантские произведения Довлатова скрытой грустью, которая переключается с насмешливо-печальной интонацией его ранних «протестных» рассказов, неизменно отвергавшихся советскими журналами и издательствами. Постепенно они начали появляться в самиздате, в эмигрантской печати, что и послужило причиной исключения Довлатова из Союза журналистов СССР.

Зарабатывать на жизнь ему становилось все труднее. В июле 1978-го Сергей Донатович был арестован на 15 суток, якобы «за хулиганство». А в августе писатель со старенькой матерью, следом за своей женой Еленой и дочерью Катей выехал сначала в Вену, затем перебрался в Нью-Йорк, где в 1980-м году возглавил популярную среди русской эмиграции газету «Новый американец» и начал ежегодно выпускать по сборнику рассказов. За 12 лет жизни в США Довлатов снискал известность и у американских читателей — его произведения печатались в таких культовых изданиях, как «Партизан ревью» и «Нью-йоркер».

«Филиал»(1990) — последняя завершенная книга Сергея Довлатова. Герой-рассказчик в ней приезжает в середине 80-х в Лос-Анджелес на эмигрантский симпозиум «Новая Рос-

сия» и встречает там подругу юности. Магическая сила памяти завязывает прошлое и настоящее в единый узел, бросая свой ответ в будущее.

Личная жизнь Сергея Довлатова была весьма непростой и путаной. При всех житейских неурядицах и постоянной нужде на родине он слыл неисправимым донжуаном, хотя, в сущности, сознательно не стремился к подобной репутации. Официально в брак вступал дважды и еще состоял в одном гражданском браке.

Со своей первой супругой Асей Пекуровской он познакомился еще в студенческую пору. Фактически Ася стала первой настоящей любовью писателя. Невероятно красивая и жутко популярная в студенческой среде Ася, как признается в одной из книг уже эмигрировавший в США Довлатов, вогнала его в долги, поскольку он, нищий студент-филолог, изо всех сил старался не ударить в грязь лицом перед дамой сердца, за которой ухаживал его друг Иосиф Бродский. Ася предпочла ему 19-летнего начинаю-

Годы становления личности, выбора пути ознаменовались для Сергея Довлатова дружеским общением с Иосифом Бродским, оставившим о молодом Довлатове яркие воспоминания. Ну а затем Сергея призвали в армию. Три года службы во внутренних войсках лагерей в Коми стали глубоким водоразделом между его прошлой и будущей жизнью. По воспоминаниям Бродского, из армии Довлатов вернулся «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде...»

Примечательно, что первая дочь писателя родилась от его второй жены, а вторая через четыре года — от первой. До конца жизни он так и не мог определиться, какую из этих двух женщин любит больше. Но в эмиграцию отправился со второй женой Еленой, которая уже там родила его последнего ребенка, сына Николая. А вот гражданская жена подарила ему третью дочь. Ко всем своим детям Сергей Донатович был очень привязан.

щего прозаика, младше себя на год. Но уже через пару лет сложных, мучительных отношений они развелись.

Между прочим, красота оказалась далеко не единственным козырем этой яркой женщины. Эмигрировав на пять лет раньше бывшего мужа, она получила степень доктора литературы в Стенфордском университете и преподавала там. Спустя некоторое время, когда Довлатов уже прочно осел в Нью-Йорке, он написал повесть «Филиал». Одна из героинь

повести, Тася, была списана с Аси Пекуровской. Совпадали также обстоятельства их встречи. И воспоминания молодости органично влились в художественный текст.

«Жили мы, повторяю, беззаботно и весело... Я был наивен, чист и полон всяческого идеализма. Она — жестока, эгоцентрична и невнимательна».

Сергей Донатович признавался, что Ася была ему неверна, и на первом месте у нее стояла собственная тяга к приключениям. Все это, тем не менее, не помешало Довлатову сохранить память о первой жене на всю жизнь, хотя исследователи творчества писателя полагают, что роман с Асей Пекуровской нанес ему глубокую неизлечимую травму.

Начав издаваться в Штатах, Довлатов прислал Асе свои книги, которые она, по собственному признанию, даже не стала открывать, однако с ростом читательской популярности бывшего мужа решила все же достать их с чердака и пролистать. Искренне или нет, но ее вердикт был беспощаден: Довлатов вовсе не талантлив, а произведения его — ничем не примечательное, банальное чтение. Вот так она рассчиталась с бывшим мужем.

Со второй женой Еленой Сергей познакомился в троллейбусе. «Это была не любовь, — писала впоследствии Елена, — и тем более не минутная слабость. Это была попытка защититься от хаоса. Мы даже не перешли на «ты». А через год родилась дочка... Так и познакомились». Она первая приняла решение об отъезде в Америку, чему Довлатов долго противился,

боясь оказаться ненужным со своим литературным даром на чужбине. Причем одарен он был весьма разнообразно: обладал музыкальным слухом, хорошо рисовал (прислал отцу из армии замечательный автошарж), писал проникновенные стихи (которые потом хотел уничтожить).

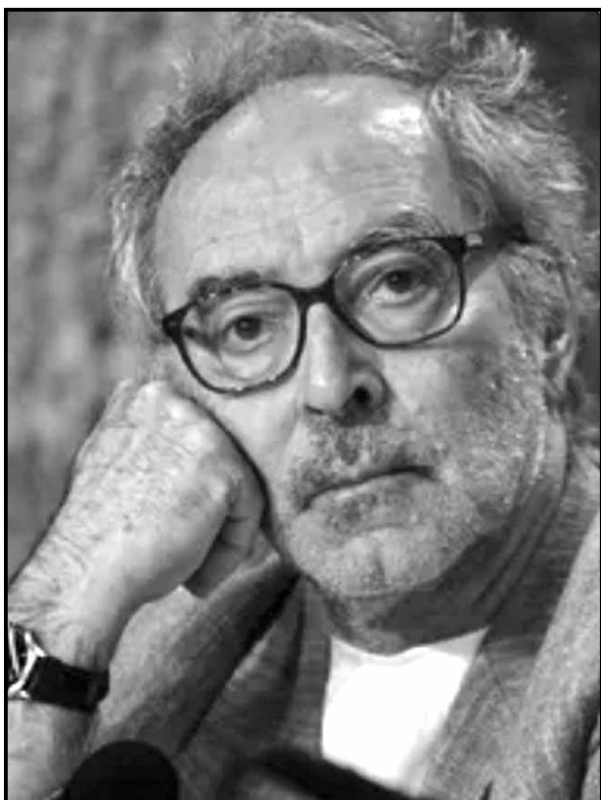
В Штатах он долго не мог найти работу. То ходил на курсы ювелиров, то по знакомству пытался устроиться швейцаром в отель... Когда, наконец, стал редактором газеты, как мог, старался бороться с алкоголизмом, за который себя ненавидел. Бороться, увы, ему становилось все сложнее...

Во время запоев Сергей Донатович часто уходил из дома. Елена, тащившая на себе семью, не могла выносить его в таком состоянии. В августе 90-го он, запив, оказался у одной из близких подруг — журналистки А. Дробыш. Там его и настигла смерть от инфаркта.

Символично, что вечный покой писатель обрел в армянской части еврейского кладбища «Маунт Хеброн» в Нью-Йорке.

В 1995 году в родном городе Довлатова, Ленинграде, учредили литературную премию его имени, присуждаемую ежегодно либо за лучший рассказ, написанный на берегах Невы, либо за лучший напечатанный здесь рассказ.

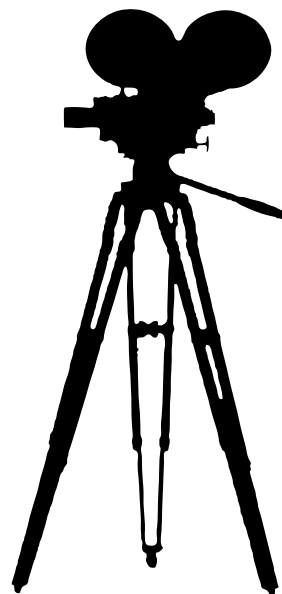
И последний любопытный факт. О себе и своих детях Сергей Донатович грустно замечал, что они неохотно говорят по-русски, а он неохотно говорит по-английски. □

Георгий Кричевский

Жан-Люк Годар

«Самый смелый, шикарный и непочтительный»

На Каннском фестивале 2014 года жюри решило наградить специальным призом сразу два фильма — «Мамочку» канадского «киновундеркинда» Ксавье Долана и «Прощай, речь 3D» патриарха искусства экрана Жан-Люка Годара. Критики тогда шутили, что непонятно, кто из двоих режиссеров более смел и дерзок в творчестве, свободен от условностей — 25-летний Долан или 83-летний Годар. Многие полагали, что именно последний.

За свою долгую жизнь он снял 129 фильмов, включая документальные, короткометражные и телевизионные. Наиболее значительными в его творчестве оказались шестидесятые годы, время начала режиссерской карьеры как главного зачинателя знаменитой «новой волны».

Годар выбрал сложный режиссерский маршрут — в каждом последующем десятилетии он кардинально менял свою художественную манеру, оставаясь при этом самим собой: вдумчивым, глубоким исследователем общества, человека и киноискусства, с которым накрепко связал жизнь.

Смотреть его фильмы непросто. В большинстве из них режиссер насыщает каждый кадр, порой даже отдельную реплику огромным количеством реминисценций и аллюзий мировой культуры, литературы, французской истории...

Можно, однако, подходить к фильмам Годара не интеллектуально, а чисто эмоционально и просто получать удовольствие от того,

насколько режиссер свободен в обращении с материалом, задачами актеров и самим зрительским восприятием. И тогда творчество Годара раскрывается с другой стороны — как раскрепощенная веселая игра, нарушающая традиционные представления о том, что такое фильм. Это — своего рода «антикино», но такое интересное и волнующее.

Жан-Люк Годар родился в декабре 1930-го в Париже. Его отец был врачом и имел собственную клинику. Мать принадлежала к протестантской семье известных швейцарских банкиров, из которой вышли многие именитые люди, включая нобелевского лауреата микробиолога Ж. Моно, а также композитора, натуралиста и историка.

Когда Жан-Люку исполнилось четыре года, семья переехала в Швейцарию, где будущий кинорежиссер и получил начальное образование, а затем продолжил учебу в престижном парижском лицее. Именно там он всерьез увлекся кинематографом и одновременно предпринял любительские попытки заняться литературным творчеством. В результате провалил экзамены на степень бакалавра и вернулся домой в Швейцарию. Позднее уехал поступать в Сорбонну, выбрав почему-то антропологию.

Изучал ее Годар недолго. Киноклубы Латинского квартала, в том числе знаменитая Французская синематека, целиком поглотили его. Страсть к разборам и теоретизированию привела к тому, что первые шаги в кино он делал на критиче-

ском поприще. Со временем Годар даже стал редактором влиятельного киножурнала «Газетт ди синема». В тот период о создании собственных фильмов он не думал — смотрел чужие и увлеченно писал о них.

Осенью 1952-го Жан-Люк покинул Париж и перебрался к матери в Лозанну. Однако связей с молодыми парижскими друзьями, как и он, дышавшими воздухом кино, не порывал. Спустя несколько лет они вместе запустят по мировому экрану свою легендарную «новую волну». Пока же Годар, продолжая сотрудничать в журнале, обеспечивал себе пропитание работой на строительстве гравитационной дамбы самой высокой в мире плотины Гранд-Дискенс в швейцарском кантоне Вале.

Когда уже истекал его рабочий контракт с управляющей компанией, ему пришла в голову идея снять документальный фильм об этой грандиозной плотине, удерживающей водные потоки с ледников, ради чего он продлил свой контракт, уже в должности телефонного оператора.

Тем временем погибла, катаясь по озеру на скутере, его мать. Жан-Люк тяжело переживал утрату, но

*«Безумный
Пьеро»*

от идеи снять фильм о плотине не отказался. Благодаря швейцарским приятелям, предоставившим ему 35-мм кинокамеру, он снял выразительную короткометражку «Операция бетон», которую купила в рекламных целях управляющая плотинной компания.

С этой незатейливой неигровой ленты, собственно, и начался триумфальный режиссерский путь Годара.

В Париж он вернулся в январе 1956-го, все еще сотрудником киножурнала, и один из будущих столпов «новой волны» Франсуа Трюффо обратился к нему за помощью в разработке идеи фильма на основе подлинной истории мелкого преступника, застрелившего полицейского на мотоцикле и выданного своей же подругой. Трюффо не удалось найти

продюсеров, и этот сценарный проект до съемочной площадки так и не добрался, так же, как еще один совместный комедийный проект Годара и Трюффо, посвященный наивной деревенской девушке, приехавшей в Париж.

Довелось Годару поработать с другим корифеем «новой волны», Эриком Ромером, над серией короткометражек о примечательной жизни двух молодых женщин. В том же 1958-м он снял по сценарию Ромера фильм «История воды», в основном из неиспользованного снятого материала Трюффо. Творчество единомышленников по зарождавшемуся новому направлению — А. Рене, А. Варда, Ж. Деми, с которыми Годар успел подружиться и которых высоко ценил (особенно — А. Рене), подстегивало его в намерении соз-

«Жить своей жизнью»

дать свой полноценный художественный фильм.

И такой фильм был им снят в 1959 году. Годар тогда поехал на Каннский фестиваль, попросив у Трюффо разрешения использовать их прошлогодний рабочий материал об угонщике автомобилей. Там же, в Каннах, он нашел продюсера, обеспечившего финансирование картины.

Она получила название «На последнем дыхании» и стала культовым провозвестником «новой волны» во французском кино. Главные роли в фильме сыграли начинающий Жан-Поль Бельмондо, у которого именно с этого фильма стартовала головокружительная актерская карьера, и американская актриса Джин Сиберг, часто снимавшаяся в Европе.

Первоначально сам термин «новая волна» не имел никакого отношения к кино. Это было обозначение нового поколения французской молодежи, заявившее о себе общественными протестами и демонстрациями осенью 1957-го; поколения, которое задыхалось и бунтовало в гнетущей атмосфере полной деградации режима Четвертой республики с ее позорной колониальной войной в Алжире и капитуляцией перед натиском ультраправых.

Через год это мироощущение появилось в кино. «Новая волна» на экране дошла до зрителей уже после краха Четвертой республики и прихода к власти генерала де Голля, что определило ее недолговечность. Увы, атмосфера Пятой республики с крепнущим авторита-

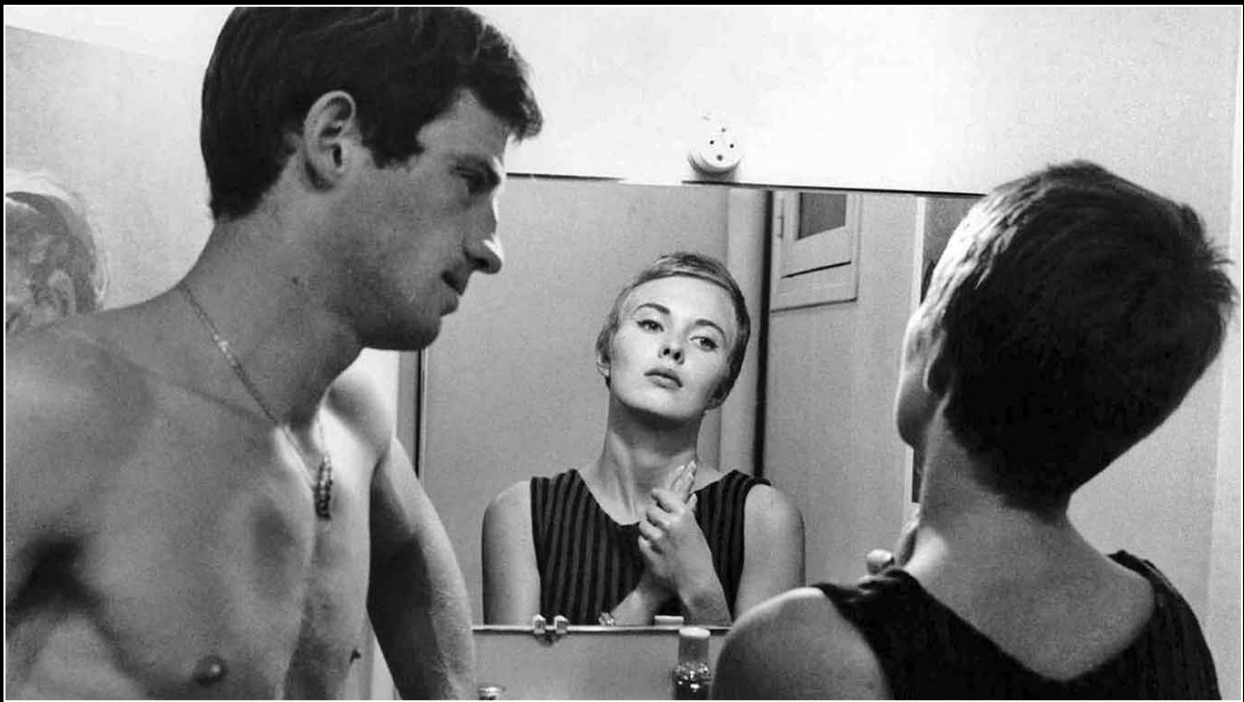
«Замужняя женщина»

ризмом оказалась столь же затхлой, как и Четвертой. И поскольку «новая волна», по выражению Трюффо, было «не движение, не школа, не группа», а мироощущение, то оно утратило единство и как явление исчезло к середине шестидесятых. Одни режиссеры «новой волны» прекрасно интегрировались в развлекательный кинематограф. Другие не нашли себе применения в изменившихся условиях и выпали из «обоймы». Третьи же, подобно Трюффо и Годару, сумели противостоять давлению идеологии официоза, коммерции и тем самым обессмертили свои имена.

Картина «На последнем дыхании» (1960) стала не только провозвестницей, но и своего рода квинтэссенцией «новой волны». В ней все было

против правил. Кадры, снятые как бы скрытой камерой, под документальное кино, небрежные ракурсы, псевдослучайные планы, неудобные точки съемки, ложные ракурсы, нечеткая фонограмма, резкий, обрывистый, режущий «по живому» монтаж...

Казалось, у фильма не было ни сценария, ни сюжета. Камера произвольно следила (при этом все время на что-то «отвлекаясь») за вроде бы спонтанным развитием событий. Надо заметить, что этот прием, превратившийся практически в фирменную манеру Годара, явился одним из открытий и откровений «новой волны» и оказал огромное влияние на мировой авторский кинематограф. У нас ему отдали должное многие некомформистские режис-

серы — от Марлена Хуциева до Элема Климова.

Сама психология драмы в фильме словно выведена за экран, заставляя зрителя напряженно следить за малейшими изменениями действия. И, наконец, режиссер совершил здесь сверхсмелый эксперимент, переведя звукоряд в видеоряд. Если до того считалось, что изображение управляет фонограммой, то Годар доказал возможность и обратного. Минуют десятилетия, и Тарковский пойдет в этом отношении до конца, когда в «Сталкере» закроет весь экран гипертрофированным ухом и заставит зрителя слушать, только слушать.

«На последнем дыхании» я посмотрел вместе с Андреем Тарковским в Белых Столбах (там находится

Госфильмофонд — прим. авт.), — писал наш выдающийся режиссер А. Кончаловский. — Это был шок... Удивительный язык, свобода изложения, другое дыхание... Годар сломал весь синтаксис. При этом... с годами не отказался от своих принципов, как сделали многие режиссеры «новой волны»...»

Как упоминалось выше, кино «новой волны» изобиловало цитатами, отсылками, аллюзиями и намеками. Культурная изощренность прикрывалась обманчиво простецким фасадом, что делало это кино отнюдь не массовым. Тем более удивительно, какое колоссальное воздействие на умонастроение широких кругов мировой зрительской аудитории и, конечно, в первую очередь, фран-

Слева:
*«На послед-
нем дыхании»*

*«Моцарт
навсегда»*

цузской, оказали фильмы «новой волны», прежде всего — «На последнем дыхании».

Эта культовая лента породила даже такое явление, как «бельмондизм», доживший до поздней самопародии неотразимого кумира экрана в комедии Ф. Де Брока «Великолепный». Мало того, фабульные ходы годаровского шедевра остроумно спародировал в «Дневной красавице» Л. Бунюэль, который был эталоном для Годара и который затем признал Годара эталоном для себя. Изящный реверанс одного киноклассика перед другим.

Франция 60-х стремительно менялась, и от творцов затухавшей «новой волны» потребовались иные произведения. И вновь на высоте положения оказался Жан-Люк Го-

дар, сам уже тяготившийся эстетикой и канонами «новой волны».

Он понемногу освобождается от них в своем следующем фильме, лауреате Венецианского кинофестиваля, «Жить своей жизнью» (1962), который еще носит внешние приметы «новой волны». Это, в сущности, «женский вариант» прорывной годаровской ленты. Герои Годара по природе своей бунтари против буржуазного порядка вещей. Их бунт заранее обречен на провал, но не бунтовать они не могут, как бандит Мишель Пуакар из фильма «На последнем дыхании».

В картине «Жить своей жизнью» героиня, которую играет Анна Карина, муза и первая жена великого режиссера, тоже бросает вызов буржуазному обществу и его ме-

«Банда аутсайдеров»

щанской морали. Она уходит из семьи и становится проституткой, совершая долгое томительное путешествие не только по парижскому дну, но и внутри себя. Однако жестокий внешний мир не позволяет ей так просто уйти, не заплатив отступного. И она платит за свое раскрепощение жизнью, опять-таки, как и герой Бельмондо из предыдущего фильма.

Своеобразным продолжением «На последнем дыхании» выступает следующий фильм Годара «Безумный Пьеро» (1965), по детективному роману Л.Уайта «Одержимость». Только действие здесь разворачивается в альтернативной реальности: повзрослевший персонаж Бельмондо (теперь его зовут Фердинанд) остепенился, завел семью, устроил-

ся на телевидение и превратился в обычного буржуа. Гибельный же криминальный водоворот возникает в картине не по его инициативе, а в результате действий героини, все той же А.Карины. Она уводит Фердинанда из семьи и втягивает в интригу с крадеными деньгами, мафиозными разборками и головокружительными погонями. Финал фильма идентичен драме «На последнем дыхании» — герой так или иначе обречен.

Огромное внимание режиссер уделил в этой картине символике и эмоциональному эффекту цвета, чтобы подчеркнуть условность сюжетного действия. Синий, белый, красный. Колористическая драматургия фильма выстраивается в цветах французского флага.

«Мужское/женское»

Еще один важный визуальный компонент картины — живопись. Она фигурирует не только как опознаватель цветового решения, но и буквально комментирует происходящее в кадре. Так, например, крупный план лица А. Карины сменяется портретом девочки кисти Ренуара. Или в сцене встречи Пьеро с гангстерами мы видим символизирующий его избиение перевернутый женский портрет работы Пикассо...

Этот фильм стал последней совместной работой Бельмондо с Годаром, который за год подготовительного периода успел снять «Замужнюю женщину» и «Альфавиль». Премьера картины прошла на Венецианском фестивале, и она в последний момент уступила в борьбе за «Золотого льва» «Туманным звез-

дам Большой Медведицы» Висконти. Причем в основном конкурсе фестиваля тогда на равных с лидерами участвовали два советских фильма: «Мне двадцать лет» М. Хуциева и «Верность» П. Тодоровского. Такое было время!

Период шестидесятых оказался наиболее значимым и плодотворным в многогранном творчестве Жан-Люка Годара. Свидетельством тому являются наиболее коммерчески успешный фильм «Презрение» (1963), нуар-драма «Посторонние», часто называемая в прокате — «Банда аутсайдеров» (1964) и гротесковая социальная антиутопия «Альфавиль» (1965), в которой режиссер вновь отдает дань излюбленному во французском кино жанру нуар.

*«Прощай,
речь 3D»*

Справа:
«Презрение»

Главную женскую роль в «Презрении» исполнила ярчайшая звезда французского кино тех лет Брижит Бардо, служившая одно время плакатным символом Франции. Примечательно, что оператор картины Р. Кутар сыграл в ней оператора, а сам Жан-Люк — ассистента режиссера. Картину единодушно признали вершиной модернизма в кинематографе.

«Банда аутсайдеров» заслуженно вошла в реестр культового кино. Годар сказал об этом фильме: «Алиса в стране чудес встречает Франца Кафку». Ключевой и определяющий фильм «новой волны» хотя и снят с соблюдением всех традиций нуара, по своему настроению и истории, основанной на романе Д. Хитченс «Золото дураков», относится к чис-

лу самых легких и смешных картин мастера, где даже весьма трагические моменты поданы через призму комических ситуаций. Ну а танцевальные сцены фильма вообще бесподобны! Особенно синхронный твист трех персонажей в кафе перед музыкальным автоматом. За эту сцену Годара должны благодарить многие представители авторского кино конца прошлого века — от Тарантино до Д. Линча...

Не меньший успех выпал на долю «Альфа-60». Это мрачная фантастическая история о тоталитарном будущем, в котором миром управляет суперкомпьютер «Альфа-60». Помимо нуара фильм отсылает зрителя еще и к немецкому киноэкспрессионизму 20-х годов. Так, создателя бездушного электронного властите-

ля зовут Носферату, как и жуткого вампира из шедевра Мурнау «Носферату, симфония ужаса» (1922).

После завораживающего эксперимента на поприще научной фантастики Годар обращается к остро политическим фильмам — «Мужское/женское» (1966), «Китаянка» и «Уик-энд» (оба — 1967 год). Он утверждал, что хочет построить эти художественные картины в форме интервью или социологических опросов — бесстрастных, отстраненных, безоценочных, прячась за маской стороннего наблюдателя и отказываясь высказывать собственное мнение.

Только так, полагал режиссер, можно вырваться из-под власти какой бы то ни было идеологии, включая ту, которую отстаивал он сам.

Но и отстранившись от экранного повествования, Годар оставался Годаром, поэтому даже «нагруженные» идеологией фильмы получались у него живыми и увлекательными.

Картина «Мужское/женское» основана на двух новеллах Мопассана, адаптированных к современной действительности, и исследует устремления французской молодежи, ее участие в политической жизни. Героев фильма Годар характеризует как «детей Маркса и Кока-Колы». Эту характеристику режиссер подает в одном из титров, которыми перебивает зрительный ряд фильма. Эти титры — не пояснение происходящего (как в немом кино), а мысли самого автора. Они тоже отрывают зрителя от разворачиваю-

щегося сюжета, чтобы через шок вернуть его к реальности. Еще один прием «отстранения».

В «Мужском/женском» Годар точно подмечает едва заметные пока приметы завтрашней молодежной контркультуры, враждебной миру взрослых, и приметы «нетипичных» героев, которых посчитает выдумкой его недалёковидная критика. Но чутье истинного художника в конечном счете торжествует. Пройдет год, и «нетипичные» герои Годара выйдут на городские улицы, став массовым явлением.

Словно вторая часть диалогии, начатой «Мужским/женским», выглядит один из самых известных фильмов Годара — «Китаянка» (1967), с обостренными идеологическими диалогами и пристальным вниманием к обыденному насилию, раство-

ренному в будничной жизни и провозируемому ею.

В этой картине наиболее откровенно выразились политические взгляды Годара, осуждавшего Израиль и поддерживавшего борьбу палестинцев. Фильм сфокусирован на группе студентов-маоистов во Франции и непосредственно предвосхищает майские события 1968-го. При этом в качестве сюжетной основы картины Годар, будучи автором сценария, использовал вольное переложение романа Достоевского «Бесы».

Из первого фильма во второй перекочевал даже игравший главного героя актер Жан-Пьер Лео, создавший впечатляющий образ представителя беспокойной, пылливо ищущей молодежи. Возможно, потому эта картина, которая показывает

Слева:
«Карабинеры»

«Уик-энд»

замкнутую жизнь в тесной квартире членов маленькой молодежной коммуны маоистского толка, «ячейки революционного авангарда», по их же определению, еще более социологична, чем предыдущая.

Яркий «Уик-энд» (1967) явился уже фильмом следующего исторического этапа и следующего этапа развития творчества мастера. Фильмом, напрямую коммуницирующим с событиями. В данном случае — с событиями так называемой «студенческой революции», которая как раз тогда началась. Годар, с его крайним левым радикализмом, выступил активным инициатором всех ведущих общественных начинаний, порожденных студенческими бунтами во Франции и США. Он активно способствовал их отражению в на-

циональном кинематографе. Это был для него период «просвещения» и «воспитания», имевший свои определенные цели и задачи.

Годар выступил в числе тех, кто в 1968-м сорвали Каннский фестиваль. Это он, прославленный маэстро, да еще и лауреат этого форума, повис на экранном занавесе, не дав ему открыться, в знак протеста против политической позиции, занятой дирекцией и президентом крупнейшего смотра мирового киноискусства...

На съемках «Китаянки» Жан-Люк встретил свою вторую жену Анну Вяземски, актрису и писательницу, которая приходилась внучкой крупному французскому прозаику, лауреату Нобелевской премии Ф. Мориакку, а кроме того, происходила из старинного княжеского рода Вяземских. Их

бездетный брак продлился до 1979 года. Анна, безусловно, оставила яркий след в жизни мятущегося гения, но занять в его творчестве место Карины так и не смогла.

В начале 80-х ее сменила режиссер по профессии Анн-Мари Мьевиль, которая стала третьей, пусть и гражданской, женой Годара и неустанно помогала ему в дальнейшей работе, в поиске новых тем и творческих импульсов. Они теперь все реже возникали у него по политическим причинам, побуждая вернуться к чистому, «неангажированному» кино. В силу неугасающего общественного темперамента это получалось у мэтра не всегда.

Он осознавал, что лучшие в творческом отношении годы остались позади. Но не останавливался и снял в 80-е среди прочего такие выдающиеся ленты, как «Спасай, кто мо-

жет» (имеется в виду жизнь), «Страсть», «Имя Кармен» и очередную экспериментальную экранизацию шекспировского «Короля Лира».

В «Страсти» и «Имени Кармен» режиссер размышляет о том, что должно быть предметом исследования кинематографиста — первичная реальность, то есть сама жизнь, или реальность вторичная, то есть отражение жизни в культуре. В «Имени Кармен» вторичная реальность (съемки фильма) неожиданно делается частью первичной (ограбление), и этот вариант Годару явно нравился больше.

Поздние фильмы Годара могут производить впечатление некой умозрительной постмодернистской игры. Но все же он никогда не пытался укрыться от повседневности в «башне из слоновой кости». Преклонный возраст отнюдь не пригасил

Слева:
«Две
или три
вещи,
которые
я знаю
о ней»

«Имя
Кармен»

его бурный темперамент, его дерзость художника.

Вплоть до настоящего времени мэтр продолжал азартно исследовать эту повседневность всеми доступными ему способами — смело берясь за необычные жанровые формулы и их деконструкции, создавая отвлеченные политические фильмы и, напротив, искусно вовлекая зрителя в экранное повествование с помощью новейших технологий, вплоть до стереозвука и 3D.

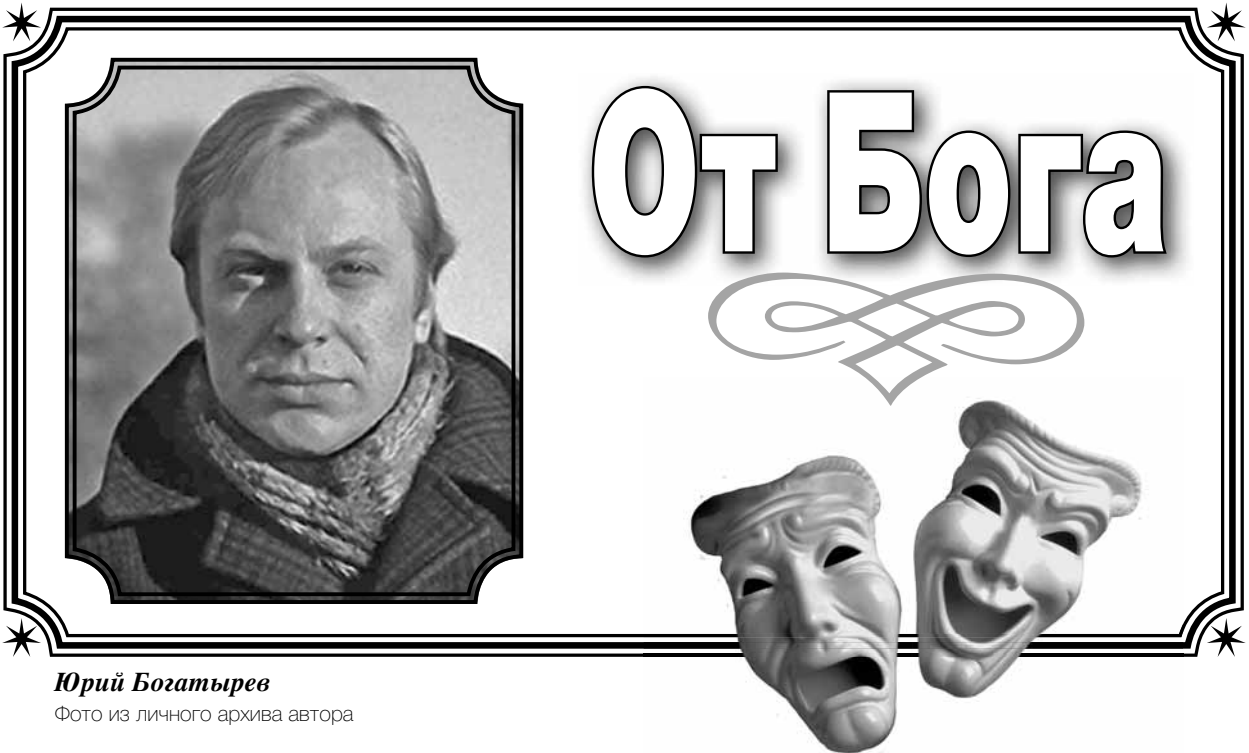
Кстати, одна из его последних программных картин так и называется «Прощай, речь 3D» и воспринимается как грустное завещание классика мирового кинематографа — отказ от речи и переход к молчанию. К счастью, молчать долго Годар был не способен, и в конкурсе Каннского фестиваля в 2018 году демонстрировался его новый фильм «Книга обра-

зов», опять бессюжетный и настолько экспериментальный, что жюри фестиваля даже придумало для него специальный приз «Особая пальмовая ветвь»...

Сам 87-летний Годар, по обыкновению, в Канны не приехал, не придавая значения фестивальным наградам и называя этот главный смотр киноискусства оплотом буржуазии.

Точно так же он не присутствовал на оскаровской церемонии 2011 года, где был удостоен золотой статуэтки за вклад в развитие кинематографа.

Недавно Жан-Люк объявил о своем намерении покинуть в скором времени киноиндустрию. По словам великого режиссера, у него в разработке на разных стадиях два сценария, реализовав которые, он намерен уже окончательно расстаться с кино. □

Юрий Богатырев

Фото из личного архива автора

Он был... всяким. Нежным и агрессивным, независимым и ущемленным, мужественным и слабым, верным и разнузданным... Всяким. Но во всех проявлениях — подлинным, тонким, талантливым и очень мною любимым.

— И по какой диете собираешься сбросить лишние 20 килограммов? — поинтересовалась я, когда он объявил, что, если он скинет этот вес, то Никита Михалков, вернувшись с воинской службы на флоте, утвердит его на главную роль.

— Буду худеть на сырках, — уверенно заявил Юрочка Богатырев. — Их много разных, ну там... кисломолочные, «Лето», «Дружба», еще с грибами...

— Интересно! А почему именно на сырках? — удивилась я.

— Потому что нужно питаться только одним продуктом. Я выбрал сырки!

Поначалу я решила присоединиться к нему и начала поглощать сырки, чтобы сбросить лишние 200 граммов.

Накупали сырки, вбивали их в холодильник Юркиной общаги и поглощали, задумчиво глядя в одинокое окно его тесной комнатенки, выходившее на Александровский сад и зубчатую стену Кремля.

Я тогда проводила много времени за этой стеной. Шли зимние школьные каникулы, и я играла главную Снегурочку страны в Кремлевском дворце. Три елки подряд ежедневно — это было круто. Однажды, забежав к Юре после третьего спектакля и еще не раздеваясь, с порога выдохнула:

— Дай пожрать, аж крутит всю от голода!

Богатырев выдал мне сырок и, пока я с ним расправлялась, не сводил с меня обеспокоенного взгляда.

— Слушай, ты давай завязывай с сырками, выглядишь хреново, даже под гримом бледнющая. И еще такая нагрузка. Мне-то что... Жирный боров. И потом, у меня же цель, а ты так, из солидарности.

Надо признаться, его цель волновала меня ужасно. Глядя, как тают его килограммы и как мучительно ему это дается, я думала о том, что вдруг Никита раздумает снимать именно этот фильм, или же пригрезится ему другая актерская индивидуальность... или мало ли что! А обессиленный дурацкой диетой Богатырев возьмет, да и не переживет рухнувшей мечты.

А он словно считывал мои мысли и, встряхивая своей соломенной гривой, упрямо твердил:

— Все будет, вот увидишь! Главное, не сомневаться, верить — и все будет!

На премьеру фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» я притащила ему полный ассортимент плавленых сырков, упакованный в красивую коробку с роскошным огромным бантом. Многие не поняли и удивились. А у Юрки выступили на глазах слезы, и он кинулся меня обнимать.

Много-много позже, когда я зашла к нему в примерную во МХАТе

после эфросовского «Тартюфа» поздравить с блестящей актерской работой и вручила небольшой подарочек, он вскрыл пакет и разочарованно протянул:

— Ну вот... А я так надеялся на сырки!

На что я тут же ответила:

— А на блюдо брюссельской капусты не надеялся?

Богатырев заржал, как лошадь, и мы вспомнили очередной продовольственный эпизод из нашей прошлой жизни.

Отмечали в ресторане ЦДЛ мой день рождения, и когда время подошло к закрытию ресторана, а сил и желания было еще ого-го, решили продолжить в общаге. Кто-то стал лихорадочно сгребать в пакеты недопитые бутылки, а Юрку я попросила быстренько собрать чего-нибудь съестного. Дальше события развивались в духе рязановской комедии. Отдав распоряжения по поводу закуски, я тут же выпустила Богатырева из поля зрения и уже в холле возле раздевалки увидела его, одетого в плащ, скрестившего на груди руки и застывшего, как статуя командора. Попрощаться с нашей компанией вышла администратор и кое-кто из обслуживающего персонала. Мы поблагодарили за замечательный вечер и стали прощаться. К Юре с протянутой рукой направилась администратор. Он в ответ протянул руку и тут... из-под запахнутого плаща с грохотом

рухнуло блюдо с брюссельской капустой. Возникла немая сцена. Как-либо прокомментировать сей инцидент не смог никто. Затем администратор, натянув на лицо нечто, отдаленно напоминающее улыбку, засуетилась, приказывая персоналу быстренько убрать осколки блюда и капусту, а мы вылетели на улицу.

«Совсем сдурел?!» — напустилась я на Юрку. На что он злобно заорал: «Сама хороша: «Собери закуску, собери закуску!» Сама бы и собирала. Под водку лучше всего брюссельская капуста — я что, по карманам ее должен был распахивать? Вот и решил с блюдом. Завтра бы обратно его принес».

Когда я увидела его в последний раз, во мне что-то оборвалось. Это был совсем не он — другой, непривычный, может быть, потому, что уже уходящий... И опять очень-очень располневший.

— Юраш, давай сядем на сырки, — невесело пошутила я.

Он грустно улыбнулся и почему-то спросил:

— Подарки мои хранишь? Или выкинула куда-нибудь?

От его вопроса опять больно стиснуло сердце. Богатыревские подарки — это всегда была отдельная тема. Он принципиально дарил то, что изготавливал своими руками. А руки были талантливые, умелые и очень добрые. Он оставил после се-

бя замечательную живопись. Портреты, эскизы декораций, пейзажи. Это не было его хобби, это была вторая профессия, и он, безусловно, зрелый, самобытный, стильный художник.

Он любил дарить своеобразные талантливые поделки, изготовленные из самых причудливых материалов. Однажды на день рождения он подарил мне обожженную разделочную досочку, в середину которой был вмонтирован скорпион, вырезанный из тонкой жести, над скорпионом из мелких камешков искрилось созвездие Большой Медведицы, а между клешнями скорпиона, как бы зажатый ими, возвышался огромный камень бирюзы. Над моим письменным столом висит другой его подарок — обтянутый золотистой парчой квадратик, в центре которого старинный эмалевый медальон с изображением императрицы Екатерины II. Рядом с Екатериной — еще один, наверное, самый для меня дорогой. Юра знал, как я люблю пьесу Эдмона Ростана «Орленок». Удивительный образ Наполеона II, единственного сына Наполеона Бонапарта, еще со школьных лет поселился в моей душе. Судьба этого доверчивого, раннего мальчика, которому была отмерена коротенькая жизнь — всего 21 год, была удивительно рассказана Ростаном. Я, наверное, заразила Богатырева своей нежностью к этому незадачливому потом-

ку великого императора. Однажды он принес мне в подарок его антикварный портрет, оформленный с неизменным богатыревским вкусом: темно-красным бархатом и сусальным золотом...

Совсем недавно я разглядывала свой портрет, нарисованный Богатыревым, как всегда преломленный его какими-то собственными ображениями. Помню, очень обиделась на Юру, когда он преподнес его мне. Изможденное, уставшее от жизни лицо немолодой женщины (мне тогда было 22) на темном фоне каких-то бесформенных тряпок, исхудавшие пальцы, сжимающие горящую свечу, и взгляд поверх пламени куда-то в запредельный и совсем безрадостный мир.

«Почему так?» — спросила я тогда, надувшись. Он пожал плечами и, делая вид, что не видит моей обиды, завернул портрет в газету и положил на мою сумку...

Борис Годунов, сыгранный моим мужем, портрет Александра Блока — эти его портреты всегда перед глазами. И все подписаны в правом углу его рукой: «Бога».

Как-то я зашла к нему, когда он закончил замечательный причудливый пейзаж, сохнувший на мольберте. Он стоял у окна. Я решила схулиганить и, когда Юрка вышел из комнаты заварить чай, приписала внизу к его подписи — «от». Получилось: «от Бога». Он вошел с чашками, сразу глянул на подсыхаю-

щую картину, схватил кисть и в одну секунду размазал мне по лицу зеленую краску. Я заорала, как резаная, и в знак протеста стала его белой рубашкой, висевшей на стуле, вытирать лицо. А он лихорадочно замазывал мой беспредел в углу картины и злобно шипел: «Никогда не смей дотрагиваться до того, что еще не закончено. Не смей! Никогда!»

Но на то он и был Юрочка Богатырев, мой обожаемый Бога, что уже через минуту оттирал бережными прикосновениями мое испачканное лицо, никак не комментируя, что делает это посредством своей свежевыглаженной белой рубашки. Я сквозь слезы тогда пошутила: «Ты же сейчас дотрагиваешься до того, что еще не закончено, а я не возникаю». «Я закончил тебя на твоём портрете, а тебе, видите ли, на душу не легло. Но что делать, такова участь художника и природы».

Тогда, в нашу последнюю встречу, мы вспомнили все это. И он опять с каким-то особым тревожным для меня смыслом переспросил, храню ли я его подарки. Я говорила с ним и никак не узнавала его. Наверное, тогда с ним, с его душой стряслось что-то очень серьезное... непоправимое. Так ведь бывает. Может быть, потому, что он был... всяким. Его кидало из крайности в крайность, и природа не выдержала таких смертельных виражей. Так бывает... □

Фото из архива ФК «Спартак» — Москва

Легендарный капитан ИГОРЬ НЕТТО

Бесспорно, одним из самых выдающихся футболистов прошлого века является Игорь Александрович Нетто. Он восемнадцать лет играл (1949–1966) полузащитником в составе «Спартака» и был не просто цементом команды, но и воспитателем, учителем, требовательным другом. Что, естественно, укрепляло не только дух команды, но и элементарную дисциплину и культуру отношений. В этой связи необходимо подробнее рассказать о том, как в «Спартаке» появился Игорь Нетто, и как он со временем стал Игорем Александровичем Нетто — не только легендой отечественного и мирового футбола, но и эталоном высочайшей порядочности.

Родился он 9 января 1930 года в Москве и пришел в «Спартак», точнее вбежал из московского Дома

пионеров, а если еще точнее, из его футбольной и хоккейной команд, где он гонял и шайбу, и мяч, не зная, что ему больше нравится. Там его и увидели спартаковцы, убедили, что футбол для него главнее, и пригласили в юношескую команду. И почти сразу же — очень редкий для футбола случай — Нетто попал в состав первой команды, получил шестой (счастливый для него) номер. Но клюшка и шайба не отпускали, и он умудрился сыграть в 22-х официальных хоккейных матчах московского «Спартака», более того, заработал 29 результативных очков (гол+пас). Но все-таки футбол победил. С 1949 года Игорь Нетто был в основном составе «Спартака», а с 1952 года уже выводил команду на матчи с повязкой капитана и делал это в течение 13 сезонов, а с 1954 по 1965

год — и сборную СССР. Надо заметить, что, несмотря на его не самый покладистый характер, капитана во многих случаях выбирала команда.

За эти годы в составе «Спартака» Нетто 5 раз выигрывал первенство СССР (1952, 1953, 1956, 1958, 1962 гг.), становился обладателем Кубка страны (1950, 1958, 1963 гг.). В составе сборной СССР завоевал олимпийское золото (1956 г.) и Кубок Европы (1960 г.). Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер РСФСР, кавалер орденов Ленина и Дружбы.

Это статистика. А вот теперь факты и мнения о нем.

Никита Павлович Симонян: «Влияние Игоря на других футболистов было поразительным. Никто даже не сомневался, что он, несмотря на свой юный возраст, должен стать капитаном «Спартака», хотя в то время в команде играли куда более опытные футболисты. Вскоре Нетто был уже капитаном сборной, и неудивительно, что в то время команда СССР одержала две крупнейшие победы в своей истории, став олимпийским чемпионом и чемпионом Европы. Он отказывался признавать, что на свете существует такая вещь, как длинная передача, был очень уверен в себе и своих силах и не хотел ошибаться, делая пас. Никогда не рисковал, а когда кто-то из нас делал длинную передачу, шипел: «Что с тобой? Ты играешь в деревенский футбол?»

А еще Нетто вошел в историю мирового футбола и до сих пор потря-

сающим фактом на чемпионате мира по футболу в Чили, 6 июня 1964 года, в матче СССР — Уругвай. При равном счете (1:1) после пушечного удара московского динамовца Игоря Численко мяч оказался в воротах. Судьи засчитали гол. Но на поле выбежали руководители уругвайской команды, утверждая, что мяч влетел в ворота, прорвав боковую сетку. Игорь Нетто (капитан команды), поговорив с Игорем Численко, подошел к судье и сказал, что гол засчитывать не следует. Но справедливость все равно восторжествовала, правда, на предпоследней минуте: Валентин Иванов забил гол (2:1). Благородство поощряется футбольным богом, и особенно значимо это поощрение, если оно на последних минутах игры.

Есть и другой пример из мирового футбола.

Чемпионат мира 1990 года. Неаполь (Италия), 13 июля. Сборная СССР — сборная Аргентины (0:2). Судьей назначили шведа Фредриксона, который засудил сборную СССР четыре года назад в матче с бельгийцами, засчитав два гола, забитых в наши ворота из офсайда, и мы проиграли (3:4). В этом матче он снова постарался не заметить, как Диего Марадона на 10-й минуте рукой выбил мяч практически из своих ворот. Что не помешало ему заявить после игры: *«Судья может ошибаться, как, впрочем, и Лобановский в выборе состава команды. Даже не знаю, коснулся ли я мяча...»* А много лет спустя все-таки признался: *«Я вам больше ска-*

жу: на ЧМ-1990 я рукой выгреб мяч из-за линии ворот в матче против сборной СССР. Нам повезло, что судья этого не заметил».

А Игорь Нетто позже написал: «Мы никогда не пользовались уловками. Мы должны были победить, но только благодаря собственным усилиям, а не ошибкам судей».

И немного статистики — никогда сборная СССР с капитаном Игорем Нетто не проигрывала два матча подряд, а Валентин Иванов — легенда московского «Торпедо» и советского футбола, один из очень немногих обладателей золотой медали Олимпиады (1956), золотой (1960) и серебряной (1960) чемпионатов Европы, комментируя это, сказал про Нетто: «В его присутствии просто неприлично было ударить в грязь лицом. Как потом посмотришь ему в глаза!»

И еще один штрих, характерный для Игоря Нетто. В 1956 году с Олимпиады в Мельбурне команда добиралась до Владивостока на теплоходе 20 дней, а потом десять дней на поезде. В начале пути Игорь получил телеграмму — скончался отец. И он, чтобы не омрачать радости товарищей, до самой Москвы ничего не сказал им.

В публикациях тех времен журналисты относительно капитана «Спартак» и сборной единодушны: на поле отличался высоким мастерством владения мячом, умением видеть поле и предвидеть события.

Но более интересным представляется мнение Николая Петровича Старостина в предисловии к книге Игоря Нетто «Это футбол»:

«Игорь Нетто!.. Больше десяти лет подряд он был капитаном и "первой скрипкой" ансамбля московских спартаковцев и сборной страны. Рослый, по-спортивному подтянутый, неизменно корректный. Игорь Нетто завоевал симпатии миллионов любителей футбола своеобразием своего мастерства, той резко очерченной игровой индивидуальностью, которая присуща лишь футболистам самого высокого класса... На футбольном поле был он вездесущ, казалось, не знал усталости, а если и уставал, не показывал виду... Зрелый мастер, виртуозно владеющий техникой футбола, Игорь Нетто весь свой творческий дар и громадный опыт без остатка отдавал коллективной игре, никогда не помышляя о том, кому достанутся аплодисменты и восторги зрителей. Победа команды — вот цель и смысл действий капитана Игоря Нетто, его принцип, которому он оставался верен во все годы своего спортивного подвижничества...

Говорят, у него трудный характер. Но мы-то, старые товарищи Игоря, отлично знаем, что он исключительно честно относится к большому труду спортсмена. Именно этим и объяснялась его беспощадная требовательность к себе и партнерам...

Коммунист, кавалер ордена Ленина, заслуженный мастер спорта Советского Союза, Игорь Нетто достиг высших степеней признания, высших степеней успеха. Восемь раз, в разные годы, совершал он, капитан футбольной дружины мастеров «Спартак», круг почета по гаревой дорожке

переполненного стадиона: пять раз, когда его родная команда завоевывала звание чемпиона страны, и трижды, когда ей доставался Кубок. С именем Игоря Нетто связаны крупнейшие успехи советского футбола на международной спортивной арене: победа сборной СССР на мировых Олимпийских играх 1956 года и завоевание Кубка Европы в 1960 году».

И далее несколько удивительных авторских страниц из книги Игоря Нетто «Это футбол». Удивительных тем, что в отличие от многих книг не про себя — автора, а о футболе и родной команде.

«Вспоминается игра с киевским "Динамо" в Москве. До отказа полон стадион имени В.И. Ленина. Немудрено. Киевляне были чемпионами страны, командой, бесспорно, классной, играющей красиво, напористо, слаженно, в стиле многоходовых комбинаций, с быстрыми маневрами сильных нападающих...

...И вот наступил день последнего матча боевого, памятного нам, спартаковцам, сезона 1962 года. Команда "Спартак" (Москва) находится к этому дню на самом верху турнирной таблицы. У нас тридцать очков и еще одна, заключительная, игра впереди — снова с динамовцами Киева. Все бы, казалось, хорошо, но за нами по пятам, отставая всего на два очка, следуют команды "Динамо" Москвы и Тбилиси. И еще почти ничего не решено. Ведь может случиться так, что обе динамовские команды выиграют: москвичи у ростовчан, а тбилисцы у москов-

ских армейцев. И тогда они догонят нас...

Мы — в Киеве. Живем в гостинице, ходим гулять по городу, ездим на тренировки. Здесь оба наших состава — основной и дублирующий. Но дублерам куда легче. Они уже сумели, независимо от последней встречи с киевлянами, снова завоевать первенство, да еще с большим отрывом в очках. Ноябрь. Холодовато, сыро, по утрам туманно. В прекрасных киевских парках давно опали последние листья с каштанов и кленов. А футбольные страсти в городе еще горячи. Идешь по улице и только и слышишь: Завтра наши должны взять реванш. Как думаешь, уйдет "Спартак" в глухую защиту?..

Нет, мы не думали о глухой обороне. Помню, как за несколько часов до матча все мы собрались в номере гостиницы, где жили тренеры. Собрались на традиционный совет. По-прежнему еще все было неясно. Игры динамовских команд в других городах должны были состояться через час-другой.

Можно легко себе представить напряженную психологическую обстановку, которая создалась. Несколько часов отделяли нас от звания чемпиона. Судьба этого почетного звания могла решиться и без нашего участия, но никто в команде не рассчитывал на это. Смело могу сказать — никто. Спокойно, деловито давал Никита Павлович Симонян установку на предстоящую игру с киевлянами. Эта установка, как мы все и ожидали, предусматривала

активные действия. Целью ставилась победа, и только победа... Все было понятно. Да, именно так все мы хотели играть — бороться, решительно бороться за последнюю, в ряду многих, победу. Как обычно, призвал Николай Петрович Старостин быть боевыми, показать настоящую спартаковскую игру. Он в заключение беседы, серьезной, деловой, принес нам из соседней комнаты целую охапку телеграмм и писем. Все-таки здорово любят у нас "Спартак"! Конечно, масса поклонников, верных, постоянных, и у других футбольных коллективов, но так как я — спартаковец, мне и кажется, что любят больше всех именно наш клуб...

Мы разошлись по своим номерам. И скоро началась трансляция по радио матча динамовцев Тбилиси с армейскими футболистами Москвы. Репортаж велся из Тбилиси. Мы жили в номере вдвоем с Анатолием Масленкиным и вместе слушали передачу. По правде сказать, я не находил себе места. Бродил по комнате, напряженно прислушиваясь к словам репортажа. Анатолий оказался крепче. Он, как только началась передача, заявил: "Да нет же, не выиграют тбилисцы. Зря ты, Игорь, бегаешь..." Он оказался прав. Динамовцы Тбилиси проиграли. Проиграли на последней минуте матча. Армеец Стрешний послал несильно мяч в ворота. Мяч неожиданно подпрыгнул, и Сергей Котрикадзе пропустил его. Не без сочувствия я подумал о грузинских друзьях-футболистах. Ведь они всю встречу, если

судить по репортажу, играли с преимуществом! Да, бывает и так в футболе...

А у нас в гостинице ребята уже забегали по коридору. Только и слышно было: "Проиграли тбилисцы!.."

Пришло время и нам ехать на стадион. Едва мы вошли в раздевалку, нам сказали, что началась трансляция матча динамовцев Москвы с ростовчанами... Не знаю почему, но я был уверен, что матч в Ростове сложится удачно для нас. Невозможно это объяснить. Видимо, дело в какой-то интуиции, которая иной раз обостряется в напряженный момент. А может быть, сознание, что уж очень нужен динамовцам выигрыш, значит, будут они играть не свободно, позволяло предчувствовать исход?..

Нам пора было готовиться к выходу на поле. Стали одеваться, застучали глухо мячи, которыми потихоньку перекидывались ребята, чтобы чуть размяться... Вдруг в раздевалку быстро вошел Никита Симонян. По его лицу можно было понять, что произошло нечто серьезное и хорошее.

— В Ростове — 1:1! — сказал он. — Играть им остается еще минут восемь...

Они, эти восемь минут, пролетели быстро. И после напряженной тишины поднялась в нашей раздевалке веселая и шумная кутерьма. Все обнимались. Кто-то в самозабвении отплясывал странный танец. Поздравляли друг друга... Валерик Рейнгольд с каким-то удивлением, почти испугом, спросил в минутной паузе тиши-

ны: «Это что же? Выходит, и я чемпион страны?!»

У меня это была пятая по счету золотая медаль. У них, двадцатилетних, — первая. Но я не знаю, чья радость была большей. Да, вероятно, нельзя измерить и взвесить радость, когда приходит к коллективу победа, итог многих спортивных трудов, общих волнений, огорчений, поисков. Мы все победили — от седого Николая Петровича до взъерошенного двадцатилетнего центрфорварда, представителя нового поколения футбольного «Спартака».

На матч с киевлянами мы уже выходили чемпионами страны. Легко, надо сказать, выходить на поле, став чемпионом. Наши соперники поздравили нас. Последняя встреча сезона прошла интересно, напряженно. Она была во многом, по-моему, знаменательной, ведь на поле встречались чемпионы двух смежных лет. Я бы даже сказал — встречались представители двух периодов в футболе.

По достоинству завоевали киевляне звание чемпиона страны 1961 года. В рамках тактической системы, принятой всеми в ту пору, они были

сильнейшими. Игроки обладали хорошей техникой, команда была сыгранна и, как всякий классный футбольный ансамбль, имела свое лицо, свой индивидуальный почерк.

Вероятно, если строго разбираться в составе, опытность и спортивный класс некоторых игроков были у них даже выше, чем у нас в «Спартаке». Но мы успели немного раньше овладеть новой, более прогрессивной тактикой. И это, при всех наших недоработках, продолжающихся исканиях, не могло не сыграть своей решающей роли.

В этом смысле характерен был и последний матч. Логичным был исход. Логичным и показательным. Первый мяч во втором тайме был забит Галимзяном Хусаиновым с отличной подачи нашего защитника Анатолия Крутикова. Крутиков совершал частые рейды по краю. Один из них принес успех. Второй гол в ворота киевлян был забит с одиннадцатиметрового удара. Но, безусловно, он был бы забит и без этого сурового наказания. Валерий Рейнгольд, найдя брешь в защите, устремился с мячом к воротам. Ничто уже не могло спасти вратаря от тяжелой необходимости остаться один на один с форвардом. Динамовский защитник, понимая, что терять уж тут нечего, схватил за руку Рейнгольда на штрафной площадке. Нам удалось убедительной победой завершить трудный и бесконечно интересный для нас сезон 1962 года».

Читая эти строки, так и хочется сказать: да, были великие люди в

отечественном футболе! Не только блестяще играющие футболисты, но и прекрасно разбирающиеся в его теории и тенденциях развития.

Игорь Александрович Нетто скончался 30 марта 1999 года в возрасте 69 лет. У его памятника с гениальной в своей точности и краткости эпитафией «Тебя любили миллионы» останавливаются все посетители Ваганьковского кладбища.

Завоеванные медали, в том числе золотая олимпийская медаль Мельбурна, были переданы в музей ФК «Спартак» — Москва.

И еще.

24 января 2010 года в СК «Олимпийский» состоялся матч памяти легендарного капитана «Спартака» и сборной СССР Игоря Нетто, которому днем раньше исполнилось бы 80 лет. Подтверждением тому, что Игорь Александрович Нетто — один из самых великих футболистов XX века, является то, что на матч прибыли президент ФИФА Йозеф Блаттер, президент УЕФА Мишель Platини, руководители российского спорта представляли министр спорта РФ В.И. Мутко, и.о. президента РФС Н.П. Симонян.

Аналогичный матч был проведен через 10 лет 9 января 2020 года по случаю 90-летия Игоря Александровича.

С 9 января 2020 года Восточная трибуна спартаковского стадиона носит имя Игоря Нетто, а 31 июля 2022 года у этой трибуны был открыт памятник. Памятник легендарному капитану Игорю Нетто! (Скульптор Филипп Рукавишников) □

БЕССМЕРТНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ради любви

Сергей Иванович Мосин

1879 год. Тульская губерния. Пруд близ имения помещиков Арсеньевых.

Тридцатилетний штабс-капитан подобрал с земли плоский камень. Если коснется воды три раза, то все

будет хорошо; а если нет, так и суда нет.

Однако прежде чем отправить камень в полет, он вдруг, неожиданно для самого себя, сел на заросший пенек и задумался.

— А ежели откажет, тогда что? Ведь двоюродная сестра самого Тургенева! У нее сейчас есть все: и усадьба, и двое детишек, и муж в придачу, правда, вечно пропадающий в столицах. А что я могу предложить помимо офицерского жалования?

Неожиданно перед глазами всплыло лицо старика-отца. А еще припомнилось, как семь лет назад он, будучи курсантом элитного Михайловского училища, подавал рапорт за рапортом. Просил отпустить на время в тульскую губернию, дабы хоть чем-то помочь овдовевшему и сильно постаревшему отцу, отставному поручику лейб-гвардии и управляющему богатым имением помещиков Арсеньевых.

Конечно, нынче он уже далеко не юноша-курсант и не «научный сухарь» и «схимник», как прозвали его товарищи, а офицер, более того, возглавляет замочное производство на Императорском оружейном заводе...

Душа мужчины неожиданно возликовала, и он, размахнувшись, швырнул камень в воду. Тот, трижды шлепнувшись по глади пруда, исчез в глубине.

— Судьба! Значит, так тому и быть! — непонятно для кого, вслух произнес капитан и, усмехнувшись, зашагал в сторону села, за которым виднелась крыша богатого барского дома.

ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ

Поджидая свою возлюбленную, он размышлял:

«Вот, прямо сейчас, Варвара возьмет да и высмеет меня! Вдобавок еще и пощечину влепит, потом убежит, пожалуется мужу, и будет права! Но я больше не могу молчать, ибо это выше моих сил! В конце концов, офицер я или нет?»

Его раздумья оборвал мелькнувший на алее знакомый силуэт. Не теряя времени, капитан поспешил ей на встречу, и минуту спустя, сняв фуражку и щелкнув каблуками, преградил даме путь!

Двадцатипятилетняя Варвара Николаевна, выслушав сбивчивое признание мужчины, разволновалась сильнее офицера. Прижав к его губам теплую ладонь, а другой рукой комкая ни в чем не повинный платочек и глотая предательские слезы, она шепотом вымолвила:

— Что же вы, милостивый государь, так долго меня томили... Разве не видно было, что я... И в целом мире нет более желанного человека, чем вы... Сергей Иванович. И раз так уж Богу угодно, то и далее быть нам исключительно вместе.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ

Супруг, выслушав сбивчивое объяснение женщины, насупил брови.

— Значит, изволили влюбиться в простого капитана! Сие в вашем стиле! Впрочем, желание отдавать предпочтение кому попало оставим вашей совести! Не могу же я силой заставить незабвенную Варвару Ни-

колаевну любить венчанного супруга. Однако мое право принудить вас оставаться законной женой и, главное, быть любящей и заботливой матерью наших общих детей. И еще, убедительно прошу не опуститься до банального адюльтера и не позорить фамилию, которую я милостиво подарил вам, стоя у алтаря!

А также извольте передать бедному ухажеру, если он, конечно, дворянин, что из нас двоих на этой земле должен остаться лишь один!

«Неужели дуэль?» — пронеслось в голове у Варвары. — Только не это!

И она, закрыв руками лицо, выбежала из комнаты.

ДВЕ ДУЭЛИ

— Вы оскорбили женщину, которую я имею честь любить. Такое стерпеть никак нельзя! И, в соответствии с правилами офицерской чести, вызы-

Варвара Николаевна (Арсеньева) Мосина

ваю вас на дуэль, — капитан кинул к ногам мужа перчатку.

Арсеньев, взглянув на лежащий предмет, с нотками металла в голосе произнес:

— Ну и кто бы сомневался! А вас не смущает, что она моя жена? Более того, вы абсолютно правы, я действительно дворянин! А вот вы, милостивый сударь, как были никем, так никем и останетесь.

Услышав это, офицер сверкнул глазами и сделал шаг вперед:

— Согласно дуэльному кодексу, правом выбора оружия обладает тот, кого вызывают. А по-

сему не стоит более разглагольствовать — пистолеты или что иное?

— У меня в наличии имеется совершенно другое оружие! И будьте уверены, оно непременно станет причиной вашей безвременной кончины. Ждите. Скоро! — Выкрикнув эти слова, хозяин поместья повернулся и поспешил к ожидавшей его карете.

Дуэль не состоялась. Перчатка так и не была поднята. Зато на имя начальника Тульского завода поступило письмо с жалобой на безнравственное поведение капитана.

— Трое суток домашнего ареста, — бушевал Владимир Васильевич Нотбек. — Надеюсь, эти дни тебя вразумят. И благодари бога, что Россия ведет войну, и твои знания и опыт крайне важны для предприятия! Иначе я бы наказал гораздо суровее!

...Отбыв положенное наказание, капитан бросил вызов на дуэль вторично. На этот раз предложил дуэль публично, в Дворянском собрании, в присутствии многочисленных свидетелей, наивно полагая, что на этот раз Арсеньев перчатку все-таки поднимет. Напрасно.

Новое наказание последовало незамедлительно. Дни, проведенные под арестом, возросли с трех до четырнадцати суток.

1883 ГОД.

УСАДЬБА АРСЕНЬЕВЫХ

— Вы все еще не отказались от притязаний на мою супругу? Время

не вразумило? Извольте, я готов уступить! Но, разумеется, не бесплатно. Мое имя в свете будет запятнано, а оно стоит денег, и немалых. Согласие на развод обойдется вам, скажем, в пятьдесят тысяч рублей.

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Судьбы двух влюбленных, наконец, соединились.

Безграничная любовь к несравненной Варваре Николаевне, единственной и неповторимой, подвигла конструктора Мосина на создание нового оружия и вписала его имя в историю.

За прошедшие годы Сергей Иванович изобрел винтовку, которой не было равных в мире. Полученных за это гонораров хватило на то, чтобы выполнить требование Арсеньева и привести суженую в свой дом, а также усыновить уже трех ее детей!

Трехлинейная винтовка была принята на вооружение русской армии. Оружие верой и правдой прослужило защитникам России до пятидесятих годов прошлого века.

P.S. Мобилизованных жителей Донбасса вооружают винтовками Мосина. Среди резервистов из ДНР есть те, кто воюет с легендарными винтовками Мосина, основным стрелковым оружием Красной армии... □

Точный прогноз погоды

Ставший привычным и каждодневным, чем-то само собой разумеющимся, прогноз погоды, бывает, ошибается — весьма, так скажем, не редко. И порой точнее бывает посмотреть на градусник за окном, чем доверяться предсказаниям метеорологов или погодным лентам компьютеров или смартфонов. Над повышением качества прогнозов, его точности и длительности срока прогнозирования давно бьются лучшие умы в своей области из разных стран.

Современные метеорологи для определения точных прогнозов погоды собирают большой объем данных из самых разных источников. При этом основной из них — спутники, которые передают информацию на наземные радары, благодаря чему метеорологи видят облака вместе с осадками. Однако точность прогноза погоды зависит во многом от определения одной из самых важных характеристик — облачности в атмосфере и ее верхней границе. Но только вот незадача... таких методов контроля до сих пор еще нет.

Напомним, что облачность при одинаковой влажности может как присутствовать, так и отсутствовать. Данные о влажности метеорологам поступают от радиозондов. В зимнее время в средних широтах (как, впрочем, и в полярных областях), на спутниковых снимках белые облака незаметны на фоне снега. В связи с этим у ученых-метеорологов возникла острая необходимость в создании устройства для более детального изучения облаков, и соответственно, получения более точных прогнозов погоды.

И такой прибор был не так давно создан. Причем именно российскими учеными. Отечественные специалисты разработали компактный, простой в использовании и недорогой в производстве прибор, который сможет произвести буквально революцию в этой сфере. Суть метода состоит в следующем: на радиозонды устанавливается небольшой оптический датчик, принцип действия которого основан на обычном фотодиоде. Датчик может с высокой точностью измерять верхнюю границу облаков, высоту границы между тропосферой и стратосферой, и даже

обнаруживать наличие частиц осадков в облаках. По заверениям ученых мужей, отечественное ноу-хау будет особенно востребовано на бескрайних арктических просторах, так как получаемые традиционным способом сведения об облаках не отличаются высокой степенью достоверности, особенно в условиях полярной ночи.

Где искать снежуру?

Таким необычным словом именуется крайне редкое природное явление, когда обильные осадки в виде снега падают на поверхность воды, температура которой близка к точке замерзания. В результате объемные снежные массы не тают, а, как бы слегка расплавившись, застывают на поверхности воды. Своим внешним видом снежура напоминает кашеобразную вязкую белую массу, практически сплошняком покрывающую поверхность водоема. Счастливчикам даже удастся запечатлеть это очень необычное и красивое природное явление на камеру. В нынешнем году наблюдать снежуру могли жители северной столицы — на реке Екатерингофа, одного из протоков в дельте Невы.

Впрочем, снежура на севере России была известна издавна. Правда, под другим словом — бакалда. Так ее именовали на Русском Севере отважные рыбаки-промысловики поморы. Она представляла определенные сложности для мореплавания. Дело в том, что выпавший на поверхность воды не растаявший снег быстро пропитывается ею, а, смерзаясь, образует труднопроходимую для малых деревянных судов шугу. А при шторме, попадая на палубу, снежура приводит к быстрому обледенению корабля, которое зачастую грозило катастрофическими последствиями для экипажа.

Александр Боев

Сожму твои озябшие ладони.
Дай поделиться мне с тобой теплом.
Не прячь печаль за расписным стеклом.
Ее удел — рубаха из поскони...
Минует ночь, оставив снова тайной
Рождение Божественной зари!
Открой окно и просто посмотри.
Живое чудо это не случайно...
Дождись его и отпусти невзгоды.
Еще не раз тебе откроют дверь.
Не бойся. Не проси. Ты просто верь!
И обретешь желанную свободу.
Я знаю, что не вечна непогода...

ЭТОТ МИР

В этом мире большом
Так легко разминуться.
Просто мимо пройти,
Просто не обернуться...
Просто взглядом скользнуть,
Пустоту замещая...
Не прощая себя,
Никого не прощая.

Одиноко брести
Век со сбитым прицелом.
Век искать! Не найти
Заповедных пределов...
В этом мире чужом
Так легко разминуться.
Просто мимо пройти.
Просто не обернуться...

ЛАБИРИНТЫ ПАМЯТИ МОЕЙ

Я листаю времени страницы.
Тайнопись его на наши лица
Еле различимую строкой
Брошена неведомой рукой...
Я брожу по переулкам дней
Лабиринтов памяти моей.
Улыбаюсь...Плачу и грущу...
Но ни дня уже не отпущу
Я в безумной круговерти лет.
И пусть к прошлому возврата нет —
Оно здесь! Безмолвной вереницей
На давно прочитанных страницах,
Где брожу по переулкам дней
Лабиринтов памяти моей...

НЕ ТОРОПИСЬ

Не торопись переворачивать страницу.
Не торопись забыть о сентябре.
Его озер задумчивые лица,
И ели в предрассветном серебре...
Когда душе вдруг станет одиноко,
Завьюжит в ней расчетливый февраль.
И в этой пляске стылой и жестокой
Тебе себя безумно станет жаль!
Не торопись переворачивать страницу.
Не торопись забыть о сентябре.
Сусальным золотом любимых лица
Напишет Осень на твоём окне...

Срывает ветер с кленов золотые эполеты,
Разжалованы клены в рядовые до Весны.
Печальной Осени военные секреты
Они коварно поместили в наши сны.
Открылось все, что раньше было тайной.
Октябрь задумчив сразу стал и очень хмур.
Вдруг понял он — туманы не случайны.
Случаен Осени багряно-золотистый сюр.

Сожги в костре лихие дни,
Доверь огню свои печали...
Начни мелодию с начала.
Ее мотив тебе сродни.
Меняй тональность бытия...
Рви проржавевшие оковы.
Открой созвездие сверхновой...
Живи, желаний не тая!
Дерзни зажечь свою звезду!
Едва ли это невозможно...
Не бойся быть неосторожной!
Ищи! Люби! Будь на виду!
Я верю, ты зажжешь звезду!

От нежности я задыхаюсь.	Любовь пророчат раз за разом,
От недостатка слов	Удачу, счастье и успех...
Я глупо улыбаюсь... Каюсь!	Пытаюсь обмануть свой разум,
В несовершенстве снов	Я верю в гороскоп для всех...
Ищу таинственные знаки,	От нежности я задыхаюсь
Предначертания Судьбы.	И верю, сбудутся мечты...
Где Девы, Скорпионы, Раки, —	Я глупо улыбаюсь...Каюсь!
Простые звездные рабы,	Что делать? Просто рядом ты!

Вижу вас из облаков

Прощать — куда эффективнее, чем карать, Валерий Петрович много раз убеждался. Бедная медсестра Аленушка наверняка успела много раз представить себе СИЗО, суд, этап. И в благодарность за то, что гуляла пока на свободе, выслуживалась изо всех сил.

На случай, если вдруг еще что вспомнит, он оставил ей номер своего телефона. И сегодня она разбудила его в восемь утра.

— Валерий Петрович! У меня для вас информация очень важная! — радостно кричала в трубку Алена.

— Ну, говори.

— Что вы? — перепугалась она. — По телефону нельзя. Вдруг нас слушают?!

— Позвони в мессенджер. Это безопасно.

— Нет, нет! Лучше сама приеду. Можно?

— Тебе на работу разве не надо?

— А я после суток, сегодня свободна.

Что поделаешь, пришлось отвлекаться от изучения увлекательного жизнеописания Богатова и готовить обед — встречать дам пустым чаем не в его правилах.

Аленушка из своего Зареченска явилась к часу дня. Принаряженная, взволнованная. Заливного судака отведала с аппетитом, но так торопи-

Окончание. Начало в №10, 2022 г.

лась, что пару раз поперхнулась. И страшно обрадовалась, когда перед десертом Ходасевич, наконец, предоставил ей слово.

— Валерий Петрович! Я, оказывается, еще одно должностное преступление совершила. Но не со зла. Только сегодня узнала. Случайно.

— Кайся, — усмехнулся он.

И Алена поведала: в отличие от Москвы и других развитых городов в их больнице результаты анализов по-прежнему заполняют на рукописных бланках. Коллега из лаборатории приносит ворох — а она уже подклеивает к историям болезни.

— Когда Сизову к нам привезли, я как раз на дежурство заступила. А ее анализы принесли следующим утром. Тут я уже после суток, с ног валюсь. Но в карту подклеить все равно надо. Клинику с биохимией просмотрела и подшила. Но еще должна была быть коагулограмма...

— Это что такое, напомни?

— Гемостаз. Свертываемость крови. У всех, кто по «скорой», берут обязательно. Но на Сизову почему-то не принесли. А я уставшая была, выяснять, где анализ, не стала. И врачи тоже не заметили. Так и ушла карта в архив без коагулограммы. А сегодня я опять в ночь. Обычно-то сплю, если возможность есть, но тут никак, нервы на взводе. От скуки взялась порядок на посту наводить. И нашла. Листок с анализом, оказывается, под столешницу провалился и там застрял. Вот. Смотрите. Там такое!

Он взял из ее слегка дрожавших рук бумажку с результатом анализа.

Список показателей, значение. Одно из них — АЧТВ — обведено красным маркером. Валерий Петрович прищурился — цифры мелкие, почерк неразборчивый. Но разглядел: у Жени — семьдесят два. А референсные значения — от двадцати четырех до тридцати четырех.

— Объясни, пожалуйста, что это значит, — попросил он.

— АЧТВ, или активированное частичное тромбопластиновое время, указывает на способность крови свертываться. Чем больше — тем вероятней кровотечение. У нее показатель втрое превышен. Агеморрагический инсульт — это оно и есть. Если посмотреть на мозг такого пациента в разрезе — там огромный сгусток крови обнаружится.

— И почему показатель превышен?

— Тут могут быть разные варианты, — уже менее уверенно ответила медсестра. — Но самый очевидный — она антикоагулянты принимала. Причем в серьезных дозах.

— Зачем?

— Не знаю. Но я уже провела расследование: официально ей ничего подобного не назначали.

— И как ты смогла это выяснить?

— Так Женя к поликлинике у нас в Зареченске прикреплена. А у меня там подружка. Мы подняли из архива карту Сизовой: она вообще ничем не болела. Последний раз у терапевта была два года назад. Делала профосмотр.

— Она могла лечиться где угодно.

— Могла, конечно. Но я ведь с ее мужем тоже общалась. Максим сказал, что Женя врачей терпеть не могла. И ничем не болела.

— Хорошо, — кивнул Ходасевич. — Можно достоверно выяснить, что за препарат она принимала? И в каких количествах?

— Теперь никак. Если бы доктор коагулограмму сразу увидел, то назначил бы развернутый анализ. А теперь поздно. В ее крови ничего уже не осталось. Но я так полагаю, какой-то сильный антикоагулянт она пила.

Валерий Петрович нахмурил брови и сказал с напускной строгостью:

— Да, девушка... Действительно, халатность. Я бы сказал, преступная.

— Валерий Петрович! Не добивайте! Сама корю себя. Спать вообще не могу.

— Придется искупать вину.

— Как?

— Твоя подруга из поликлиники может еще одну медицинскую карту поднять?..

Десять лет риска, свободы и счастья. Денис прежде презирал дамский мечтательный щебет насчет «второй половинки», но, когда Женька во-рвалась в его авто — и в его жизнь, — был вынужден признать: они действительно созданы друг для друга.

Иногда шиковали в бизнес-классе и пяти звездах. Но куда чаще оказывались в собачьих условиях. Когда выслеживали черных золотодобытчиков, неделю пришлось жить в землянке, при нуле градусов. Чтобы тайно доставить передачу в тюрьму на остров Бастой, гребли под ледяным дождем в весельной лодке.

Женя всегда наравне с ним придумывала и соучаствовала. Рисковала, жалела его и подбадривала. А когда случались изредка женские капризы, Денис не возмущался. Хоть на нормальную жизнь немного похоже.

У большинства преступников и олигархов цель одна: деньги. Женя с Денисом могли при желании зарабатывать в десятки, сотни раз больше, однако оба оказались романтиками. Считали, что убить и грубо отобрать легко, но куда интереснее разработать бескровную, красивую, даже вычурную комбинацию. Да и сумасшедшее богатство никогда не было самоцелью. Копить особо тоже не умели. Вместо того чтобы скупать валюту и золотые слитки, предпочитали красиво прокутить излишки. Ездили

в Африку на сафари. Изучали единоборства в Японии. Готовились к «Фактору смерти» в филиппинском тренировочном лагере.

Женя давно перестала строить из себя загадочную девушку. Денис знал: она родом из Киржача, мама-учительница серьезно хворает, дочка за нее переживала, искала врачей, отправляла в санатории. Отчим — инвалид, без ноги, еще какие-то болячки. Но на него силы не тратила, усмехалась жестко:

— Ничего. Дядя Ваня у нас фельдшер. Пусть о себе сам заботится.

А через какое-то время Женя начала говорить о том, что пора остепениться. Имеется уже жилье, кое-какой капитал. Надо бросать рассеянную жизнь — и становиться, как все.

— И что будем делать? — искренне не понимал Денис.

— Что угодно. Я люблю с цифрами работать. Могу в бухгалтеры пойти. А ты — да хоть в стриптизеры, с твоей-то сумасшедшей фигурой!

Денис понимал, что Жене хочется настоящую семью, но все же надеялся максимально оттянуть момент превращения в бургера. Хотя бы лет до сорока. Подумать не мог, что подруга окажется настолько упрямой и выскочит за первого встречного, кто предложит руку и сердце, да еще согласится завести ребенка.

Только не задалась у его вольной птички оседлая жизнь.

И сейчас Денис сидел у больничной койки, держал ее за руку, шептал:

— Что, дурочка? Думала, сбежала от меня? А вот и нет. Теперь уж точно никуда не денешься.

Аппарат ИВЛ журчал еле слышным ручейком. Ароматерапия (сегодня лаванда и ромашки) и стрекот сверчков с цикадами (лечение звуком) создавали иллюзию дачного вечера. Впрочем, Женя никогда не любила пастельных красок и тихих звуков. Та, прежняя Женя, предпочла бы рев водопада и рык тигра. Как тогда, в Венесуэле...

Одиннадцать лет назад

Когда есть спонсоры и вертолет — легче, зато самим путешествовать в тропиках венесуэльского штата Боливар прикольнее. Женька, правда, капризничала — то душ ей горячий подай, то рюкзак тяжелый. Но это неизбежное зло. Девчонки, даже лучшие, полностью отдаться приключению не умеют. Туалет со смывом им важнее, чем ветер свободы. И причуды, конечно, обязательные дамские штучки. Лапша китайская на костре — фу, есть не буду. Но когда в Каракасе заказал столик в дорогущей «Lalsabela» — тоже не порадовалась. Весь вечер потом корила, что дамы кругом в коктейльных платьях и на каблуках, а ей в джинсах пришлось быть.

— Да кому нужны их наряды. Курицы в павлиньих перьях! — утешал Денис. — А ты — настоящая!

Женька от его комплиментов веселела, подбоченивалась. Суть у нее правильная — оторва, безбашенная, бесстрашная. Но иногда находило: на полном серьезе хотела в отпуск в Баден-Баден, вместе со старыми бабками лечебную воду пить. Еле уговорил все-таки полететь в Венесуэлу.

Добрались с двумя пересадками. Коротко осмотрели Каракас. На коммерческом рейсе долетели до национального парка Канайма. Попутчиков — богатых и жирных — повели пересаживаться на моторизованное каноэ. Денис подобных туристов презирал. Чем гордиться, когда и подвезут, и вернут на место, сам только ахай и фотки делай. А вот если вокруг твоей палатки ягуар круги нарезает — это да, это адреналин.

Он горел идеей покорить водопад Анхель. Шутка ли: под тысячу метров высотой, почти в двадцать раз больше Ниагары!

Женька тоже с восторгом слушала про триста тысяч литров воды в секунду, но не скрывала, что до вершины предпочла бы добраться, как все туристы. По горной реке, на каноэ с моторчиком.

Однако Денис убедил, что вместе с толпой им нельзя. Пока совершали восхождение, он всю свою мужественность включил. Подбадривал, то и дело оба рюкзака на себе волок. Впрочем, и Женька, когда поняла, что путей к отступлению нет, перестала капризничать и снова превратилась в своего парня.

Когда дошли до вершины — вниз взглянула без страха. Все готово. Стоят рука к руке.

— Кто первый? — перекричал Денис шум воды.

— Конечно, я! Иначе ты струсишь!

Их вечная игра. Парашютисты знают: второму прыгать гораздо страшнее.

— Да, это тебе не с Останкинской башни сигать! — Денис приложил все силы, чтобы голос не дрогнул.

Хотел потянуть момент. Побывать на вершине подольше. Вдохнуть красоту и свободу. Поцеловать Женьку — возможно, в последний раз.

Но она считала: чем дальше ждешь, тем страшнее. Крикнула их обычное:

— Увидимся в раю! — И сиганула вниз.

Сумасшедшая. Прекрасная. Самая любимая.

Он ждал. Опасно стоял у края. Все хотел увидеть, как полыхнет багровым купол ее парашюта, но в дымке водопада разглядеть ни черта не смог.

Счастье. Вот оно. Всегда на грани.

Когда прыгаешь с парашютом, много добра с собой не возьмешь. Палатку и кучу вещей пришлось оставить на вершине. Ничего. Может, еще вернуться.

Оттолкнулся. Рухнул в пропасть. Мать честная! Хуже, чем сквозь облако падать — сразу весь мокрый. Поток воды рушится совсем рядом, брызги в лицо. Но свободным падением наслаждаться времени нет — любоваться будем под куполом.

Парашют укладывал жестко — чтобы раскрылся мгновенно — но не сработало. Ткань расправлялась лениво, неохотно — видно, из-за сырости. Всего-то метров пятьдесят до земли оставалось, когда купол наполнился. Как всегда — на пределе.

Взгляд немедленно кинулся искать Женьку. Слава создателю. Жива! Машет радостно, в руке телефон — будет его приземление снимать.

Опять встретились не в раю. Или, наоборот, — как раз там?

Его переполняли эмоции. Он сжал в объятиях худенькое тельце:

— Ну, круто, круто ведь?

— А, ерунда. Я даже не испугалась ни капли.

Денис отцепил парашют и спросил:

— Что планируем дальше? В Эмираты? Прыгать с небоскреба?

— Нет, — усмехнулась Женя. — Теперь точно — Баден-Баден.

— Ни-ко-гда!

— Тогда поеду без тебя. Я серьезно.

— Даже слушать не хочу!

— И зря. Я еще в Каракасе решила: это мой последний прыжок.

Она не первый раз пыталась завязать. Что поделаешь, природа. Даже самые отчаянные девчонки — когда им к тридцатнику — начинают болтать всякую ерунду про семью и детишек.

Но Денис знал лекарство. Нужно срочно выбраться к цивилизации. Пару дней побыть скучным и респектабельным. Купить Женьке коктейльное платье и туфли на каблуках. Повести ее на массаж и в СПА. Подождать, пока она снова будет готова обратиться в боевую подругу. Откуда ему было знать, что в этот раз его соратница приняла окончательное решение?

Сначала она отправилась в отпуск. На пресловутые воды. Без него. «Тебе все равно там будет скучно, милый». Когда вернулась в Москву, наплела, что затевает в своей квартире ремонт, надо контролировать бездельников-рабочих.

Он тогда увлекся кайтингом, ежедневно брал уроки и ничего не заподозрил. А через месяц Женя огорошила: она в положении и выходит замуж за отца ребенка.

Конечно, Денис психанул. Орал, умолял послать конкурента к черту. Даже предлагал: усыновить (или удочерить) будущего младенца.

— Прости. Я много раз предлагала это — тебе. Сам не захотел. А сейчас уже поздно, — грустно ответила Женя.

Синий «инфинити» у дальнего подъезда Денис заметил краем глаза. Поначалу значения не придавал: двор у них не бедный, хорошие машины самых разнообразных марок постоянно паркуются.

Сел за руль своего «БМВ». Спросил у навигатора про самый короткий маршрут. Ехал. Думал. Отвечал по пути на звонки. Километрах в пяти от дома заметил: снова синий «инфинити». Вроде бы тот же самый. На светофоре. За три машины от него.

Стартанул на желтый, проскочил. Поток за ним не шевельнулся. Но уже минут через пять преследователь нагнал и опять пристроился на классической дистанции в нескольких машинах позади.

Много чего в жизни бывало. Но впервые охотник за ним выбрал столь приметный автомобиль.

Денис подпустил «инфинити» поближе, разглядел номер, открыл планшет, пробил по базе данных, и на сердце отлегло. Это же та самая девица, что с Митей возится!

Денис пару раз приезжал в Женин поселок. Хотел убедиться, что ее сын в порядке. Тогда и обратил внимание на симпатичную, похожую на Мэри Поппинс в исполнении Натальи Андрейченко воспитательницу. Еще удивлялся: как это жлоб-муж не пожалел деньги на такой уровень? Сделал фотографию красотки, прогнал через программу распознавания лиц и выяснил, что никакая это не няня, а Татьяна Садовникова, креативный директор в рекламном агентстве. Еще удивлялся: зачем успешной, симпатичной, богатой волонтерская обуза?

От своей симпатичной преследовательницы больше не скрывался. Подъехал прямо к клинике. Припарковался, притворился, будто идет через главный вход, а дальше — просочился через служебный во дворе и поймал красавицу из «инфинити» в прилегающем переулке.

В первую секунду в ее глазах промелькнул испуг. Но она быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

— Привет, Денис.

Когда Богатов услышал про отчима — бывшего сотрудника органов, — он ощутимо напрягся, но отказываться от встречи не стал. Рандеву состоялось в частной клинике, у постели Жени.

Богатов Ходасевичу понравился. Парню, несомненно, было что скрывать, но обо всем, что касалось своей подруги, вроде бы говорил откровенно. Рассказал, как познакомились. Чем, в общих чертах, занимались. Почему разошлись.

— Когда вы последний раз ее видели? — спросил Валерий Петрович.

— Официально — два года назад. Женя согласилась на свой день рождения сходить со мной в ресторан. Но я иногда наведывался в этот ее

клуб, «Пегасус». По гостевому абонементу. В тренажерке стены стеклянные, а в три Женька обедать ходила. Педали крутил — и смотрел на нее.

— Откуда вы узнали, что она в больнице?

— Двенадцатого числа очень захотелось ее увидеть, — вздохнул Денис. — Поехал в «Пегасус». Время обеда прошло, а Женя так и не появилась. Тогда пошел вроде как годовой абонемент покупать, завязал с девочками в бухгалтерии разговор. Узнал, что случилось, и сразу в Зареченск помчался.

— Сколько вы прожили вместе с Женей?

— Почти двенадцать лет.

— Она чем-то болела?

— Травмы в нашей э-э... работе случались. Два перелома у нее было, в разные годы. Спину повредила, когда на Филиппинах с малой высоты с парашютом прыгали. Больше вроде ничего.

— Может быть, давление, нервные срывы, обмороки, травмы головы?

— Нет. Ничего подобного.

Следующий вопрос мог взорвать мирное течение разговора. Но Ходасевич его все-таки задал:

— У вас не осталось... каких-то неоконченных дел?

— Что вы имеете в виду? — сразу подобрался Денис.

— Кто-то мог желать Жене зла?

— Вы считаете, ее болезнь не случайна?

— Врачи, конечно, говорят, что ранние инсульты в современном мире стали нормой. Но, согласитесь, подобная болезнь у здоровой женщины в тридцать восемь лет выглядит подозрительно.

Денис слабо улыбнулся:

— Старых врагов у нее не осталось, в этом я уверен. А вычислять новых — честно сказать, мне было не до того, — слабо улыбнулся Денис, взял в руку безжизненную Женину ладошку и нежно произнес: — Вот очнется — и спросим.

Таня всегда считала, что гулять с детьми — это труд. За то и нянькам большие деньги платят — чтобы приплясывали, утихомиривали, вытирали сопли. Но они с Митей во время прогулок просто шли, беседовали обо всем на свете, и ей казалось, будто рядом не ребенок, а разумный, равный собеседник. Она и сама любила подмечать интересные детали, но с удивлением обнаружила, что мальчик не хуже нее видит необычное, яркое. То на древесный гриб в форме сердца покажет, то обратит внимание на вселенскую печаль в глазах бродячей собаки.

Сегодня шли по деревне, и Таня показала на романтично увитый диким виноградом балкончик:

— Странно, что виноград остался. Я думала, он только на юге растет. А Митя вдруг спросил:

— Город Донской — это юг?

— Не знаю, — честно призналась Таня и, достав поисковик, быстро нашла ответ: — Тульская область. От Москвы всего двести километров. А почему ты спросил?

— В Донском такой виноград растет даже на больших домах, — прошептал мальчик.

— А ты откуда знаешь?

— Мне мама фотографию присылала. Показать?

Он открыл снимок, и Таня даже присвистнула — в красно-зеленых плетях старая двухэтажка, снятая с умелого ракурса, выглядела почти рыцарским замком.

— Просто удивительное фото, — искренне похвалила она.

Митя, гордый за маму, расплылся в улыбке. А Танин взгляд вдруг упал на дату съемки. Девятнадцатое июня. Спустя пять дней у Жени случится инсульт.

— А зачем мама ездила туда? У вас в Донском родственники?

— Если родственники, я бы знал, где этот город. Нет, конечно. Она там в командировке была.

— А у тебя другие фотки из Донского есть? — как можно беззаботнее спросила она.

— Да. Еще есть селфи мамы с глиняным дядей.

— Это как?

— Вот, смотри.

Еще одна выцветшая, когда-то лимонно-желтая двухэтажка, а перед ней — скульптура в стиле советского примитивизма. Мужчина с обнаженным, потертым торсом. В правой руке то ли диск, то ли мяч. Лицо суровое, напряженное. Женя выглядит куда веселее. Стоит перед памятником, тоже выкинула вперед правую руку, дурашливо улыбается.

Таня увеличила фото. Здоровый румянец, вполне цветущий вид. Невозможно поверить, что спустя несколько дней молодую, красивую женщину срывает болезнь стариков. Какой-то сильный стресс? Но если так — случился он, скорее всего, уже после того, как был сделан снимок.

— Обычно, если командировка, фотографироваться некогда, — словно между делом, подбросила Садовникова.

Митя резонно возразил:

— Не все встречи начинаются вовремя, — возразил Митя. — Вот, почитай.

В подписи к фотографии значилось: «Жду, убиваю время, фоткаюсь, чтобы не умереть со скуки».

— И кого она, интересно, ждет?

— Таня, ну, какая разница? — укорил Митя.

— Это ведь суббота, выходной день. И в Донском наверняка есть какие-то места интересные. Могли бы вместе поехать. Она ведь тебя и на работу брала иногда, и даже на массаж.

— Я просился, — нахмурился мальчик, — но мама сказала: без вариантов. Значит, правда что-то важное, с детьми нельзя.

Интересно, а Максим в курсе?

Вечером Таня дождалась, когда вечно хмурый отец явится после своих курьерских разъездов, усадила обоих ужинать. Максим, поначалу вялый и раздраженный, подобрел, снисходительно похвалил:

— Тренируйся еще. Скоро хорошей хозяйкой станешь.

— Спасибо, но меня сия ипостась не прельщает, — усмехнулась Татьяна.

— Зря. Митьке мамку могла бы заменить.

— У меня есть мама! — в гневе выкрикнул мальчик.

— Сын! Ты уже взрослый мужчина и должен знать. Не все болезни врачи могут вылечить...

— Но мама мне обещала! Она скоро поправится! — В глазах мальчика блеснули слезы.

— Конечно, поправится! — кинулась к нему Таня.

Обняла за плечи, увела в детскую. И долго, пусть не очень умело, успокаивала, говорила, что пациенты и после десяти лет комы встают.

— Но я хочу, чтобы мама уже этим летом поправилась, — сонным голосом пробормотал Митя.

Тане самой очень хотелось, чтобы Женя действительно встала на ноги. И осталась с Денисом. Мальчика стал бы воспитывать красавец-авантюрист, а не его родной отец, поспешивший похоронить супругу и плевавший на горе сына.

Когда Митя, наконец, заснул, она сначала собиралась ехать домой немедленно, но передумала. Заварила себе чаю, подошла к телевизору, где Максим «угасал» над доброй порцией коньяка.

Увидев ее, он вскинул набрякшие веки и сурово выдал:

— Я все равно скажу ему правду. Нельзя всю жизнь мальцу мозг пудрить.

— Но в чем смысл? Зачем его надежды лишать?

— Затем, что перспектив нет. Скоро школа. Как-то устраиваться надо. Пешком он отсюда не дойдет, а я его возить не могу.

— И как вы думаете устраиваться? — вкрадчиво спросила Татьяна.

— С тещей поговорю. Если не возьмет — тогда в интернат.

«Ох, когда жена твоя очнется — расскажу ей, как ты с сыном поступать собирался!» — мстительно подумала Таня и, наконец, засобиравшись домой, сухо пожелав Максиму спокойной ночи. До чего же ее бесил этот мужчина! Сев в машину, она дала волю гневу. Вдавила газ, разогналась почти до двухсот, еле вписалась в поворот, с трудом выровняла «инфинити» и, сбросив скорость, сказала себе: «Все, Таня, успокойся. Лучше подумай, зачем все-таки Женя ездила в Донской? И где на самом деле провела последний день своей осмысленной жизни?»

Уже второе утро подряд его будили женщины.

В этот раз пришло сообщение от Зои — той самой бухгалтерши из «Пегасуса», положившей на Ходасевича глаз.

«Вспомнила кое-что про Женю. Можем сегодня встретиться? Я работаю до 18.00».

Он увеличил аватарку, рассмотрел фотографию отправительницы. При личной встрече Зоино лицо показалось ему весьма заурядным, но здесь то ли фотешоп, то ли ракурс удачный. Тонкие черты, аппетитные губы, проникновенный взгляд. Куда свежее и моложе, нежели бывшая супруга Юлия Николаевна. Но одиночество в глазах так и плещет. Какая там у нее информация? Или это просто повод открыть охоту? Ждала-ждала тщетно, пока в итальянский ресторан позовет, и решила сама проявить инициативу?

Впрочем, Ходасевич никогда не обижал дам отказом. Ответил и предложил встретиться в ближайшем к фитнес-клубу итальянском ресторанчике, даже рубашку потрудился погладить.

Зоя явилась принаряженной.

— Спасибо, что откликнулись.

— Буду благодарен за любую информацию касательно Жени.

— Ну, я не знаю, — зажеманилась бухгалтерша, — может, вам и не поможет никак.

— Значит, просто пообщаюсь с красивой женщиной. По бокалу вина?

— С удовольствием.

— А пиццу себе позволим?

— Нет-нет, мне только салат. Пожалуйста, «Цезарь».

— Я общепитовскому «Цезарю» не доверяю, — улыбнулся Ходасевич. — Как-нибудь приглашу вас на рукотворный. Придете?

— Вы еще и готовите? — вскинула брови Зоя.

«Такую только пусти — сразу начнет мебель переставлять», — беззлобно подумал Валерий Петрович.

Он заказал вино, салат, две пиццы.

— Зачем две? — удивилась Зоя.

— Надеюсь вас соблазнить.

Тон получился многозначительным, и бухгалтерша просияла.

Отхлебнула глоточек из бокала, откусила крошечку от гриссини и печально вздохнула:

— Вот вроде и не дружили мы с Женей, а скучаю по ней. И вы еще душу разбередили. Теперь переживаю: вдруг не просто так с ней беда?

— А есть основания?

— Не знаю, конечно. Но я вспомнила одну ее странную фразу. Вот смотрите. Шестнадцатого июня она говорит, что будет мстить. А двадцать четвертого — у нее вдруг insult. Разве не подозрительно?

— Она сказала, что будет мстить? — напрягся Валерий Петрович.

Зоя сразу засуетилась:

— Ну... не прямо так сказала, но что-то вроде: «Я этого не оставлю».

— Что она не оставит?

— Да грустная история. Была у нас в «Пегасусе» «дочь полка». Девчонка совсем. Лидочкой звали.

Женя

«Пегасус» в качестве места работы она выбрала за то, что директор здесь — женщина, тоже мама. Соглашалась считать утренник в детском саду за уважительную причину, отпускала на больничный по ветрянке, говоря при этом:

— Пока налоговая довольна — я ничего против ребенка не имею.

Женю такой подход устраивал. Если пропускала работу из-за детских мероприятий, потом высидивала до упора, и когда дебет изящно сходился с кредитом, она испытывала законную гордость.

Менеджеры и бухгалтерия сидели в одном большом «аквариуме», но главному бухгалтеру, по счастью, полагалось отдельное помещение. От предыдущей хозяйки кабинета остались герань, фиалка, картина с тремя богатырями и потемневший от бесконечных чаепитий заварочный чайник. Женя сначала хотела выбросить архаизмы, но потом решила: пусть останутся, для уюта.

Поначалу она держалась особняком, от коллективных дней рождений старалась увилывать, но постепенно оттаяла, прижилась. С губастенькими инструкторшами говорить особо не о чем, но среди менеджеров и бухгалтеров попадались «нормальные». Тоже мамочки. Пили вместе чай, обсуждали детские развивающие методики, скоростными кулинарными рецептами делились.

Юные инструкторши от «клуш» держались особняком. И только молодая тренер по плаванию, Лидочка, предпочитала проводить время с ними. Со-

служивцы просветили: у девочки сложная судьба. Родителей нет, воспитывалась в детдоме — к двенадцати годам научилась курить и воровать. Однажды вместе со старшими отправилась вроде как в бассейн. Прослышали, что шкафчики в раздевалке открываются запросто, шпилькой. И всей компанией попались. Директор рвался вызвать милицию, но девчонки горько рыдали, и пожилая тренерша уговорила пожалеть. С единственным условием: все юные воровки будут ходить к ней в секцию. Но только впечатлительная Лида — она ведь дала слово! — отправилась на занятия.

Плавать ее прежде никто не учил, и дети веселились, когда здоровая кобылка одна плескалась в лягушатнике. Но девочка оказалась способной. Через неделю уже держалась на воде, а полгода спустя легко обгоняла насмешников — хоть кролем, хоть баттерфляем.

Тренер искушала большим спортом, олимпийскими медалями, и Лидочка честно пыталась соревноваться, тянуться до сборной. Ей удалось сменить детдом на спортивный интернат. Но серьезных побед не получилось — чемпионов с пяти лет растят, а она начала в двенадцать. Однако первый взрослый разряд выполнила. А главное, спиртное, сигареты, воровство остались в прошлом.

Пожилая тренерша продолжала Лидочку опекать. Помогла подготовиться в институт физкультуры, а на первом курсе в фитнес-клуб устроила — чтобы девочка не голодала на стипендию.

Сердобольное старшее поколение девчушку жалело. Женя (хотя до старухи ей далеко) тоже принимала участие в коллективном шефстве над бывшей детдомовкой. Лида чуть ли не каждый день забегала в старомодный бухгалтерский кабинетик. Поливала по личной инициативе фиалки с геранями, угощала печеньками домашними, шарф, собственноручно связанный, подарила. Жене поначалу она показалась скучной скромницей безо всяких амбиций. Но как-то разговорились, и Лида обмолвилась: тренерскую работу она ненавидит.

— Та же обслуга. Хуже, чем официант.

— А кем ты хочешь быть?

— Свое ателье мечтаю открыть, — мечтательно улыбнулась Лидочка.

— Швейную мастерскую Веры Павловны? — хихикнула Женя.

— Это кто такая? — удивленно взглянула на нее девушка.

— Книжка про нее есть.

— Типа, учебник по бизнесу? Как называется? Я почитаю.

Ну, да, когда ей было (и зачем?) читать Чернышевского?

— А почему вдруг ателье?

— Огромная свободная ниша! — важно ответила Лидочка. — Молодое поколение шить не умеет. Да и среднее тоже. Вот все ко мне и пойдут.

— Да ладно. В любом торговом центре дом быта есть.

— Там не конкуренты. Брюки подшивают — через раз портят. Молнию вставить — три тысячи, да еще криво. А платье дорогое незаметно заштопать даже не возьмутся.

— И как ты себе представляешь — это свое ателье?

— Ну... сниму помещение. Скромное, но в проходном месте. Сначала сама буду заказы принимать и за машинкой сидеть. А дальше — может, раскручусь. Персонал найму, филиалы открою. Потом франшизы раздавать буду. ИП зарегистрировать недорого, машинка швейная есть, на пару месяцев аренды я уже накопила.

— Тебе бы хорошо грант на развитие бизнеса получить, вот что. Правительственный.

— А где просить этот грант?

— Я попробую поискать, — пообещала Женя.

Она понимала, как важно в юности встретить правильного наставника, и хотя своих забот хватало, обещание держала. Бродила по сайтам, изучала, как правительство поддерживает предпринимателей. Гранта подходящего не находилось, но способ получить частичную компенсацию за аренду обнаружила и рассказала своей подопечной — та слушала внимательно, горячо благодарила.

Женя готова была и дальше Лидочке помогать — ИП зарегистрировать, бухгалтерию бесплатно вести. Но как-то в феврале ее юная подруга явилась с горящими глазами:

— Я на крутой марафон записалась! Буду учиться характер развивать. И своего добиваться.

— Дело хорошее, — улыбнулась Женя.

У них половина фитнес-клуба в самых невероятных марафонах участвовала. Худели, учили иностранные языки, вставали каждый день в шесть утра, чтобы перед монитором позы из кундалини-йоги принимать. Не удивительно, что юная Лида под общее влияние попала.

Увлечению новому девушка отдавалась со всем пылом души, какие-то домашние задания выполняла, но чему учат — не рассказывала. Объяснила виновато:

— Там авторская методика. Нельзя информацию разглашать.

— А кто проверит?

— Нет, — перепугалась Лида, — я слово дала! Но скоро... скоро я вообще всего в жизни добьюсь!

А в один из понедельников (марафон к тому времени как раз должен был закончиться) отдел кадров огорошил:

— Лидка уволилась.

— И куда ушла?

— Какой-то суперпроект, — с досадой отозвалась сотрудница. — Так все горит, что даже две недели отработать отказалась.

«И мне ни слова».

Женя взяла в кадрах Лидочкин телефон, несколько раз позвонила — безответно.

Ну не тащиться же к ней домой. Не хочет общаться — и не надо.

Голову, правда, иногда ломала — что за проект такой? Но даже предположить не могла, в какую беду вляпалась наивная Лида.

Зоя изящно ковыряла вилкой салат, вылавливала кусочки курицы, а гренки показательно отодвигала.

— Короче, уволилась Лидка в феврале и с радаров вообще исчезла. Женя ей звонила много раз, еще кто-то из наших тоже. Она не отзывалась. Все собирались к ней домой съездить, но как-то недосуг. А тут вдруг рекламу в Интернете увидели: «Дом моды Лидии Павшиной». И наша Лидочка — на фоне «Мерседеса» спортивного. Помещение крутое, на проспекте Мира, коллекцию дебютную собиралась представлять в Экспоцентре. И сама она вся такая от кутюр. Девчонки сразу завидовать: богатого папика нашла. А Женя к ней домой поехала. На следующий день приходит грустная, рассказывает: никакого папика нет. Весь проект — в кредит. И коллекция — очень так себе. Сшито аккуратно, но ни изюминки, ни полета.

— Что-то я слышал про эту Павшину, — наморщил лоб Ходасевич. — Но не в контексте моды.

— Да там и не дошло до моды, — поджала губы Зоя. — Еще и показа не было, а на Лиду уже кредиторы стали наезжать. Она же совсем безрассудно в омут, даже не подсчитала, сколько ей каждый месяц платить придется. А сумма абсолютно несуразная, триста, что ли, тысяч. Женя сразу сказала: объявлять себя банкротом — единственный выход. Лида — ни в какую. Буду, говорит, показа ждать. Прославолюсь. А под дверь уже коллекторы дежурят. Ну, и не выдержала девчонка. Наглotalась таблеток, и спасти ее не смогли, умерла. Как раз в середине июня это случилось. Женя очень переживала. Тогда и пообещала, что обязательно отомстит.

— Кому?

— Ну, этой, кто девчонку сбил с пути. Марафонщице, где Лида характер укрепляла. Довольно известная особа. Елена Симеонова. Не слышали?

— Нет. И за что ей мстить? Она, что ли, кредиты вашей Лидочке выдавала?

— Кредиты не давала, но голову задурила. Это от нее ведь пошло: не довольствуйтесь малым, беритесь исключительно за смелые проекты,

только тогда добьетесь того, о чем раньше даже мечтать не могли. А Лидка — молодая, доверчивая. К жизни не приспособлена, как все детдомовские. Вот и купилась на яркие посулы.

Зоя покраснелась, разгорячилась. Снова отхлебнула вина, закусила изрядной толикой пиццы и сказала сердито:

— Вижу, вижу, вы мне не верите, считаете, глупость. Но марафонщицей Женя точно интересовалась. Я на ее компьютере видела, во вкладках: сам марафон, и отзывы, и биография этой Симеоновой. Та, кстати, очень умело пыль в глаза пускает. Отовсюду трещит: деньги к ней полноводной рекой текут, не знаю, куда девать, квартир с десятков в самых разных уголках мира, яхты, иноходцы в конюшнях. — Она смущенно улыбнулась и добавила: — Я и сама думала на ее марафон пойти... ну, еще до того, конечно, как с Лидой беда случилась.

Герои стримов, подкастов и инстаграмов мало интересовали Ходасевича, но Елена Симеонова оказалась личностью колоритнейшей. В Москву явилась из глубинки, снимала угол, мыла полы, но всегда была уверена: она станет богатой и знаменитой.

Симеонова обожала играть на контрастах. Вываливала в инстаграм фотографии: «Вот я в двадцать лет и сейчас, в сороковник. Где лучше?»

Хмурая девица в прыщак с хилым хвостиком явно проигрывала великолепной даме с безупречной кожей и без единой морщинки.

Но как же бедной Золушке удалось подняться?

«Всегда мечтала учиться психологии, и для меня было нормально по двенадцать часов в день пахать, потом бегом в институт на вечернее, ночами писала курсовики». Название вуза, впрочем, ни в одном из интервью не упоминалось.

В нынешнем кабинете Симеоновой (сорок седьмой этаж бизнес-центра) в избытке висели дипломы с курсов, семинаров и мастер-классов по всему миру, но на академическое образование намекала лишь фотография с ректором известного университета.

«Я привыкла ставить перед собой великие цели. Ну, зачем мне поступать в жалкий областной институт, если лучшие знания психологии дает YaleUniversity? Я представляла себе все эти стрельчатые окна, балконы, цветущие розовыми лепестками деревья перед входом в кампус и видела, как я сама сижу на лужайке перед библиотекой с окнами из тонкого мрамора. И что вы думаете — Йельский университет сам меня пригласил!»

Ходасевич хмыкнул. Когда Танюшка оканчивала психфак МГУ, он тоже мечтал отправить любимицу в Америку, получать степень магистра. Но оплату в пятьдесят тысяч американских условных единиц за семестр потянуть не смог.

Он не сомневался: Симеонову тоже никто не взял бы в Йель, даже за деньги. Но уже понял: особа она хитрая, городить ложь на пустом месте не станет. Копнул чуть глубже и выяснил: действительно, в Йельском университете побывала. Но обучалась в стенах знаменитого вуза всего-то на летних курсах английского языка — и, разумеется, за собственный счет.

Блогерша, коуч и бизнес-леди безупречно владела искусством облачать заурядные события в блестящую обертку. Под ее воодушевленном рассказом, как сбылась еще одна мечта — получить дворянский титул и собственную землю, — стояло тридцать миллионов лайков и сердечек. Красивую историю сдабривали фотографии: Симеонова в английской шляпке... она же на поле для гольфа (на заднем плане изрядный особняк). Но нигде не упоминалось, где конкретно новоиспеченной леди пожалована земля.

«Бесплатный гектар небось получила, — усмехнулся про себя Ходасевич, — да и дворянством у нас немало мошенников торгуется».

Елена широко представляла и еще одну свою сбывшуюся мечту — удачное замужество.

«Я всегда хотела выйти замуж за принца. Но не абстрактно мечтала, а отчетливо представляла: как он выглядит. Где мы познакомимся. С какими словами он подойдет. И получилось ровно так, как я сама себе запрограммировала!»

Супруг Елены неплохо выглядел, позировал на фоне дорогой иномарки и владел бизнесом (каким конкретно, не сообщалось). Симеонова с удовольствием хвасталась его подарками — часиками «Ролекс Sky-Dweller» за три с половиной миллиона рублей или эксклюзивной сумочкой «Birkin». Но всегда подчеркивала: «Я и сама могу себе купить хоть яхту, хоть одиннадцатую по счету квартиру. Только когда дарит мужчина — всегда приятнее!»

Она утверждала, что каждый может сотворить себе столь же яркую, успешную жизнь. Достаточно поставить высокую цель, отчетливо представить, как она сбылась — и опля, принцы, иномарки, бриллианты сами посыплются к твоим ногам. А она готова помочь: научит правильно визуализировать мечту и объяснит, как «программировать свое сознание на успех».

В социальных сетях пышным цветом разросся «Челлендж процветания» под руководством Елены. За скромный вступительный взнос в десять тысяч рублей она включала желающих в сообщество и каждый день осыпала звуковыми и видеопосланиями, давала ежедневные задания, требовала отчетов.

Получать платный доступ в группу Ходасевич не пожелал, но на сайте с независимыми отзывами нашел немало информации. «В понедельник стриглись, удаляли негативную энергию, что скопилась в кончиках волос. Во вторник закапывали в горшок с цветами семь символических моне-

ток. В среду сто восемь раз пропевали мантру исполнения желаний. В четверг у меня платеж по кредиту, весь день ждала денежных поступлений — но нет, черта с два».

Однако добрая половина отзывов оказалась хвалебная. Девушки клялись, что деньги просто сыплются на них с неба. Лотерейные билеты выигрывали, двоюродные бабушки оставляли наследство, государство давало выплаты, даже налоговая инспекция возвращала неверно взысканное.

Понятно, конечно, что обязательство строчить хвалебные отзывы — часть челленджа, но неужели тысячи (да что там, десятки тысяч) столь откровенно заблуждаются и вводят в заблуждение других? Хотя не зря в народе говорят: нужно только захотеть. Кто-то, может, так искренне надеялся, что Всевышний жалел, отправлял ангела-хранителя исполнить желание. А иным мечты действительно исполняла сама Симеонова. Покупала машины и шубки — и, конечно, широко освещала в социальных сетях, а также печатных СМИ собственное благородство.

Но везло не всем. Были и такие, как несчастная Лидочка — кто к богатству самым простым и глупым путем отправился, через кредиты. Благо, манить, искушать, призывать свою жизнь изменить инстаграмщица умела виртуозно.

По-хорошему, запрещать надо подобные челленджи.

Но чисто юридически — что Симеоновой можно вменить? Деньги клиенты ей сами несут. Ни в какой криминал она их не втягивает. И как Женья собиралась ей мстить? Исходя из того, чем они с Денисом занимались раньше, Ходасевич только один способ видел: шантаж. Причем не жалкими штрафами за неуплату налогов, но чем-то реально серьезным. Какой-то должен быть совсем неприятный факт биографии.

Симеонова на своем светлом пути к успеху работала проституткой? Кого-то предала, ограбила? Но даже в самых гневных отзывах — никакого намека на темное прошлое. И бывшая родная контора (хотя нынче блогерами весьма интересовалась) досье на Симеонову не имела.

Да, поездка Жени в город Донской за несколько дней до инсульта выглядела странной. Но совсем не факт, что она туда ездила из-за Симеоновой. Блогерша-то родом совсем из других мест.

— Давай мы с Данг в Донской сгоняем! — упрашивала падчерица. — На месте разберемся!

— Каким образом?

— По Жениному пути пройдем. Найдем дом с виноградом, эту скульптуру. С жителями местными поговорим. Она кого-то там долго ждала. Вспомнят ее!

— Допустим, вспомнят. Что дальше?

— Ну...выясним, с кем она встречалась. Городок-то маленький. Может, Данг почувствует что-то.

Ходасевич еле сдержал снисходительную улыбку. Заметив это, Танечка насупилась и горячо произнесла:

— Я хоть и не экстрасенс, но тоже чувствую: что-то странное в Жениной жизни происходило. Митя мне говорил, что мама любую свободную минуту старалась провести с ним, а тут на всю субботу уезжает. В следующий четверг ее весь день тоже нет. А в пятницу утром — вдруг инсульт. Не верю я, что он на пустом месте случился.

И хотя Ходасевич после консультаций со множеством докторов знал, что апоплексия помолодела, произойти может с каждым, особенно на фоне стресса, все равно что-то раздражало его в последних днях осознанной жизни Евгении.

— Забудь пока про Донской, — медленно произнес Валерий Петрович. — Прежде надо выяснить, где она день накануне инсульта провела.

Викентий Ильич не уставал повторять: близкий человек рядом важнее, чем все лечение.

— Разговаривайте с ней. Держите за руку, целуйте. Включайте песни любимые.

Денис кивал, но беседовать с недвижимым телом решался только поздним вечером, когда доктора уходили, а дежурные медсестры утыкались в свои телефончики. Травил анекдоты, объяснялся в любви, вспоминал их былые подвиги — но Женя по-прежнему оставалась глуха к его словам. Хотя выглядела лучше — щечки порозовели, округлились.

— Давай, хватит уже валяться! — разорялся он. — Все рухнет без тебя. Ребенок без присмотра. Больница бешеных денег стоит. А выглядишь как! Стричься давно пора, краситься, ногти привести в порядок. Ладно, так и быть, ногти я тебе подстригу. Но имей в виду: я не спец, получится криво.

Специальных аксессуаров у Дениса сроду не было — обходился швейцарским ножиком с кучей полезных функций. Извлек его из кармана, присел на постель, высвободил ножнички. Неудобные они, конечно, и света мало. С большим пальцем получилось нормально, а когда взялся за указательный, не рассчитал. Срезал ноготь под корень и зацепил кожу, брызнула кровь.

— Жека, прости!

Он достал носовой платок, хотел промокнуть порез — и тут ее руки лихорадочно затряслись.

Отшвырнул ножницы, схватил за плечи, приподнял:

— Женька!!!

Глаза закрыты, лицо по-прежнему мертвое. Но ноги тоже стали подергиваться.

Денис вдавил кнопку вызова медсестры и заплакал.

Когда маленький Митя уверял, что его мама жива, Данг говорила: это не просто детская вера в чудо. Мальчик реально чувствует Женино присутствие на земле, потому что он ей близкий человек. Сын.

Если брать теорию массажистки за истину, Женины родители в число близких не входили. Они, похоже, не сомневались, что их дочь мертва. Одеты в черное. На почетном месте траурный портрет, рюмка водки, накрытая хлебушком.

Проживали Женины мама и отчим в Киржаче, в частном доме. Обоим слегка за семьдесят — по современным меркам ерунда. Но выглядели совсем старичками.

Таня с Ходасевичем представились волонтерами.

— Это что еще такое? — удивилась женщина.

— Мы помогаем тем, кому сложно, — объяснила Татьяна. — Я узнала, что Митя остался без мамы, и стала его навещать. Играем вместе, гуляем. Ужины иногда готовлю. Папа-то на работе весь день.

— Так Максим говорил, он ему няню пригласил, — растерялась бабушка.

— Ну... это просто соседка. У нее своя семья. Да и с Митей они особо не ладят...

Мужчина перебил ее и агрессивно сказал:

— Послушайте! Я понимаю, на что вы намекаете. Но вы видите, в каком мы состоянии?! Ни одна опека нам Митю не отдаст!

— Я бы очень хотела внучонка к себе взять, — подхватила супруга, — но нам самим, увы, нянька нужна. Ко мне, вон, через день «скорая» ездит. И Ваня совсем расклеился, — бросила она взгляд на ноги мужа.

Таня тоже посмотрела: правая конечность, без носка, обутая в шлепанец, вся в мокнущих язвах. А левой ноги вовсе нет — штанина подвернута.

М-да. Максим так уверенно говорил, что Митя может у бабушки с дедушкой в школу пойти...

Иван метнул на жену суровый взгляд, цыкнул:

— Не жалься мне тут!

Та сразу сникла, втянула голову в плечи, а он внушительно изрек:

— Мне Митька пусть не родная кровь, но я его люблю. Только смотрю на вещи реально. Школа у нас — пять остановок. Первоклашку возить надо, а кто будет? Мы из дома почти не выходим.

— Мы не укорять вас приехали, — мягко перебил его Валерий Петрович. — Наоборот, могли бы помочь. Врачей найти, лекарства.

— А платить за это кому, вам? — насторожился Иван.

— Мы — волонтеры, — с укоризной напомнила Таня, — денег не берем. И обещать ничего не можем. Только попробовать.

— Да, волонтеры сейчас детишкам иногда добрые дела делают, а старики никому не нужны, — отмахнулся мужчина. — Сколько уже просим в себе путевку в санаторий для моей Верки, на грязи, так нет, не дают. И у меня с ногами полная дрянь. Медицина местная от меня отступилась, а направления в Москву не допросишься. Молодым, говорят, квот не хватает.

— А что же вы поближе к дочке не перебрались? — вырвалось у Садовниковой.

— Так у Женечки и без нас хлопот полон рот был. Куда бы мы еще на нее свалились! — всхлипнула Вера.

— Да и не нужны мы ей. Шлак, отработанный материал, — горько добавил отчим. — От силы раз в два месяца приезжала. На денек. Отпуска — всегда на курортах. А если приступ у матери — денег вышлет, вот и вся помощь.

— А как же в июне? Она ведь специально отгул брала, чтобы вас в больницу свозить? — напомнил Ходасевич.

— Какой еще отгул? — удивленно спросил Иван. — Когда?

— Двадцать четвертого июня. Приезжала к вам на целый день. Домой только под утро вернулась.

— Это кто вам сказал?

— Максим.

— Брехло он последнее, — припечатал Иван и горько добавил: — Женя никогда не умела нормальных мужиков выбирать.

— Она, правда, у нас в тот день была, — в растерянности подхватила Вера, — приехала просто так. Даже не предупредила, свалилась, как снег на голову.

— Во сколько она приехала? — как бы между делом спросил Ходасевич.

— А вам, волонтерам, зачем это знать?

Ходасевич сориентировался мгновенно:

— Потому что Максим утверждает, что до инсульта ее вы довели.

— Как-как? — взъярился Иван.

— Косвенно, разумеется, — невозмутимо ответил Валерий Петрович. — Мол, Женя переживала за маму, моталась по врачам, нервничала. У нее у самой давление и поднялось. А он, оказывается, врет. Так и отметим.

— Зачем вам это отмечать? — насупился Иван.

— Вы, что ли, хотите его родительских прав лишить? — ахнула Вера.

— Мы не имеем права никого и ничего лишать, — отозвался Ходасевич. — Но помочь Митину жизнь устроить — да, хотим.

— Я его на море возила, — подхватила Таня.

— На какое еще море? — опешила Вера.

— На Черное. В Краснодарский край.

— А мы и не знали ничего, — совсем растерялась бабушка.

— Кто за это платил? — спросил хозяйственный Иван.

— Я хорошо зарабатываю, — пожала плечами Татьяна.

— И зачем вам это надо? — прищурился он.

— Мне интересно с Митей. Хотелось его порадовать. Отец вечно занят, этой его няне-соседке вообще наплевать. Даже Митину собаку на улицу выгнала.

— Арчи? — всплеснула руками Вера. — Но как можно? Это ведь Женечкин любимчик, он совсем домашний! — Она обернулась с умоляющим видом к мужу: — Давай хотя бы его к себе возьмем!

— Митька не отдаст, — парировал Иван.

— Вернули мы уже Арчи в дом, — улыбнулась Татьяна. — А Митя теперь ему сам лапы моет и ковры пылесосит.

— Так во сколько Женя к вам приехала двадцать четвертого июня? — повторил Валерий Петрович.

Иван опять нахмурился, но его жена с готовностью отозвалась:

— Да поздно совсем. Часов в десять вечера, да, Ваня? Программа «Время» точно уже закончилась. Мы заперлись, свет потушили, и тут она вдруг стучит!

— Даже не предупредила?

— Нет. Говорю же: как снег на голову.

— А зачем?

— Сказала, в наших краях была по делам. Ну а раз во Владимирской области все равно, решила и нас навестить.

— Не говорила, что за дела такие?

— Какой-то филиал вроде проверяла. В Александрове, — пожал плечами Иван.

— Как она выглядела?

— Уставшая. Бледная, — взволнованно заговорила Вера. — Я забеспокоилась, спросила: плохо себя чувствуешь? Нет, говорит, просто замоталась. Вот теперь корю себя. Надо было хоть давление ей померить. Но кто же знал? Женечка никогда на здоровье не жаловалась, к врачам не ходила.

— Долго у вас пробыла?

— Ну... я на часы не смотрела. Посидели, чайку попили. Где-то до половины двенадцатого, наверное. Потом она в свою комнату поднялась. Сказала, хочет отдохнуть полчасика перед дорогой.

— Вы к ней заходили?

— Нет. Думала, может, задремлет. Но она совсем недолго там пробыла. Уже минут через десять спустилась, говорит: «Все равно расслабиться не могу. Лучше поеду. За Митю переживаю, и на работу завтра». Выпила на дорожку чайку. Обняла меня... ну, и все. Больше ее я не видела. — Вера безутешно расплакалась, схватилась за сердце.

— Довели, — сурово констатировал Иван.

Он ловко подхватил костыли, пошел за лекарством, а, вернувшись, неожиданно ласково сказал жене:

— Пей, милая.

Потом обернулся к гостям:

— Как с Женей беда случилась, совсем плохая стала. Я и на похороны ее не пустил. Не пережила бы.

Дорога из Киржача неблизкая. Таня сидела за рулем, Ходасевич склонился над планшетом. Интернет еле тянул, но проверить получилось. Как Валерий Петрович и предполагал, никакого филиала в Александрове у Жениного спортклуба не имелось. Как не было его и в Донском.

Куда же ты ездила, девочка?

— Может, Максима потрянуть? — в азарте предложила Танюша.

— Не надо пока никого трясти. — Валерий Петрович посидел с закрытыми глазами, подумал и спросил: — Ты к Мите когда собираешься?

— Да когда нужно! Хоть сейчас! — с горячностью отозвалась падчерица.

— Работу вообще, что ли, бросила?

— Я ценный специалист, мне простят, — отмахнулась она.

— Тогда съезди завтра. И попробуй выяснить, где сейчас Женин телефон?

Часа не прошло, как Викентий Ильич уже примчался в больницу и до утра от Жениной постели не отходил.

Впрочем, восторженный настрой Дениса остудил:

— То, что вы наблюдали, может быть, конечно, началом выхода из комы. Но радикального улучшения я пока не вижу. Реакция на боль и спонтанные подергивания — это еще очень, очень мало. Хотя я надеюсь, что стимуляция таламуса ультразвуком приведет к положительным результатам.

— И сколько... сколько мне еще ждать? — тускло спросил Денис.

— Может быть, годы, — безжалостно ответил врач.

Он горько усмехнулся:

— Боюсь, у меня не хватит на это средств, — горько усмехнулся Денис и вдруг увидел, что Женькины губы дернулись, сложились в улыбку.

Викентий Ильич тоже это заметил и, метнувшись к больной, удовлетворенно кивнул:

— Улыбается, хороший признак. — Взятся за ее пульс и похвалил: — И наполнение лучше стало. Надейтесь, Денис. Ждите. И обязательно продолжайте с ней разговаривать.

Поездка в Киржач Ходасевича изрядно утомила, и отправляться теперь еще в город Донской Тульской губернии он решительно не хотел. Посылать туда доморощенных сыщиц — Танюшку и Данг — тем более неразумно. Но разобраться, что там делала Женя, пора.

Хорошо, когда десятки (а то и сотни) друзей, когда-то соратников и учеников, разбросаны по всему миру. Валерий Петрович нацепил на нос очки и открыл пухлую записную книжку. Страницы истерты — он частенько ее пролистывал, «освежал контакты», поздравлял с днем рождения или звонил просто потолковать. Кто там у нас из близлежащих регионов?

Толик, с кем вместе служили на Кубе, обосновался в Туле. А Костя, когда-то юнец, а нынче матерый майор, помнится, упоминал, что у него родители в Новомосковске. Хворают, но в столицу не едут. Приходится ему к ним мотаться — все выходные и отгулы. Дергать служивого человека не хотелось, поэтому первым делом побеспокоил пенсионера, Толика из Тулы. Тот на обычный звонок не откликнулся, а в мессенджере радостно сообщил, что дети подарили поездку в Турцию, наслаждается сейчас морем и солнцем. Валерий Петрович порадовался за приятеля, пожелал хорошего отдыха, а потом все же набрал Костю. Бывший ученик тоже пребывал в отпуске, но проводил его у родителей, в Новомосковске. Всего-то в десяти километрах от Донского.

Ходасевич изложил свою просьбу.

— Полтора месяца назад, говорите, приезжала? И адрес неизвестен?

— Тем интересней задача, — подначил бывшего ученика Валерий Петрович.

— Если бы в Донском еще видеокамеры были...

— ...в них все равно не хранилась бы информация шестинедельной давности. Жилой сектор куда эффективнее. Приезжала москвичка. На своей машине. Долго кого-то ждала. Бдительные старушки не могли обойти вниманием.

— Ладно, Валерий Петрович, попробую, — пообещал бывший ученик.

Прошлое не оставляло Алевтину Гордеевну. Вроде бы давно на отдыхе заслуженном, и клятву себе дала, что со старым покончено, но мысли ведь

из головы не выкинешь. Вот и сейчас — сидела жарким деньком у городского пруда, потягивала дрянное белое винишко из пластикового стаканчика — и поражалась людям. Через пару шезлонгов от нее — усталая деваха уже битый час пытается грудничка укачать, на лице злоба и скука, у ног еще двое трутся, мелюзга-мелюзгой. И деньжат явно нет — дети кругом чипсы трескают, а эти одну буханку на клочки раздирают. А малыш — прекрасный, кудряшки белые, носик точеный. Славянин и здоровенький, сразу видно. Самый ходовой товар.

Алевтина Гордеевна проработала в родильном доме более тридцати лет, и даже сейчас, когда ее лишили права заниматься медициной, считала, что все делала правильно. Только лицемеры говорят, что дети — божий промысел. Но на деле кому-то они даром не нужны, хотя Всевышний исправно их посылает, а другие — положительные во всех смыслах — головой о каменную стену биться готовы, чтобы родить, а не дают им. И почему нельзя заниматься перераспределением, если от этого всем хорошо?

Первый раз Алевтина Георгиевна поспособствовала, еще когда работала медсестрой в женской консультации. Была у нее подружка — на все готова ради наследника, только не получалось. А на прием как раз девчонка пришла. Студентка. Не местная. Все умоляла, чтобы на аборт отправили, а когда узнала, что поздно, рыдала: только родителям не сообщайте!

А доктора, при ком Алевтина Георгиевна работала, очень вовремя к главному врачу вызвали. Остались они со студенткой наедине, и медсестра предложила: на учет не вставать, ребеночка родить дома и сразу отдать в хорошую семью. Да еще и заработать на этом. Девчонка снова зарыдала — теперь от радости. И провернули шикарную комбинацию. Для девицы квартиру сняли в пригороде, кормили, приглядывали за ней. Подружка Алевтины начала накладной животик носить, всем объявлять, что беременна, и срок уже приличный, а раньше молчала, потому что выкидыша боялась. Домашние роды прошли без сучка без задоринки. Малыша у студентки сразу забрали, дали ей прийти в себя, малой денежкой вознаградили — и отправили восвояси. А подруга Алевтины зарегистрировала ребенка на себя. Давно уже взрослый — красавец, высокий, положительный! Мамку с папкой (считает, что родные) балует, путевки в санатории дарит.

Ну и дальше, по мере сил, Алевтина Гордеевна продолжала творить богоугодные, как считала, дела. Иногда за деньги (хлопоты же, риск), а когда видела, что очень нужно людям, могла и бесплатно помочь.

Поступила в медицинский, окончила. Направили работать в родильный дом. Со временем до главного врача доросла. И тут уже к делу подошла с размахом. Со всей страны к ней съезжались бесплодные дамочки с накладными животиками — оформляла их как беременных на последних

сроках. А «кукушек» в крупном областном центре всегда хватало. Умоляли, чтобы грех на душу не брать, в мусоропровод не выбрасывать, новорожденное дитя в хорошую, любящую семью передать.

Иногда случались накладки. То юная мать вдруг вцеплялась в младенца, отказываясь с ним расстаться, то приемные родители (Бог таким судия) обнаруживали у ребенка наследственные пороки и приходили сдавать обратно. Но Алевтина Гордеевна всегда заранее предчувствовала возможный скандал и специальный родительский резерв сформировала — таких, кто готов любого ребеночка взять, не обязательно идеально славянской внешности и абсолютно здорового. Щедро прикармливала коллег. Водила дружбу с городским начальством.

Но все равно настал день, когда налаженный и всем удобный бизнес рухнул. Алевтину Гордеевну обвинили по нескольким уголовным статьям (мошенничество, подделка документов, торговля людьми). Впаяли шесть лет. Медициной запретили заниматься пожизненно. Отсидела четыре с половиной. В родной город, конечно, не вернулась. Ткнула пальцем в первое попавшееся место на карте — оказался Донской. Купила на невеликие сбережения квартирку. От скуки и ненужности стала выпивать. Во время следствия ей сулили золотые горы, если будет сотрудничать. Но она изворачивалась, как могла — лишь бы не выдать тех, кто на нее положился. И девчонок, детей продавших, покрывала, и родителей приемных.

Ее и журналисты пытались раскрутить, и с телевидения редакторы — за «жареные» факты хорошие деньги сулили, но даже мысли не приходило ради небольшой выгоды чью-то жизнь разрушить. Но в партизанку не играла, куда проще прикинуться бабкой в маразме. Сильно пьющей и недалекой.

И когда к ней мужик подвалил (глаза цепкие, наверняка полицейский) и стал выспрашивать про девушку, что из Москвы приезжала, Алевтина Гордеевна стояла насмерть. Не знаю, не видела, не помню. Не было у нее никаких гостей. И не разговаривала ни с кем. А что там соседям показалось — ей неизвестно.

Таня опасалась, что Митя насторожится или испугается, но когда спросила, где мамин телефон, мальчик хитро улыбнулся:

— А как ты думаешь?

— Наверное, у папы.

— Был у него, но я похитил.

— Зачем?

— Как — зачем? Папа его выключил и бросил в ящик. Но это ведь неправильно! Когда мама поправится, ей захочется сразу всем позвонить!

Нельзя, чтобы телефон был разряженный. А у меня как раз розетка есть секретная, под кроватью.

— Ты молодец, — с искренним восхищением похвалила Таня. — Очень предусмотрительный. Но телефон нельзя все время на зарядке держать.

— Почему?

— Электрический прибор. Перегреется. Или вообще взорвется.

— Я его щупал. Он даже не теплый.

— Все равно может случиться системный сбой, — с умным видом сказала Татьяна. — Информация сотрется.

— Пойдем вместе проверим?

Зашли в спальню, Митя шустро юркнул под кровать, протянул ей мобильник.

— По-моему, с ним все в порядке. И заряд сто процентов.

— Когда стирается память, сразу не поймешь. Включи, посмотрим.

У нее самой телефон открывался по отпечатку пальца. А что у Жени? Распознавание лица? Пароль, ПИН-код?

Митя включил мобильник и гордо сказал:

— Видишь, работает. И шифр я знаю. Это год моего рождения.

Ввел четыре цифры, продемонстрировал:

— Все норм! Память тоже на месте.

— Значит, повезло. Но на зарядке его больше не держи.

— Хорошо, Таня, — послушно кивнул мальчик и засунул телефон в ящик комода, под грудой разномастных носков.

Потом немного погуляли, пообедали покупной пиццей, а ближе к вечеру Митя начал зевать.

— Сказку, и вздремнуть? — предложила Таня.

Но тут зазвонил телефон. Номер незнакомый.

— Але, — весело сказала она в трубку.

— Татьяна? — Мужской голос был смутно знаком. — Это Денис. У вас есть для меня пара минут?

— Э... да.

— Хотел вас о помощи попросить. Женя по-прежнему в коме. Но есть и хорошие новости. Стали проявляться минимальные рефлексy, даже глаза открывала один раз. Викентий Ильич считает, что ей сейчас очень нужны положительные эмоции. Вот я и подумал... может быть, привезти к ней сына?

— Одну минуту.

Татьяна улыбнулась мальчику:

— Извини. Это по работе. Сейчас приду.

Она убежала в дальнюю комнату, закрыла за собой дверь, сказала вполголоса:

— Денис, вы с ума сошли? Он же отцу проболтается! Представляете, что тогда начнется?

Голос заledenел:

— Это оправданный риск. Вы понимаете, что Женя может в себя прийти, если голос Мити услышит? Как можно не использовать такой шанс?! Семь лет, практически взрослый человек. И Женин сын. Мы сможем его убедить, чтобы держал язык за зубами.

— Ну... не знаю.

Татьяна уже сама запуталась, кто хороший парень, а кто преступник. Максим, поспешивший убить и похоронить жену, — конечно, сволочь. Но Денис тоже хорош — похитил человека, организовал подмену тела.

— Таня, поймите! Мне тоже не хочется ребенка втягивать, но для Жени это очень важно сейчас. И Мите мы травмы не нанесем — он ведь считает, что мама жива.

— Мне надо посоветоваться.

— Даже не пытайтесь. Ваш отчим наверняка будет против. Но это я — не он! — Женькина половинка. Я пытаюсь ее спасти и вижу, что другого выхода нет. — Денис на пару секунд замолчал, затем дрогнувшим голосом продолжил: — Таня, вы ведь тоже по духу авантюристка, я сразу понял. Пожалуйста! Войдите в мое положение! Помогите!

Он искренне верил, что Митино присутствие пробудит Женю, и спорить с ним было сложно. Пусть мальчик может проболтаться, но в сравнении даже с крошечным шансом вернуть его маму к сознательной жизни все возможные скандалы — ерунда.

И Таня решительно произнесла:

— Хорошо, Денис. Мы приедем через пару часов. Нормально?

— Прямо сегодня? Конечно! Давайте!

Таня сообщила сногшибательную новость Мите. Тот кинулся ей на шею, потом стал собираться, не забыл захватить и свои рисунки, надеясь, что мама сможет их рассмотреть. А Таня тем временем незаметно вынула из комода Женин телефон, спряталась вместе с ним в туалете, открыла список входящих-исходящих, сделала несколько скриншотов и переслала Валерочке.

Больше всего Ходасевича интересовал четверг, двадцать четвертое июня. День, что предшествовал инсульту у Жени. У всех были разные сведения, как она его провела. На работе считали: брала отгул, чтобы побыть с сыном. Муж думал, что: возила маму к врачу. Родителям вообще наплела, что приехала в командировку в филиал (которого не существовало).

Где же ты на самом деле проводила время?

Он увеличил на экране монитора скриншоты ее исходящих.

Самый ранний (и единственный за первую половину дня звонок) сделан в 8.10 утра. На мобильный номер, состоящий только из девяток, троек и нулей. Хотя телефон походил на рекламный, в Интернете Ходасевич его не нашел. Пришлось воспользоваться базой абонентов сотовой сети. Хозяйкой номера значилась Карагач Марина Петровна, москвичка, двадцати лет от роду. Фамилия и имя показались смутно знакомыми.

Он поднялся, походил по квартире, выпил, для стимуляции мозговой деятельности, полстакана воды с лимоном и настойкой эхинацеи. И вспомнил! Когда собирал досье на ведущую марафона, просматривал светскую хронику, видел репортаж с какого-то фуршета-приема. Две дамы, молоденькая и постарше, лучезарно улыбались в объектив. А под карточкой подпись: «Известная блогер Елена Симеонова и ее секретарь Марина Карагач».

Денис встречал их у проходной. С Митей поздоровался за руку, Тане кивнул, а Арчи, которого мальчик уговорил взять с собой (правда, пришлось долго уговаривать охрану), потрепал за ухом:

— Веди себя прилично, пес. Я за тебя поручился.

Платная клиника походила на космический корабль из фантастических фильмов. Стального цвета стены с подсветкой, двери повиновались магнитным карточкам, лифт говорил человеческим голосом.

Митя постоянно пытался сорваться на бег и, похоже, был уверен, что уже сегодня вернется домой вместе с мамой.

Таня нервничала. Мальчик, конечно, поклялся, что папе не скажет ни слова, но она уже немного разбиралась в детях и понимала: когда ребенок под впечатлением, ему хочется поделиться им со всем миром.

«А вдруг, правда, чудо случится?» — попыталась успокоить она себя. И с удовольствием представила испуганную физиономию Максима — когда мертвая жена появится у него на пороге.

Но едва вошли в палату, Таня сразу поняла, что до возвращения домой пока далеко. И с живой Женей сходства сейчас даже меньше, чем в больнице Зареченска. Лицо отекло, нос, наоборот, странно заострился. Под глазами черные тени, губы ввалились.

Митя бегом бросился к постели, но в метре от нее замер и прошептал:

— Это не мама!

Зато Арчи признал хозяйку сразу. Встал на задние лапы, передними дотянулся до кровати и начал яростно вылизывать Жене руку.

На пороге появился представительный мужчина в ослепительно белом халате и удивленно взглянул на присутствующих, особенно на собаку.

— Викентий Ильич, это Женин сын. Митя. И Таня Садовникова, его волонтер, — представил Денис.

— Но ведь считается, что... — Доктор осекся, замолчал и с укоризной взглянул на Татьяну.

— Я позвал их сюда на свой страх и риск, — заметив этот взгляд, сказал Денис, по-рыцарски заступаясь за нее.

— В любом случае, отступить уже поздно, — усмехнулся доктор, ободряюще кивнул Мите и велел: — Подойди ближе. Не бойся. Твоя мама сейчас не похожа на себя, но это точно она. А что не узнал ее, так это нормально. Любой человек будет выглядеть странно, если беспробудно проспит шесть недель.

— Точно, Митя! — поспешила на помощь Таня. — Помнишь, ты однажды в час дня проснулся, и я еще смеялась, что у тебя лицо стало, как пончик?

На глазах мальчика появились слезы. Он пробормотал:

— Все равно это не мама!

— А ты возьми ее за руку, — вкрадчиво предложил Викентий Ильич, — и скажи что-нибудь ласковое.

Митя с опаской приблизился, дотронулся до недвижимой кисти и тут же отдернул руку: — Холодная!

— Держи крепче. Передай ей свое тепло, — властно велел Викентий Ильич и слегка укорил: — Твой пес и то понимает. Пытается ее согреть.

— Но она совсем ледяная!

— Мама в коме. У таких больных температура всегда понижена. Но ее сердце бьется. И сейчас она тебя слышит. Какая у твоей мамы любимая песня?

— К-как уп-поительны... — пробормотал Митя.

— ...в России вечера! — подхватила Татьяна.

— Любовь, шампанское, закаты, переулки, — присоединились к ним Денис с Викентием Ильичом.

Маленький хор нестройно допел первый куплет. Дальше запутались в словах, и Денис, на мотив из «Белого орла», закончил:

— Вставай скорее, и поедem мы на море!

А Митя жалобным голоском подхватил:

— Мамочка! Мне плохо без тебя! Просыпайся, пожалуйста!

Арчи ободрительно и негромко гавкнул. Доктор прогрохотал:

— Смотри! Смотри ей в лицо!

Женины веки вдруг затрепетали. Губы зашевелились. Пальцы рук свело судорогой. Казалось, она изо всех сил пытается сбросить невидимые путы.

— Мамочка! Это я! Я пришел к тебе! — надрывался Митя.

По опутанной проводами щеке покати́лась слезинка.

— Мамочка! Пожалуйста, не плачь! — взмолился ребенок.

Женя закашлялась.

— Прекрасно! Просто прекрасно! — засиял врач.

А потом долго и терпеливо объяснял Мите, что выход из комы — дело долгое и непростое. Но заверил, что однажды настанет день, когда мама обязательно проснется...

Разговор с Мариной Карагач, как гласила история телефонных звонков, занял у Жени меньше минуты. О чем они говорили? Возможно, секретарь подтверждала встречу для своей патронессы? Или, что скорее, ее телефоном сама Симеонова пользуется? Звезды не любят регистрировать номера на собственные фамилии.

Ходасевич решил проверить. Нашел в Интернете выступление Симеоновой. Несколько минут слушал, как стать счастливым и богатым. Запоминал тембр, интонации и манеру общения.

Извлек из своих запасов аппарат, зарегистрированный на «ноунейма». Включил на компьютере программу изменения голоса. Набрал, дождался ответа и обиженно произнес:

— Почему ты мне не звонишь? Весь день жду!

— А вы кто? — оживился женский голос в трубке.

— Кать, ты?

— Какая я тебе, на хрен, Катя! — ответили ему и швырнули трубку.

Да, это была она. Властительница юных душ и королева Интернета Елена Симеонова.

Домой возвращались около девяти вечера, и Таня очень надеялась, что Максим еще не вернулся. В последнее время он всегда, когда знал, что Митя с Таней, приходил не раньше одиннадцати. И, судя по расслабленному, умиротворенному выражению лица, проводил время отнюдь не на работе.

Но сегодня сработал закон подлости. Окна в доме светились, и Максим их, похоже, караулил. Встретил на улице, у калитки. Поздороваться не соизволил — сразу хмуро спросил:

— Где вы были?

Таня всю обратную дорогу натаскивала Митю: они ходили в парк развлечений. Катались на аттракционах, стреляли в тире и ели бургеры.

Мальчик сначала не хотел обманывать, но Тане удалось его убедить: папа может обидеться, что они навещали маму без него.

И сейчас Митя уверенно произнес:

— Мы были на каруселях.

— Да неужели? — скептически поднял бровь отец.

Таня занервничала. Что-то узнал, заподозрил? Или просто власть свою показать решил?

Максим приблизился к Мите, грубо сжал сыну предплечье:

— Где конкретно вы катались на каруселях?

Митя с опаской взглянул на отца и ответил:

— В «Мираже».

— Прямо в нашем «Мираже»? Который на пути в Москву?

— Ну да.

— А что вы тогда на Тверской делали?

У Тани все внутри оборвалось. По Тверской улице они действительно ехали — клиника располагалась в одном из примыкающих к ней переулков.

Митя бросил на нее жалобный взгляд, и она кинулась в бой:

— Какая Тверская? Что за чушь вы несете?

— Давай без спектаклей, — сузил глаза Максим. — Я на светофоре встречном стоял. И номер твой, и вас обоих в машине разглядел прекрасно. Куда ты его возила?! Во что моего сына втягиваешь?

— Максим, тебе померещилось, — упорствовала Татьяна.

— Ладно, — усмехнулся тот. — Давай, вали отсюда, и чтобы духу твоего здесь больше не было! — И, повернувшись к сыну, зловеще проговорил: — А с тобой, Дмитрий, мы сейчас поговорим. Откровенно.

Мальчик посмотрел на Таню умоляюще, и та отчетливо поняла: не выдержит отцовского напора. Расколется. Но что она может сделать?

Тут взгляд ее упал на пса — тот носился вдоль забора, помечал родные кусты.

— Арчи! — позвала она. — Ко мне!

Пес подбежал, выполнил один из своих феноменальных прыжков, дотянулся до ее руки, умудрился в полете лизнуть.

Максиму его поведение не понравилось.

— А ну, пшел домой! — рявкнул он.

— Арчи! Сидеть, — спокойно приказала Татьяна.

Пес секунду поколебался — и сел у ее ног.

— А ну, пошел в дом! — повысил голос Максим.

— Арчи, лежать, — тихо, но уверенно произнесла Таня.

И снова пес сначала растерялся, а потом исполнил ее команду — улегся рядом с ней.

— Ну, сейчас я тебе! — замахнулся Максим.

Арчи прижал уши и угрожающе зарычал.

Мальчик с любопытством наблюдал за поединком.

— Митька! — Голос отца сорвался. — Загони его в дом!

— Митя, — беззаботно проговорила Таня, — а поехали, в кино съездим?

Максим побагровел:

— Я тебе сказал, кажется! Убирайся отсюда! Пошла вон! — побагровев, выкрикнул Максим.

Пес зарычал еще громче.

А Татьяна уже распахнула заднюю дверь машины:

— Арчи, залезай! Митя, и ты тоже!

Мальчик стоял в растерянности. Но пес юркнул в салон без колебаний, и маленький хозяин последовал за ним.

Таня прыгнула за руль, крикнула:

— Быстрее! Закрывай дверь! — И, прежде чем Максим успел помешать, сорвалась с места.

Промчалась по деревне на приличной скорости и дальше ход не сбавляла — боялась, что отец бросится в погоню.

Но никто их не преследовал.

— Тань! А куда мы едем? — неуверенно спросил Митя.

— Не знаю, — честно ответила она.

Тут зазвонил Митин телефон.

— Папа, — испуганно сказал мальчик.

— Дай мне трубку.

Она нажала на прием:

— Да, Максим?

Ожидала потока ярости, но он, как ни странно сказал совершенно спокойно:

— Что ты творишь? Вроде разумная баба. Я же сейчас в полицию позвоню. Тебя на первом посту возьмут. Сколько там дают за похищение ребенка? Лет пять, как минимум.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. Я сижу с Митей, пока ты на работе. Ты отпускал нас вдвоем на море. А сейчас мы собрались в кино.

— Все, хватит! У тебя есть час, чтобы вернуть моего сына.

— Мы в Москву. На вечерний сеанс. А потом поедем ко мне. До завтра. Мы же договаривались. Забыл, что ли?

— Да, папа! Ты ведь сам нас отпустил! — поддержал Митя.

— Так что звони в полицию, Максим, — промурлыкала Татьяна, — над тобой там только посмеются.

— Чего ты добиваешься?

— Ничего. Я уже месяц опекаю твоего сына и давно обещала ему показать, как я живу. И домашнюю пиццу мы хотели сделать. У меня отличная духовка.

— Бабья дурь, что ли, разыграла? Материнский инстинкт проснулся?

— Максим, пожалуйста! Не порти нам праздник. Завтра я их тебе привезу. Обоих. И Митю, и Арчи.

Таня нажала на отбой, вернула телефон Мите. Тот выглядел растерянным.

— Тань, я тебя, конечно, очень люблю,— пробормотал он. — Но зачем мы на самом деле уехали? И почему нельзя было папе правду сказать?

Да сколько, в конце концов, можно ребенка обманывать? Да и все равно нет пути назад — после того, что она сегодня наворотила.

И Таня тихо произнесла:

— Хорошо, Митя, я сейчас скажу тебе правду. Но она будет неприятной. И даже страшной.

К девяти вечера Ходасевич изрядно устал от звезды социальных сетей гражданки Симеоновой. Слишком часто в ее постах и выступлениях встречалось местоимение «я». Очень навязчиво мадам выпячивала свою успешность, состоятельность, самодостаточность.

Никакого явного компромата на блогершу он не нашел, хотя нападки отдельных граждан имелись — мошенница, шарлатанка, разводит на деньги. На сайте независимых отзывов против Елены и ее метода активно выступали практикующие психологи. Доказывали, что все схемы работы над собой, которые она выдавала за авторские и чудотворные, на самом деле, элементарны и давно известны. Просто Симеонова умеет заворачивать их в красивую обложку. Печальная история с Лидочкой (или другие подобные) нигде в связи с фамилией Симеоновой не упоминалась.

Официальную биографию интернет-дивы, похоже, специально подгоняли под все каноны пресловутой «американской мечты». Бедная семья, забитая мама, пьющий злодей-отец. Лена уже в семнадцать лет сбегает из дома, едет в Москву, снимает угол, берется за любую работу. Сталкивается с мошенниками, героически избегает соблазнов срубить легких денег на перевозке наркотиков или проституции. Свой авторский метод Симеонова, как гласила легенда, придумала, когда в должности проводницы мыла туалет в плацкартном вагоне. «Я всегда ответственно относилась к любому делу — даже к такому, где особых стараний не требовали. Никто и никогда не стал бы проверять, насколько тщательно я вымою пол между стеной и мусорным бачком, но я как-то пролезла в узкую щель и обнаружила там кошелек. В нем оказалась толстая пачка долларов. И хотя даже одна из этих купюр очень сильно улучшила бы мое тогдашнее положение, я немедленно отнесла находку начальнику поезда, он сделал объявление по громкой связи, хозяин кошелька нашелся. Оказался крутым бизнесменом и в качестве благодарности предложил исполнить любое мое жела-

ние. Мне очень хотелось красивые туфельки или золотые сережки, но я попросила оплатить курсы для поступления на факультет психологии».

Что крутой бизнесмен с пачкой долларов делал в плацкартном вагоне, и на каких конкретно курсах училась Елена, в красивой сказке не уточнялось. Но все же, по недомолвкам, по обрывкам, Ходасевич смог составить подобие ее настоящей биографии. В Москву приехала в начале нулевых. Через десять лет «труда, невзгод и лишений» достигла статуса дипломированного психолога. Консультировала по вопросам личностного роста, проводила тренинги, вела авторский курс «Как мотивировать себя на успех». В 2015-м у нее появляется муж Тигран. С 2016-го Симеонова начинает раскручивать свой марафон, рожать Тиграну детей и покупать квартиры — минимум по одной в год. В настоящий момент у нее больше сорока миллионов подписчиков в социальных сетях, четверо малышей и десять жилых помещений в разных уголках мира.

«Наверняка дама при секретарях. И охранник личный может иметься. Как и на чем Женя собиралась ее зацепить?» — задумался Ходасевич.

Что вообще можно сделать — одной, без поддержки, без связей? Вряд ли она решилась бы силой отбирать деньги или оттяпывать путем мошеннической схемы собственность. Шантаж — вот, скорее всего, ее метод. «Надо в Женином телефоне покопаться. Вдруг осталась заметка, хотя бы какой намек, в каком направлении двигаться?»

Ходасевич взглянул на часы. Половина одиннадцатого, Таня, наверное, уложила Митю спать и сейчас возвращается домой. Но только потянулся к трубке позвонить падчерице — та, легка на помине, сама объявилась. Голос взбудораженный и виноватый:

— Валерочка, ты только не сердись. Мы с Митей в твоём дворе.

Наворотила Татьяна дел. Мало того, что Митю отвезла в больницу, еще и призналась пацану, что его мама официально считается мертвой. А похоронил ее — папа.

Так что Митя Ходасевичу сразу же поспешил сообщить:

— Папу я ненавижу, домой вообще никогда не поеду и, пока мама не очнется, жить буду у тети Тани.

Мальчик старался казаться взрослым, но голос то и дело срывался, плечи вздрагивали.

Хотя Валерий Петрович не ждал гостей, а оставить голодными не мог, для Тани с Митей нажарил сосисок по-французски, Арчи угостил вареной курицей. Немедленно после ужина ехать к тете Тане домой, как требовал Митя, не позволил, велел сегодня ночевать у него. Дал мальчику «Детскую энциклопедию» и плюшевого кенгуренка — когда-то купил в

Австралии на память об одной опасной командировке. Митя так и уснул на диване — в обнимку с книгой и игрушкой. Арчи устроился у него в ногах, он то и дело вскидывал морду, подозрительно поглядывал на Ходасевича, несколько раз порывался лаять, но Татьяна показывала псу кулак — и тот снова водружал голову на лапы.

Падчерица, едва ни впервые в жизни, пребывала в легкой панике. Нервно расхаживала по квартире, переживала:

— Время идет, а мы ничего не делаем!

Ходасевич падчерицу не успокаивал. Пусть поточит себя — полезно. Кто просил огород городить?

— Ну, что ты молчишь, Валерочка! Максим же нам только сутки дал. А потом в полицию пойдет!

— Вот и будет тебе урок, — буркнул Ходасевич.

— Ты считаешь, я не права?

— Никогда нельзя втягивать детей во взрослые игры.

Таня обняла его и ласково попросила:

— Ну, спаси уж меня! Первый раз, что ли!

Не мог он на нее долго злиться.

Да и против несимпатичного Жениного мужа кое-что имелось. Приберегал информацию до развязки, полного понимания ситуации. Но, раз Татьяна развела самодеятельность, тузом из рукава придется пожертвовать.

— Все, хватит перед глазами маячить, — попросил Ходасевич. — Час ночи. Бери в комод белье. Стели себе на кухне.

— Но если Максим...

— Забудь про него. И, пожалуйста, подай мою записную книжку.

Неприлично звонить после полуночи, но его бывший сослуживец нынче занимал должность руководителя службы безопасности крупной корпорации, и к звонкам во внеурочное время привык.

Чудеса в его стариковской холостяцкой квартирке! На софе — мальчонка раскинулся. На кухонном диванчике шириной в пятьдесят сантиметров сладко поживает падчерица, избалованная пятизвездочными отелями.

Сам Ходасевич решил своим сном пожертвовать. Выпил крепкого чая, отгородился от Мити ширмой, чтобы свет мальчику не мешал, и взялся за Женин телефон, который вручила ему Татьяна.

Довольно странно, конечно, что аппарат практически без защиты. Или Сизова — с ее бэкграундом очень возможно! — держит «чистый» для сына с мужем, а секретный — для себя лично?

Набор папок оказался стандартным. Галерея, три мессенджера, несколько приложений, два мобильных банка (оба, разумеется, запароле-

ны). Личная переписка скучная — муж, две подруги и четыре чата детских кружков и секций. С Максимом никаких губок или сердечек, все очень коротко, поздравляют друг друга с праздниками, просят деньги в займы до зарплаты, в кафе на кофею планируют выбраться, но никак не договорятся о дате.

Зато с Митей — общение постоянное, теплое, почти взрослое. Добрые слова, разумное сюсюканье, много фотографий, смайлики — собаки и котики.

Ходасевич отмотал чат на девятнадцатое июня — день, когда Женя была в Донском. Вот они, две фотографии, про которые Танюшка рассказывала. Увитый диким виноградом старенький дом. Веселое селфи на фоне обшарпанной советской скульптуры. Максимально увеличил, вооружился лупой. Улыбается Женя, но в глазах тревога.

Бывший ученик позвонил еще до приезда Татьяны. Отчитался: в Донской он съездил. Жилой сектор отработал, и девушку на фотографии несколько человек опознали. Двое видели, как она бродила возле городской администрации, сидела в сквере напротив. А наиболее бдительная жительница утверждала, что москвичка приезжала к Алевтине Гордеевне.

Алевтина Гордеевна — местная достопримечательность. Хотя общаться ни с кем не стремилась и о себе не рассказывала, пытливые умы выяснили: когда-то та заведовала родильным домом в крупном областном центре. И, пользуясь своей высокой должностью, организовала преступное сообщество. Осуждена за торговлю детьми. Отсидела срок.

Но зачем Женя с ней виделась, бывший ученик сказать не мог:

— Бабка — кремень. Ничего не знает, ничего не ведает. Никто к ней не приезжал. А если приезжал, о чем говорили, не помнит. И уж если я расколоть не смог, девушке твоей она точно ничего не сказала.

Но Валерию Петровичу почему-то представлялось, что Женя так просто не отступилась бы. И что конкретно она пыталась узнать, тоже предполагал. Но хотелось бы получить своим догадкам хоть какое-то подтверждение.

«Интересно, — задумался Ходасевич, — а органайзер Женя вела?»

Нашел в ее телефоне календарь, открыл. На отдельных днях пометки. В основном встречи — «окулист Мите», «Данг-массаж».

Поездка в Донской никак обозначена не была. Но запись за этот день имелась. «Клеверный платочек!!!»

Ходасевич хмыкнул. Что бы это могло означать?..

Сроду бы Максим не доверил сына абы кому. Как только Татьяна явилась в его дом впервые, потребовал предъявить паспорт, записал номер

машины и сразу навел справки. Выяснил: москвичка, не судима, с изрядным количеством собственности, не замужем. Короче, типичная волонтерша. Заняться нечем, вот и забивает свободное время благотворительностью.

Митя к своей новой няньке тянулся, и Максим даже подумывал, не оформить ли богатую красотку на роль своей очередной супруги? Но споткнулся пару раз об ее ледяной взгляд и матримониальные планы оставил. Лично ему бесплатная нянька для Мити оказалась очень кстати — а то Люська, соседка, замучила: вечно совала нос, куда не следует, и клянчила деньги.

Но сейчас, когда безропотная доселе домработница позволила себе невиданный взбрык, он реально испугался. Не то даже страшно, что Митьку увезла. Но в момент скандала от благотворительницы исходила невиданная сила. И уверенность в своей безнаказанности. Максим заволновался: кто она такая на самом деле?

Сочетание «Татьяна Садовникова» вводил в поисковик без особой надежды — если преступница, вряд ли под своим именем действует. Но сеть неожиданно отозвалась изрядным количеством ссылок. Начал читать — и еще больше встревожился. Ничего себе штука! В похищении бриллиантов участвовала, миллионершам биографии писала, с арабскими шейхами путалась. Причем всегда из воды сухой выходила, хотя любой другой даже за меньшие подвиги припаяли бы лет несколько на пошив перчаток в колонии. А в паузах между авантюрами она спокойненько работает на приличной должности, да еще «Молодежным вестям» интервью о своих похождениях дает.

«Видно, изрядный покровитель у дамочки», — сразу понял Максим и решил пока с боевыми действиями против Садовниковой подождать. Митьку она любит, вреда ему причинить не должна. А начнешь против нее воевать — самому прилететь может.

Зачем только ей понадобился малец? Хочет, что ли, опеку над ним получить? Но зачем для этого похищать, когда можно было просто сесть, поговорить, обсудить?

А уже на следующее утро к его дому с визгом шин подлетели два автомобиля. Неслабая такая связка: первым шел представительский «Мерседес», на хвосте висел черный квадратненький джип. Из второго авто шустро выгрузились трое крепких, бритоголовых парней. Цепко оглядели сонную деревенскую улочку, выстроились клином. И только после этого дверь «Мерседеса» распахнулась, и из него вышел щегольской толстяк в легком летнем пальто и шелковом шейном платке. За ним, довольно угодливо, следовал некто тощий, худой и, судя по тому, как топорила куртка, с пистолетом под мышкой.

Появление высоких гостей в деревне имело резонанс — все соседские бабуси высыпали на улицу.

— Чем могу? — открывая калитку, хмуро спросил Максим.

Худощавый в куртке ответом не удостоил. Без пиетета подвинул, топтал в дом. Благоухающий французским парфюмом толстяк довольно зловеще предупредил:

— Серьезная беседа предстоит.

И едва расселились, сразу взялись прессовать.

— Бубнова Василиса Егоровна — ваш лечащий врач? — вкрадчиво спросил толстяк.

— Ну да, — растерялся Максим, — участковая.

— Василиса Егоровна утверждает, что вы состояли у нее на контроле по поводу мерцательной аритмии, и она назначала вам вардарин.

— Было такое. И что?

— Вы действительно принимали это лекарство?

— Пил где-то полгода, потом бросил. А что?

— Но таблетки дома остались?

— Понятия не имею. Я в аптечку давно не лазил. Чего вы прицепились-то к этому?

— Вардарин присутствовал у вашей супруги в крови, когда она в больницу поступила.

— Но мне не говорили ни про какой вардарин! Я спрашивал про анализы. Сказали, у нее все нормально.

— С клиникой и биохимией — да, — кивнул толстяк. — А коагулограмма затерялась. Нашли только сейчас. У пациентки очень высокая концентрация вардарина в крови. Как минимум трехкратное превышение стандартной дозы.

— Ну а я здесь причем?

— По своей воле Женя пить его не стала бы. Показаний к приему у нее не было. А вот противопоказания как раз имелись. Из-за своей спины больной она принимала диклофенак. С ним вардарин не сочетается, и Женя прекрасно об этом знала.

— Что вы мне шьете?! — возмутился Максим.

— Только то, что даже малая доза этого лекарства способна спровоцировать инсульт. А в сочетании с диклофенаком риск возрастает еще больше. И этот рецептурный препарат у вас дома имелся.

— Вы меня в убийстве обвиняете?

— Мы серьезно рассматриваем эту вероятность.

— И в чем, вы считаете, моя выгода?

— Дом, машина, деньги на счетах и свобода. Не великий, но для вас, несомненно, существенный капитал, — иронически молвил толстяк.

— Полный бред, и никаких доказательств!

— Вы, верно, надеялись, что инсульт ее сразу убьет, но не вышло. Женя хотя и была в тяжелом состоянии, за жизнь цеплялась. А вы продолжали ее убивать. Вся больница осуждала, когда вы то к лечащему, то к главному врачу ходили и требовали, чтобы ее отключили от системы жизнеобеспечения. Хотя обычно родственники, наоборот, по всем инстанциям умоляют, чтобы их родные максимально долго прожили.

— Да смысл-то какой растением жить!

— Когда кома, трудно предугадать, что будет дальше. Но обычно об отключении аппаратов начинают говорить, самое раннее, через шесть недель, а вы и этого срока не выждали.

Взгляды гостей жгли, буравили. Очень Максиму под ними было неуютно. Но сдаваться он не собирался. Спросил с вызовом:

— Кто вы вообще такие? Удостоверения покажите. Ордер.

— Будет тебе и ордер, — пообещал худощавый.

— Или чистосердечное лучше напишем? — любезно предложил толстяк.

— Не в чем мне признаваться. Насчет того, чтобы аппараты отключить — моя жизненная позиция. И Женькина воля. Она всегда говорила, что инвалидом, обузой жить — хуже некуда.

— Полиция его расколлет на раз, — переглянувшись с толстяком, убежденно сказал худощавый.

Тот задумчиво кивнул:

— Да... Татьяна права была.

— Она здесь причем?! — взвизгнул Максим.

— Тебя скоро возьмут, парень. — улыбнулся толстяк. — Хочешь, чтобы это на глазах сына случилось?

— Я ни в чем не виноват! И вы не полиция. Что вам надо на самом деле?

— Таня считает, что Митя твой совсем заскучал в деревне. Она хочет с ним еще раз на море съездить. Так что можем пойти с тобой на сделку. Обоюдовыгодную. Ты бумагу подписываешь, что не против поездки. Ну а мы — в знак благодарности за твою любезность — пока что промолчим про вардарин. Женю все равно не вернешь. А полицейские — пусть своим умом доходят.

— Слушайте, не надо мне петь про море! В чем ваша конечная цель? Хотите у меня ребенка отобрать?

— Зачем Тане твой ребенок? Так, блажь. Наиграется — и чем-нибудь другим увлечется, — пожал плечами толстяк.

— А тебе разве плохо, пока она занята сыном? — подхватил худощавый. — Заботится о нем исправно, кормит, балует, развлекает. Платить ни за что не надо, в доме пару недель будет тихо. Вот бумага: согласие

на поездку. Подписывай — и мы уйдем. Не подпишешь — тоже. Но тогда о твоих подвигах все узнают.

— Не подпишу, пока не скажете, куда ваша Татьяна с Митькой вчера ездили, — хмуро произнес Максим.

— Таня работает в рекламе, — отозвался толстяк. — Вчера у них в агентстве был кастинг для ролика собачьего корма. Участвовали хозяева со своими питомцами. Ваш сын тоже захотел попробовать.

— Господи! Зачем скрывать-то было? Да еще удирать?

— Митя стеснялся. И расстроился, что их с Арчи не взяли. А Таня — она просто не любит, когда на нее давят.

— А я тут... чего только не передумал! Ладно, — вздохнул Максим. — Давайте бумагу. Пусть играет Таня. — И с ехидством спросил: — Она вам что, родственница?

— Почти, — усмехнулся толстяк.

Он взял подписанный документ, положил в кожаную папку. А худощавый потрепал Максима по плечу:

— Отдыхай. — И хохотнул: — Сил набирайся впрок — а то мало ли, как жизнь повернется.

Они вышли. Парни из джипа бросились им навстречу. Распахивали калитку, помогали сесть в «Мерседес». Максим примерно знал цены на дорогие автомобили и оценил пару черных лакированных авто миллионов в сорок. Бугаи (все, похоже, при пушках) тоже стоят недешево.

Да, покровитель у Татьяны оказался действительно серьезный.

Когда Ходасевич рано утром уходил из дома, Таня с Митей крепко спали.

Валерий Петрович оставил строгую записку: ребенка кормить, чем в холодильнике найдется, из квартиры ни ногой, к часу дня приготовить обед.

Как обернется ситуация с Максимом, он не знал, поэтому, пока ехал в такси до места встречи с бывшим сослуживцем, сделал пару звонков и нашел для Татьяны убежище — пустующую дачу в ближайшем Подмосковье, на реке Клязьме.

Но пока ситуация складывалась благоприятно, и немедленно отправлять падчерицу в пригород Валерий Петрович не стал. Героически вытерпел Танин обед — слипшиеся макароны по-флотски — и предложил всем вместе съездить к Жене в больницу.

— Отлично! — завопил Митя. — Мы с тетей Таней как раз стих выучили для мамы!

Арчи без особых возражений остался стеречь квартиру.

Денис встретил у проходной, провел в палату. Митя взглянул на недвижимое тело с опаской, но смело приблизился к Жениной постели:

— Мамочка! Специально для тебя!

И завел:

— Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кровать
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!»

(Иван Бунин «Матери»).

Валерий Петрович умилился — всегда знал, что у его Танюшки хороший вкус. Авантюрист Денис тоже поглядывал на его падчерицу с удовольствием.

А вот Женя — никак не реагировала. Веки не трепещут, руки безвольные. И Викентий Ильич сегодня хмурый.

Когда Митя закончил декламировать, доктор перехватил Танин взгляд и шепнул:

— Пойдемте в коридор.

Она послушно вышла.

— У Жени сегодня тяжелый день, к сожалению. Реакций нет. И давление еще больше упало, — вздохнув, доложил Викентий Ильич. Затем отвел ее к окну и виновато попросил:

— Надо как-то мальчика подготовить.

Увидев, как по лицу Тани пробежал испуг, доктор поспешил ее успокоить:

— Нет-нет. Она пока не умирает. Но, боюсь, вы не отдаете себе отчет о масштабности тех изменений, что уже произошли. После столь длительной комы, на фоне геморрагического инсульта, Женя никогда не станет прежней. Увы, двигательные и речевые поражения останутся даже при самом благоприятном раскладе. — Он задумчиво стер с оконного стекла невидимую пылинку и снова вздохнул: — Если бы она попала ко мне сразу! На первые, вторые сутки! А сейчас время упущено.

Самоуверенности, что сочилась из него прежде, существенно поубавилось, и Таня печально подумала: «Вот что я за дурочка! Митю сдернула, он теперь маму ждет, отца — ненавидит. А если Женя так и не проснется?»

Ни Интернет, ни Танюшка, ни Митя понятия не имели, что могло означать выражение «клеверный платочек».

Тогда Валерий Петрович задал этот вопрос Денису.

— Откуда вы знаете? — вздрогнул он.

— В Женином телефоне нашел.

— В каком контексте?

— Только эти два слова. В календаре за девятнадцатое июня сего года. Они что-то значат?

— Что Женя делала в этот день?

— Ездил в город Донской.

— В Донской? — удивленно протянул Денис. — Кажется, Тульская область? А зачем?

— Встречалась с одной пожилой пьющей дамой. Бывшая заведующая роддомом, отсидела несколько лет за торговлю детьми. Зовут Алевтина Гордеевна. Слышали про такую?

— Нет, — покачал головой Богатов.

— Уверены?

— Абсолютно.

— Давайте пройдемся, — предложил Валерий Петрович.

Они оставили Таню с Митей в палате, вышли в коридор.

— Женя могла вести какие-то дела э-э... криминального толка самостоятельно? Без вас? — осторожно спросил Ходасевич.

— Не думаю. Когда мы расставались, четко сказала: все, теперь только обычная жизнь. Да и зачем самой? Я-то всегда готов. А вдвоем надежней. И веселее. Но я так понял, этот разговор про Донской неспроста?

— Неспроста, — подтвердил Ходасевич. — Вы задавали себе вопрос: почему с Женей случилась эта беда?

— Естественно, — кивнул Денис. — Любого насторожит внезапный инсульт в таком возрасте. Но у меня ее история болезни на руках. Все анализы, исследования. Сам внимательно изучил и многим показывал, спрашивал, нет ли скрытых причин? В Зареченске общими словами отделались — жизнь нынче сложная, а инсульты помолодели. Викентий Ильич предполагает, что у нее гипертония была, не диагностированная. Резкий скачок давления — и все. Про злой умысел никто ни разу не упомянул.

— Я хочу с вами поделиться строго конфиденциальной информацией, — медленно произнес Валерий Петрович и поведал про запоздало найденную Женину коагулограмму.

Глаза Богатова блеснули:

— Вот, значит, как. А вы уверены, что анализ в Зареченске потеряли случайно?

— Полагаю, что да. Тем более, не яд же в ее крови. Всего лишь указание на то, что она принимала антикоагулянт, пусть и в значительной дозе.

Денис пару секунд подумал и добавил:

— Насколько я знаю, антикоагулянты — лекарства довольно серьезные. Но это не те препараты, что убивают наверняка.

— Согласен, — кивнул Ходасевич. — Вряд ли даже та приличная доза, что получила ваша подруга, причинила бы фатальный вред абсолютно здоровому человеку. Но, похоже, Женя находилась в зоне риска. Определенно знаю, что из-за проблем с позвоночником она принимала диклофенак. Это лекарство вместе с препаратами для разжижения крови не назначают.

Вы только что на Викентия Ильича сослались. Если он предполагает, что у нее могла быть гипертония, антикоагулянты представляют еще более серьезную опасность. А если, не дай бог, не диагностированная аневризма имелась?

— Аневризмы у Жени точно нет, — мгновенно среагировал Денис. — КТ сделали еще в Зареченске. Насчет диклофенака, гипертонии — вполне согласен. Но тогда сразу возникает вопрос: кто мог о ее болезнях знать и эту информацию использовать? Муж? — Губы его гневно скривились.

— Но тогда из пазла выпадает странная поездка в Донской. Это суббота. Дома сказала, что едет в командировку. Митю с собой не взяла. Что Жене могло понадобиться от акушерки, нечистой на руку?

— Я не знаю, в чем суть, — протянул Денис, — но нечистые на руку часто располагают конфиденциальной информацией. Женька могла приехать в Донской за этим.

— Расскажу вам еще кое-что.

Ходасевич конспективно изложил печальную историю сослуживицы Лидочки. Передал слова Зои, будто Женя собиралась за смерть девушки мстить.

— Кому? — нахмурился Денис.

Пришлось рассказать и про Симеонову. Валерий Петрович подчеркнул: блогерша действительно задурила бывшей детдомовке голову. Но обвинять ее в смерти незадачливой владелицы Дома моды можно лишь косвенно.

— Как считаете: могла Женя вообще затеять такое? — спросил он.

— Мы с ней иногда наказывали «плохих» парней. Но только если нам за это платили, — насупился Денис. — Восстановлением мировой справедливости на общественных началах никогда не занимались.

— За восемь лет Женя могла измениться.

— Зачем вы вообще завели этот разговор?

— Мне нужен союзник, — честно ответил Ходасевич. — Вы хорошо знаете Женю, имеете определенные возможности и, полагаю, тоже хотите узнать правду.

— Я буду польщен работать в связке с вами, но мне нужны факты. Все.

— Я пока выяснил не так много. К Алевтине Гордеевне в город Донской Женя ездила за пять дней до инсульта. А накануне своей внезапной болезни она брала отгул. И не исключено, что встречалась в этот день именно с обидчицей девочки Лиды, той самой Еленой Симеоновой.

— Где?

— Не знаю. Единственная достоверная информация: утром Женя звонила по номеру, скорее всего, принадлежащему блогерше.

— А что точно известно про тот день?

— Наверняка — только то, что Женя отпросилась с работы. Утром разговаривала с блогершей, а вечером — приезжала к своим родителям в Киржач.

— Зачем?

— Наврала им про командировку в соседний город Александров. В филиал, которого, на самом деле, не существует. Мужу сказала, что маму надо было свозить к врачу.

Богатов неприкрыто оживился:

— Женя никогда не врет, если у нее нет к тому серьезных оснований.

— Я пытаюсь понять, — задумчиво протянул Валерий Петрович, — если Женя все-таки решила наказать Симеонову за смерть девочки — как бы она стала действовать? Блогерша — звезда социальных сетей, кумир миллионов. Ей подражают. На нее чуть ли не молятся. Кстати, замужем. Четверо прекрасных детей — их фотографии регулярно появляются в Инстаграме. Но она гремит только в последние годы. И рожать начала достаточно поздно. А лет до тридцати ее жизнь не слишком прозрачна. Можно допустить, что имелся у нее, допустим, случайный, нежеланный ребенок, и судьбу его как раз устраивала Алевтина Гордеевна. Симеонова — личность публичная, дорожит своей репутацией, у нее миллионы почитателей, они видят в ней идеал, смотрят в рот. А Женя, допустим, узнала от бывшей акушерки компрометирующие сведения о Симеоновой, предъявила их ей, а та...

— Я понял вашу мысль, — перебил его Денис. — Вы хотите узнать, могла ли Женя захотеть разрушить этой блогерше весь ее бизнес? Могла. В нашем... м-м... архиве есть пара подобных дел. Но именно здесь нестыковка. Если Женя, как вы говорите, просто благородно мстила за смерть сотрудницы — зачем ей тогда вообще встречаться с Симеоновой? Разве не логичнее просто раздобыть компромат и слить порочащие факты в соцсети и на ТВ?

— Возможно, она хотела прежде посмотреть ей в глаза.

— Не думаю. Женя не была склонна к театральным эффектам. Вы уверены, что они все-таки встречались?

— Нет. Но тогда возникает вопрос: где она провела день накануне инсульта? До того момента, как приехала поздно вечером в Киржач?

— Вы меня раздражили, — искоса взглянул на Ходасевича Денис.

— Есть идеи, что делать дальше? — хладнокровно поинтересовался Валерий Петрович.

— Для начала ознакомлюсь с биографией фигурантки.

— Она, кстати, искусно отредактирована, — заметил Ходасевич.

— Ничего, — усмехнулся Денис. — Я умею докапываться до сути.

— Звоните, если узнаете что-то интересное. Но вы мне так и не сказали, что значит «клеверный платочек»...

— Клеверный платочек, на нашем с Женей языке, означало — бинго. Крупный выигрыш. Большая удача. Так что эта ваша акушерка ей явно что-то важное рассказала... А откуда пошло? Расскажу. Дело давнее. Случилось это лет десять-двенадцать назад. Один большой человек участок себе купил — три гектара. Строиться собрался с размахом — поместье, винодельня, аквадискотека. Место роскошное — побережье, экология, воздух. Одна незадача: поблизости был хутор. Дом-развалюха, в котором хозяин-старик с незапамятных лет живет. Его поначалу и в расчет не брали. Взялись выселять, уже когда стройка вовсю развернулась. Но дед уперся на смерть — не буду съезжать, и все тут. Денег не брал. Когда поджечь пытались — засек, успел помешать. И склочником оказался опытным — во все инстанции кляузы, блогеров привлек, СМИ разные. Заявление сделал: если что с ним случится, дом он дочке завещал со строгим наказом ни под каким видом не продавать и в причинах его смерти тщательно разобраться. В такой ситуации несчастный случай надо очень ответственно готовить. Но мы с Женей взялись. Выехали на место, присмотрелись, с дедом пообщались. Старикашка ничтожный, вредный — а ей приглянулся почему-то. И начала меня убеждать, мол, силой его выгнать — проще простого, но высший пилотаж — сделать так, чтобы дед сам свалил. Я тогда посмеялся, мы даже поспорились. Но Женька упрямая. Раз уехала, мне не сказала куда, другой. А на третий день под вечер приезжает довольная и говорит:

— Пойдем. Он сейчас согласится.

Явились мы к старику, идем по двору, а там заросли, сорняки сплошные, больше всего — клевера. Женя мне на него показывает, улыбается:

— Дедуля — большой фанат этого растения. На том и сыграем.

Дед вышел, а она ему платочек носовой протягивает. Посередине цветочек вышит — корявый. Говорит сладенько:

— Дочка ваша просила передать. Согласна она.

— Что ты несешь?! — рассердился дед.

— Выкосит она розы. Везде ваш любимый клевер будет. И двор весь им засадит, и площадку перед домом. И против Рекса слова не скажет...

Я вообще ничего не понимаю. А дед вдруг платочек из ее рук выхватил, к губам прижал — и в слезы!

Какие только ведомства с ним ни боролись, чего только ни сулили! Но решение совсем простым оказалось. Он и сам давно хотел с хутора убраться, вместе с родными жить. Те вроде тоже согласны были принять, если он с деньгами в их семью явится. Но у дочки во дворе розы и всякие прочие изыски. А у деда — пес Рекс, «дворянин» с примесью алабайской крови. Когда в гости приезжали, он все садовые насаждения выкапывал. Вот и нашла коса на камень. Она требовала пса отдать — дед ни в какую. А Женя

дочку убедил цветником своим пожертвовать. Не самая большая беда — когда столько денег в семью. И все, в два дня решили вопрос. Дочь прислала фотографии: двор безо всяких цветов. Дед подписал бумаги, получил отступные и съехал. — Денис рассмеялся и философски добавил: — Я бы тоже согласился за полмиллиона зеленых во дворе вместо роз клевер выращивать.

Таня, конечно, обратила внимание, что Валерочка поманил Дениса в коридор. Отсутствовали почти час, а когда вернулись, у отчима вид был умиротворенный, а у авантюриста — глаз горел.

Требовать ответа — в присутствии Мити и недвижимой Жени — не стала. Но когда ехали из больницы домой, и мальчик сладко уснул на заднем сиденье, спросила:

— Ты Денису что поручил?

— Будет помогать мне разбираться, что Женя накануне инсульта делала.

— А я как могу помочь?

— А ты возьмешь своего подопечного и поедешь с ним в Подмосковье. Я нашел для вас дом. На реке. Со всеми удобствами.

— Не хочу я быть тупой нянькой! — скривилась Таня. — Может, мы Митьку Данг поручим, а я вместе с вами делом займусь?!

— Все, хватит! — повысил голос Валерий Петрович. — Это ведь ты ребенка из дома выдернула, с отцом рассорила. Вот теперь и расхлебывай.

— Но я не хочу в какую-то дыру! Мы останемся в Москве. Митя тоже мечтает: жить у меня! И маму хочет каждый день навещать.

— Твоя квартира отпадает. Максим знает адрес, может приехать к сыну, а допустить этого нельзя. И в больнице ребенку так часто делать нечего.

Таня хотела продолжить спор, но лицо у отчима было суровое, почти злое. Объединились, блин, с Денисом, и считают, что вдвоем прекрасно справятся.

— Ладно, — изобразила она покорность. — Буду нянчиться. Что же делать, если больше ни на что не гожусь.

Завезла отчима домой. Он предложил подождать, пока приготовит обед, но Таня гордо отказалась.

Они с Митей отправились в крупный торговый центр на проспекте Мира, где устроились в ресторанном дворике. Таня ждала, пока мальчик разругается и подбреет после первого огромного бургера, а потом стала расспрашивать, как они с мамой обычно выходные проводили?

Терпеливо выслушала про «Волшебную лампу Аладдина» в Театре кукол Образцова и дрессированного бегемота Муху из Театра зверей, про музей оружия в Туле и осторожно свернула разговор на последние их с мамой субботу и воскресенье.

— В субботу мама в командировку ездила, я уже рассказывал, — вздохнул Митя. — А в воскресенье с утра — водила меня на хоккей.

— Вы что, болельщики? — хихикнула Таня.

— Нет. Мы на тренировку ходили.

— Хотела тебя в секцию отдать?

— Таня, ну, о чем ты говоришь? — укорил Митя. — В секции надо начинать с четырех лет, а мне уже скоро восемь. Я просто смотрел, как другие тренируются.

— А мама что делала?

— И мама смотрела. А потом говорила с дядей охранником.

— О чем?

— Не знаю. Мне сказала сидеть тихо и делать вид, как бы ее не знаю. Но я все равно подсматривал. Мама ему показывала какую-то фотографию. Они даже немножко ругались.

— А ты помнишь, где этот каток?

— Где-то в Мытищах. Но я больше не хочу туда! Мне было скучно!

— Ты когда-нибудь катался на настоящих картах?

— Нет, никогда. Мама говорит, только с четырнадцати лет разрешают.

— На взрослых — с четырнадцати. Но есть специальные карты для детей. Ну, или со мной можно. Пассажиром.

— Круто! Я хочу!

— Ну, тогда поехали. Они как раз по пути в Мытищи.

Денис сразу понял, что биографию для Симеоновой лепили профессионалы, поэтому «золотой рыбки» в открытом доступе ему не выловить. Но самый очевидный путь: ехать в Донской и брать за жабры акушерку, — пока отверг. Они с Женей никогда не начинали с того, что лежит на поверхности. Решил еще раз проанализировать информацию — ту, что на всеобщем обозрении, — и задумался.

Сам он тоже приехал в столицу гостем. И очень быстро понял, что глупо кормить наглых москвичей, жировавших на сдаче бабушкиных квартир. Как и Симеонова, экономил, — правда, сидел не на морковке, а на жареной картошке, и достаточно быстро смог позволить первую собственную комнатушку. А дальше — планомерно улучшал жилищные условия.

Неужели столь цепкая особа, каковой выглядела Симеонова, целых десять лет платила немалые деньги за аренду? Не очень верится. Скорее, у мужиков обреталась — а значит, уже врет, что «исключительно собственными руками счастье построила». А может, закуток себе приобрела пораньше, чем первую «официальную» квартиру в 2016 году.

Денис, в силу специфики работы, постоянно прикармливал с десятков нужных людей. Поэтому своего знакомого нотариуса побеспокоил без малейших угрызений совести...

Дилшот много лет проработал официантом. Клиенты вечно нороят: удрать и не заплатить, поэтому память развил фотографическую, чтобы тех, кто из «черного списка», вычислять сходу. На нынешней службе — в охране огромного спортивного комплекса с катком, кафе, салонами, офисами — это его умение очень пригодилось. Несколько раз премию получал — когда давал от ворот поворот родителям-хулиганам или мелким воришкам. Ну и лично себе на маслице к хлебушку получалось заработать. В хоккейной секции правила строгие — родителей на тренировки не пускать. Но если тихо сидят, тренеры не возражали. Дилшот давно сформировал костяк из «мирных» — кто согласен молча прятаться за трибунами. И им хорошо, и ему. Но кто хоть раз высунулся или, еще хуже, поскандальить посмел, — больше в святая святых не попадал, сколько бы денег не сулил.

Блондинка с великолепной грудью и манящими глазами привлекла его внимание сразу. Ох, жаль, не часто подобные красавицы глаз радуют.

Рядом с аппетитной штучкой шагал мальчонка. Не из секции, но прежде он его видел. Пару месяцев назад приходил, с той самой женщиной, что вопросы ему задавала.

Великолепная блондинка о чем-то его спросила, и мальчик на него указал.

Лицо у красавицы — подозрительно уверенное. Такие в ресторанах всегда заказывают дорогущее шампанское с икрой, а потом расплатиться денег не хватает. Поэтому Дилшот сразу настроился не верить на слово, а если это какая-то следовательница — требовать документ.

Но милашка выдавать себя за служительницу закона не стала. Улыбнулась обворожительно и сказала:

— Дилшот Алекперович, извините, можно вас о помощи попросить?

На «вы» к охранникам редко обращаются. А уж когда по имени, да еще отчество на бейджике разглядела — значит явно какая-то подстава. Начнет врать — сразу пошлет ее.

Но начала складно. Показала на мальчика:

— Это Митя. Он сюда приезжал со своей мамой, Женей Сизовой. Двадцатого июня.

— Ну...

— Они вместе сходили на тренировку средней группы. А потом, как сказал Митя, Женя подходила к вам и о чем-то расспрашивала.

— Ну...

— Женя работала бухгалтером и не имела никакого отношения к хоккею. Митя не знает, зачем они ездили сюда, и что его мама хотела узнать.

Вы ее помните? Красивая женщина. Двадцать четвертого июня у нее случился инсульт, а двадцать шестого июля она умерла.

Дилшот поморщился: то-то у мальчишки глаза грустные.

— Отца, считай, нет. Я — волонтер, а по образованию психолог, Митю опекаю. И у него... не то чтобы срыв, но вроде как пунктик. Они же смотрели вместе тренировку, и мальчик подслушал, что мама других родителей расспрашивала, как кого из ребят зовут. И потом с одного из мальчиков глаз не сводила. С какого-то Юрочки. Вот Митя и думает: вдруг это еще какой-то мамин сын? У него тогда хотя бы братик будет.

— Это не ее сын, — покачал головой Дилшот. — У Юры — мама, папа, няня, водитель, гувернер. И та женщина у меня не про него спрашивала.

— А про кого?

— Про сумасшедшую.

— Какую?

Дилшот уже и забыл, что собирался денег за информацию требовать. Лучше все сразу объяснить, чтобы не было лишних надежд у сироты.

— Весь год ходила на тренировки одна женщина, пару раз в месяц точно появлялась. Не родительница, но я ее пускал, пока тихо себя вела. А в марте Юрик на тренировке проштрафился, и тренер его наказал. Сначала клюшкой по руке ударил, а потом по льду ползать заставил. Эта женщина вскочила, шум подняла. Рыдать начала, с тренировки убежала, дверью хлопнула. Тренер недовольный был. Больше она не приходила. Но я бы и не пустил. Я таких, кто скандалит, не люблю.

Блондинка выхватила из сумочки телефон, открыла фотографию, показала:

— Вот эта женщина?

— Она, — кивнул Дилшот.

— Спасибо! — просияла красавица, притянула его к себе, чмокнула в щеку, и они с мальчиком ушли...

Потом по-таджикски повторила и на языке из кино:

— Ташаккур! Мерси!

Елена Симеонова обожала, когда становилась первопроходцем. Флагману всегда достаются сливки. Вон, сколько у нее подражателей с марафонами — и ни один даже рядом не валялся по числу участников-почитателей.

Сейчас вышла на такой уровень, что за любую мысль или совет деньги получала. Упомянуть в инсте правильное питание? Триста тысяч. На токшоу похвалить начинающую певицу? Пятьсот.

Рекламными контрактами ведала помощница Маринка. Проводила среди претендентов первичный кастинг, согласовывала с Еленой, юрист проверял договор, и с заказчиком Симеонова даже не встречалась.

Но вдруг нарисовался амбициозный проект. Фастфуды давно ввели в моду комплексные обеды имени какой-то популярной персоны. А ей предложил стать лицом фирмы дико модный ресторан. Большой портрет в витрине и ремарки на блюдах в меню: «Елена Симеонова рекомендует».

Секретарша Маринка рвалась сходить, все перепробовать, выбрать блюда за нее. Но Елена охладила ее пыл и отправилась в ресторан сама.

У входа встретил сам владелец. На какой-то тусовке были представлены, тогда он только кивнул, а сейчас — склонился к руке, поцеловал. Лично проводил к столику, представил шеф-повара и познакомил со своим замом по рекламе:

— Милости прошу. Денис. Это его великолепная идея — предложить вам стать лицом нашего скромного заведения.

Елена царственно кивнула. А Денис-то красавчик! Породистый, уверенный в себе античный бог.

Она бы предпочла покрасоваться за столиком у окошка с видом на Тверской бульвар, но владелец ресторана проводил ее и Дениса в ВИП-кабинет:

— Там вам будет удобнее.

Отодвинул стул, помог ей устроиться, попросил разрешения откланяться и на прощание улыбнулся своему помощнику: — Удачи тебе!

«Ну, значит, можно еще поторговаться», — решила Елена.

Подставлять друзей Денис не любил и карты раскрыл сразу: разговор с Симеоновой может получиться жестким. Блог-дива затаит злобу, а то и мстить возьмется.

Но ресторатор отмахнулся:

— Не боюсь.

Когда-то Денис с Женей помогли ему отбить от посягательств мэрии исторический особняк в самом центре Москвы, и он до сих пор считал себя их должником.

Дверь ВИП-кабинета мягко закрылась. Богатов разлил по бокалам вино. Симеонова обворожительно улыбнулась:

— Сколько блюд мне нужно будет попробовать?

— Мы рассчитываем, что вы порекомендуете минимум семь, — в тон ей ответил Денис.

— Я не справлюсь с такой задачей за один день.

— В таком случае буду просить вас о дальнейших встречах. Но давайте же выпьем!

Бокалы нежно коснулись друг друга, зазвенели. Он посмотрел ей в глаза:

— За вашего сына Юру.

Симеонова побледнела...

Ходасевич и Татьяна подкинули ему ценную информацию. Богатов умело ее использовал, кое-что раскопал самолично и раскрутил историю до конца.

Мальчика весом 3750 г и ростом 50 сантиметров у Симеоновой приняла Алевтина Георгиевна. Случилось это в 2008 году, и никак это событие задокументировано не было. Елена поступила в роддом по чужим документам и родила, как следовало из них, мертвую девочку. А ее здоровый сын по имени Юра был записан на Викторию Андреевну Молгину, предпринимательницу из столицы.

Поначалу Симеонова (в те годы она работала посудомойкой и ребеночка прижила от красавца-бармена) очень радовалась, что так лихо избавилась от обузы. Но жизнь иногда подкидывает удивительные пассажи. Прошло десять лет. Елена смогла подняться. Вышла замуж. Родила «официального» ребенка. Раскручивала свой марафон, ходила по светским тусовкам. И как-то, на одном мероприятии семейного формата, познакомилась с успешной бизнес-вумен Викторией Молгиной. Та пришла на тусовку с сыном. Симеонова взглянула на мальчика и... увидела собственную школьную фотографию. Точно такая же родинка на щеке, а еще — совсем не детское одиночество в глазах.

Виктория Молгина, за бокалом и светским трепом, пожаловалась:

— Сын у меня вреднючий. Ты ему слово — он в ответ десять. Радости совсем не приносит. Приходится часто наказывать.

Елена, между делом, выяснила дату рождения — и сомнений больше не осталось.

Одиночество и печаль в глазах мальчика теперь преследовали ее постоянно. Но что она могла сделать? Только наблюдать за ним — тайком. И корить себя за легкомыслие молодости.

Смятение у Симеоновой длилось недолго. Сжала зубы, выплюнула:

— Вот, значит, как. Лихо вы меня развели. Ты, что ли, заодно с этой бабой, которая с меня деньги требовала? — Да вы идиоты! — повысила она голос. — И ты, и она! Вообще не понимаете нормальных, человеческих чувств! Шантажисты, типа, крутые? Думаешь, я испугалась? Пойми, примитивное существо: не все в мире измеряется твоим «купи-продай»! Почитай мой инстаграм: я людям часто мечты исполняю. От души. По доброте. И деньги дарю просто так. Думаешь, вранье? Нет, все правда. И кругосветки покупала, и квартиры. А та баба — такая жалкая, волосы — пакля, ногти обкусаны. Пришла, типа, справедливость восстанавливать. Да ничего она не поняла! Я за ошибку свою сама себя изъела — до донышка! И огласки не боюсь — просто не хотела пацана разменной монетой делать, жизнь ему портить.

— Зачем тогда заплатили? — мягко спросил Денис.

— Да пожалела эту твою посланницу! Просто пожалела! Для нее эти копейки, десять миллионов, — богатство огромное. А мне — тьфу, растереть. Так и сказала ей: не испугала ты меня, это просто подарок.

— Вы подарили ей десять миллионов?

— Ну да.

— Вот так просто взяли и подарили? Или в обмен на молчание?

— Сказала ей: если хочешь — трепись, я не боюсь. Но попросила по-человечески ребенку жизнь не портить.

— Я понял.

— Ничего ты не понял. Такие, как ты, только деньгами все измеряете.

— Ладно. Оставим это. Когда Женя к вам приходила?

— Не помню точно. В конце июня.

— Двадцать четвертого? В четверг?

— Кажется.

— А где вы встречались?

— У меня в офисе. Она пробралась ко мне, наплела фуфла про рекламный контракт.

— Что-то ели вместе, пили?

— Кофе вроде бы.

— Елена, — вкрадчиво спросил Денис, — а Евгения Савельевича вы тоже кофейком угощали?

— К-какого Евгения Савельевича?

— Евгений Савельевич Котенко. Одинокий пенсионер. Вы у него снимали комнату в 2005 году. А в 2007-м он скончался от инсульта. И, как оказалось, завещал вам свое жилье.

Симеонова неожиданно расхохоталась:

— Я даже в наследство не вступала. Где вы это откопали?

— В наследство не вступили. Но отступные от родственников получили хорошие. И никто не удосужился выяснить: по какой причине у Котенко произошел инсульт.

— Боже, что за бред! Старик, с кучей болячек! Семьдесят четыре года!

— А Жене было только тридцать восемь, — прошептал Денис. — Она встретила с вами в четверг — и в ночь на пятницу ее тоже увезли с инсультом.

— Не бери на понт, красавчик!

— Она впала в кому и спустя месяц умерла. Что вы использовали? Феналин? Эликвил? Вардарин?

Симеонова вскочила, по щекам красные пятна:

— Да пошел ты, придурок! — и, грохнув дверь, выскочила из ВИП-кабинета.

В тот же вечер Симеонова улетела из России.

А Денис пригласил Валерия Петровича и Татьяну встретиться в клинике.

Митю оставили в палате у мамы. День у Жени сегодня выдался хорошим — руки теплые, по лицу бродит улыбка. Мальчик гладил ее по волосам, пел песенки. Викентий Ильич включил энцефалограф. Наблюдал за зигзагами, одобрительно кивал:

— Неплохо. Весьма неплохо.

Богатов, Ходасевич и Таня вышли в коридор.

Денис почтительно обратился к Валерию Петровичу:

— Приношу свои извинения, что не поставил в известность. Не удержался. Хотелось самому ее прижать.

— Но она ни в чем вам не призналась, — пожал плечами Ходасевич.

— Зачем тогда было бросать семью и срочно улетать в Индонезию? Экстрадиции в Россию оттуда нет.

— А где эти десять миллионов, которые она якобы подарила? — заинтересовалась Таня.

— Полагаю, в банке. Или — как вариант — в Киржаче. Женя мне говорила, что у нее там тайник. Можем съездить, проверить. Если я угадал — передадим Мите.

— Получается, Женя все-таки не восстанавливала справедливость, — покачал головой Валерий Петрович. — Раздобыла на Симеонову компромат — и требовала с той денег за молчание.

— Ну, я ведь вам говорил, — усмехнулся Денис. — Мы никогда не наказывали «плохих» парней просто из интереса.

Из палаты послышался шум, затем Митин радостный вскрик. Дверь приоткрылась, на пороге показался Викентий Ильич и поманил:

— Идите сюда, скорее!

Они бросились в палату.

Митя стоял на коленях возле кровати, и они отчетливо расслышали Женин слабый голос:

— Сынок! Любимый!

...Спустя пару дней Тане позвонил отчим и деловито спросил:

— У твоей Данг выходной в четверг?

— Да.

— Попроси ее с Митей посидеть. А ты мне нужна.

— Классно! Что делать будем?

— Поедем в Киржач.

— Зачем?

— Хочу Жениным родителям рассказать правду.

— А ты уверен, что нужно? — вкрадчиво спросила Татьяна.

Она попыталась отговорить Ходасевича от поездки: люди, мол, пожилые, вдруг с сердцем станет плохо, но тот уперся: «Не хочешь ехать — сам доберусь!»

И Дениса категорически велел не вовлекать.

Чтобы отчим ехал один, Таня, конечно, допустить не могла. Данг с восторгом согласилась помочь, приехала на их дачку. А падчерица с отчимом с утра пораньше отправились в Киржач.

Старики сегодня выглядели бодрее, чем в прошлый раз. Отчим расщедрился на улыбку, мать, хотя дышала тяжело, начала хлопотать насчет чая, Таня взялась помогать. Кухня была маленькая, аскетичная, но чайник дорогой, рядом с допотопной плитой красовалась пароварка.

— Это Женечка нас баловала, — перехватив ее взгляд, сказала женщина и всхлипнула: — Поверить не могу, что ее больше нет.

Татьяна в глубине души надеялась: Валерочка придумал поездку в Киржач, чтобы сказать родителям правду — на самом деле, их дочь жива и в самые ближайшие дни может выйти из комы.

Но Ходасевич переходить к хорошим новостям не спешил. Когда вернулись в гостиную, Таня с удивлением услышала, что отчим и Иван говорят о войне, той, чеченской, где мужчина ногу потерял.

— Политиканы ее развязали, хотя без крови обойтись можно было, — с жаром вещал инвалид. — Надо было думать, какими силами мы будем воевать! И за какую идею. Боевики — те вроде как землю свою защищали, а мы за что?

Его супруга решила прервать разговор и произнесла:

— День-то сегодня какой теплый! Только осень все равно уже чувствуется.

Но Валерий Петрович ее не поддержал, спросил у Ивана:

— Это ваша идея была — вырастить из падчерицы маленького солдата?

— А то! — Инвалид гордо подбоченился. — Женька-то у нас когда родилась? В восемьдесят третьем. Что кругом творилось? Какие идеалы насаждались? Она вон, — презрительно взглянул на жену, — на скрипку ее хотела отдать. И что с той скрипки? У Женьки подружка была, на фортепьянах играла... Загляденье была подружка. И чего? Пятеро подонков изнасиловали, избили и подыхать бросили. Ты для Жени такой судьбы хотела? А я ее натренировал. Весь город знал: к Женьке соваться — себе дороже. С пятерыми, может быть, и не справилась бы, но троих раскидать — как нечего делать.

— И к чему вы ее готовили? — мягко спросил Ходасевич.

Иван слегка стушевался:

— Не готовил я ее никуда. Просто хотел, чтоб за себя постоять умела.

— Женя владела единоборствами. Прекрасно стреляла. Умела обращаться с взрывчаткой. Прыгала с парашютом. Бегала марафоны. Не слишком для девочки?

— Ей нравилось.

— Я ее уговаривала в университет Министерства обороны поступать, — встряла мама.

— А почему не поступила?

— Так влюбилась, — выплюнул инвалид. — В говнюка этого, Дениса. Все бросила ради него. Из дома ушла. — В голосе звучала неприкрытая ненависть.

— Что он за человек вообще? — с искренним интересом спросил Ходасевич.

— Да нормальный парень, — отозвалась женщина. — Бизнесмен. Женечку любил, баловал. За границу возил.

— И какой бизнес у него?

— Как у всех. Купи-продай.

— Вор он был, — припечатал Василий. — Сам воровал и Женьку заставлял!

— Да что ты говоришь такое! — возмутилась жена.

Ходасевич, будто не замечая раздора, спокойно спросил:

— Вы с ними часто виделись?

— Так Ваня знать его не хотел, — опечалилась женщина. — Сюда не пускал и мне не давал к ним ездить.

— А почему они расстались?

— Женечка замуж мечтала выйти, ребенка родить. А Денис не нагулялся еще. Ну, она и обрубила все концы. Всегда решительная была.

— Вам знакомо имя Елены Симеоновой? — вдруг спросил Ходасевич.

— Нет. Кто это? — искренне удивилась женщина.

— А вам? — обернулся он к Ивану.

— Понятия не имею, — ответил тот, но как-то слишком поспешно.

Таня насторожилась. История, что ли, еще не закончена?

Валера между тем спокойно продолжал:

— Елена Симеонова — известная блогер, автор психологических тренингов и очень богатая женщина. В день, что предшествовал инсульту, Женя встречалась с ней в ее офисе. Они общались примерно час. В конце встречи Симеонова передала вашей дочке некую вещь. Потом Женя сразу поехала к вам. Когда она вошла, у нее в руках что-то было?

— Не знаю... не помню, — растерялась мать.

— Физическая подготовка — далеко не все, чем могла гордиться Женя, — вздохнул Валерий Петрович. — Она умела и много чего еще. Собирать информацию. Оказывать давление. Разрабатывать комбинации. Еле-

на Симеонова выстроила себе благостный имидж. Тщательно оберегала свою репутацию. Никогда не ввязывалась в скандалы. Но ваша дочка не просто нашла в ее безупречной биографии серьезный изъян, но умело его, как сейчас говорят, монетизировала. Хотя шантажировать такую штучку, как Симеонова, ох, как непросто.

— Женя? Шантажировала? Что вы такое говорите? — ахнула мать.

— Ваш муж об этом знал, — усмехнулся Ходасевич. — И, вероятно, даже помогал ей подготовить... э-э... спецоперацию.

— Все, хватит! — взорвался Иван. — Вон отсюда!

— Помолчи! — осадила его супруга.

— Симеонова заплатила за информацию десять миллионов, — продолжал Валерий Петрович. — Женя хотела положить деньги в банк, но вы ее убедили, что наличные в таком деле надежней и безопаснее. И тогда она привезла деньги сюда. Где они, а, Иван Андреевич?

— Я понятия не имею ни о какой спецоперации, — отрубил бывший спецназовец. — И не знаю, про какие деньги вы говорите.

— Я вспомнила, — голос Жениной мамы звучал растерянно, — когда она приехала, у нее за плечами рюкзачок был. Такой... вроде спортивный. А уезжала она без него. Только с сумочкой. — Она сурово посмотрела на мужа: — Иван, что происходит?

Тот заорал:

— В глаза тебе врут, вот что! Не могла Женька никого шантажировать! И я не мог!

— А по какой статье против вас в 1999-м уголовное дело возбуждали? — ласково спросил Ходасевич.

— Тогда подставили его! — горячо заступилась за мужа женщина. — Женечке пятнадцать лет было, ее братки затащить в «Мерседес» хотели, а Ваня увидел и вступился!

— Боюсь, вы знаете только то, что хотите знать. Не братки, а богатый, пожилой армянин, — усмехнулся Валерий Петрович. — Подумайте сами: что мог немолодой, без оружия мужчина сделать против девушки с такой спортивной подготовкой, которую боялся весь город? Нет, там совсем другая схема была. И отрабатывалась она неоднократно. Ваша дочь позволяла затащить себя в машину и даже слегка раздеть. А в самый ключевой момент появлялся ваш супруг и требовал денег за посягательство на несовершеннолетнюю. Обычно все платили.

— Это все было... очень давно. Еще до Дениса, — хрипло проговорил Иван. — Когда Женя ушла к нему, все кончилось. Я ее из своей жизни вычеркнул.

— Она приезжала к вам, помогала деньгами. Советовалась с вами, жаловалась на жизнь. Вы знали о многих ее проблемах. Внимательно ее вы-

слушивали, но в душе таили зло. И терпеливо ждали, когда у вас появится шанс ей воздать — за то, что предала, перестала работать с вами и ушла к Денису. Она ведь не родная кровь вам. И вы никогда не считали ее дочерью. Сначала ставили над ней эксперимент, превращали в Никиту́. А потом — просто использовали. Кто вы, кстати, по профессии, Иван Андреевич?

— Какая, на хрен, разница?

— Вы хотели стать врачом, но смогли только фельдшером. Медициной продолжали интересоваться. И, конечно, знали обо всех Жениных болячках. Она сама консультировалась с вами, и вы ей даже назначали лечение. Тот же диклофенак, к примеру. Ходасевич обернулся к его жене: — Вспомните, пожалуйста, самый последний день, когда она была здесь. Перед тем как уехать, дочка пила с вами чай. Кто его наливал?

— Ва... Ванька. Я еще удивилась: он кухни сроду не касается! — побледнев, ответила она.

— В крови у вашей дочери обнаружили вардарин, — тихо сказал Ходасевич. — Это не яд. Рецептурный лекарственный препарат, его применяют, когда есть риск возникновения тромбов. Вардарин не имеет вкуса или запаха. Его прием в большой дозе может спровоцировать инсульт, особенно в сочетании с диклофенаком, который принимала Женя. По совету, я так понимаю, вашего мужа. А еще, полагаю, он знал, что у Жени повышенное давление. У вас ведь есть тонометр?

— Это бред! Вы ничего не докажете! — взвился инвалид.

Но Ходасевич по-прежнему обращался только к его жене:

— Я и не буду ничего доказывать. Просто хочу, чтобы вы понимали роль вашего супруга в Жениной болезни и смерти.

Она схватилась за сердце:

— Нет. Не может этого быть! Ванька... Ванька ведь ей мерил давление, когда однажды совсем бледненькая приехала. Но сказал, что все хорошо.

— Врачи предполагают, что у Жени была гипертония. На планете этой болезнью страдает почти миллиард, и почти половина о своем диагнозе не ведает. Какое у вашей падчерицы было давление, а, Иван Андреевич?

— Идеальное! Сто двадцать на восемьдесят, — ответил отчим, но глаза бегают, губы дрожат.

Вдруг его супруга резко вскочила, метнулась к мужу и со всей силы ударила его по лицу.

Ходасевич с трудом оттащил женщину и повернулся к Ивану:

— Где деньги?

Тот шмыгнул разбитым носом:

— У Женьки в комнате. В тайнике. Я их хотел... этта... Митьке отдать, когда вырастет.

— Хотел бы отдать — счет бы открыл на его имя, — сурово произнес Валерий Петрович и приказал: — Веди, показывай!

Пока мужчины отсутствовали, потрясенная Таня капала сердечное лекарство Жениной маме. Заявлять в полицию несчастная женщина категорически отказалась:

— Позор-то какой! Не хочу на старости лет!

Но с мужем обошлась решительно:

— Манатки собирай — и прочь отсюда!

Иван молча пристегнул протез, собрал рюкзак, вызвал такси и отбыл. Очень поспешно.

Мама Жени отчаянно рыдала:

— Как я могла быть настолько слепой! Ой, дура, какая же я идиотка! Иван-то с Женькой, когда она к Денису ушла, рассорились в пух и прах. И даже потом, после ее свадьбы, почти не общались. А где-то этой весной вроде помирились. Уединялись в ее комнате, как раньше, что-то обсуждали. Я радовалась. А она... А он... — Женщина вскинула заплаканные глаза: — Эти деньги. Десять миллионов проклятых... их обязательно вернуть надо! Тому, у кого их украли.

— Мы позаботимся об этом, — пообещал Ходасевич.

Елена Симеонова давно создала — и активно использовала — собственный психотерапевтический метод. Даже самое горькое событие нужно обращать в повод для пиара — тогда количество подписчиков-почитателей стремительно прибавляется.

Имидж успешной, красивой, богатой — это хорошо, его Елена тоже использовала. Но прекрасно знала, что российский менталитет куда больше несчастеньких любит, тех, кто накосячил — и теперь глубоко раскаивается.

Наивный обвинитель Денис видел только то, что на поверхности. Наверное, уверен, что она сбежала за границу, дрожит, от правосудия прячется. А Елена тем временем — в красивых декорациях Индонезии — готовила эффектное покаяние. И выстрелила одновременно во всех социальных сетях, выложила информацию на своих форумах и во всех мессенджерах.

Она не называла имени сына, но честно, со слезами на глазах, рассказала, как в двадцать три года допустила нежеланную беременность. Переживала, но убить не рожденного ребеночка не смогла — благо, нашла возможность анонимно передать его в хорошую семью. А потом случайно встретила кровиночку, начала следить за его жизнью и опять переживать.

— Мой сын растет в хорошей, любящей, богатой семье. И я не хотела разрушать его жизнь, делать несчастными приемных родителей. Просто

иногда ездила в места, где мой сын бывает. Наблюдала за ним. Представляла, что мы вместе. Я никому не делала зла. Но в июне на меня вышла шантажистка. Она выяснила, как зовут моего ребенка, и грозилась все рассказать ему, если я не заплачу десять миллионов. Я долго думала, как поступить, и решила: самое мудрое — ответить на зло добром. Я могла бы заявить на вымогательницу в полицию, но решила выбрать другой путь. И подарила ей десять миллионов. Просто подарила. Пусть питает этими деньгами свою злобу.

Виртуальный мир почитателей Симеоновой взорвался комментариями. Елене слали сердечки, букеты и слезки. Ею восторгались. Перед ней преклонялись. Подписчики дружно требовали назвать имя подлой шантажистки, грозились объединиться и стереть ее с лица земли.

Но Симеонова упорно отвечала:

— Пусть ее судит Бог.

Про трагедию девочки Лиды, смерть Жени Сизовой и, уж тем более, давнюю историю, как она странным образом развела пенсионера на наследство, и вскоре тот скончался от инсульта,— нигде, разумеется, не упоминалось.

Тщательно срежиссированное покаяние вознесло блогершу на невыносимые высоты. Число тех, кто ее поддерживает, гордо сообщила Симеонова, за сутки увеличилось вдвое.

Татьяна искренне возмущалась:

— Вот хитрая гадина!

А Валерий Петрович усмехался:

— Не придирайся. Добрая женщина. Действительно — десять миллионов подарила, назад не требует. Митино свидетельство о рождении у тебя?

— Да.

— Сходи в банк, открой счет на его имя. А потом летите уже на юг, сентябрь на носу.

— Валерочка, — вздохнула Таня, — а что дальше-то делать? Надо же определяться. С кем Митя жить будет? Куда в школу пойдет?

— Летите пока. Отдыхайте. Жизнь сама все на места расставит.

Женя

Облака все гуще, с каждым днем сложнее сквозь них пробиваться. Когда с парашютом прыгала, пролетала насквозь за секунды. А в ее другом мире они плотные, душные. Как попадаешь в них — сразу воспоминания. И картинки все дальше и дальше сдвигаются, отматываются в обратном порядке. Ей тридцать. Двадцать пять. Пятнадцать. Сегодня до школьного урока физкультуры скатилось. Девочки плачут, не могут удержаться на канате, а она легко забирается на самый верх, еще и раскачивается. Учитель нервно орет, чтобы слезла, а мальчишки в восхищении подвывают...

Но она не давала воспоминаниям окончательно себя засосать, отгоняла их. Всю энергию отдавала, чтобы вернуться в настоящее. Увидеть то, что происходит сейчас.

Иные картинки — например, собственные вроде как похороны, или Максим в постели с любовницей — совсем равнодушной оставляли.

Зато, когда Митина опекунша смогла найти десять миллионов, отнесла их в банк и положила на имя сына, у нее слезы полились. В настоящей, земной жизни.

Слышала, как Денис врача зовет. И его ласковый голос:

— Женечка, ну, не плачь, милая! Все хорошо будет! Ты скоро проснешься! А облака все гуще и гуще, давят грудь, сжимают.

В кровь потекло лекарство, краски поблекли, она куда-то провалилась.

Пришла в себя — облака совсем ее заковали. Горло перехватили, дышать все сложнее. Но сделала отчаянное усилие — смогла их раздвинуть и увидела: Митя на пляже сидит. Рядом, в пивном пластиковом стаканчике, огромный крабище. Сынуля ему палец протягивает, краб клешней класцает, Митька отдергивает руку, хохочет.

А вот и Арчи — терзает свой мячик. Молодцы! Пса взяли и его любимую игрушку тоже.

— Арчи! — прошептала одними губами.

Проклятые облака мешали говорить, лезли в рот. Но пес все равно услышал. Вскинул морду. Увидел, высоко в небе, ее лицо. Тявкнул дружелюбно и улыбнулся.

— Арчи, ты на кого лаешь? — весело спросил Митя. — На чайку?

— Митя! — позвала Женя.

Но мальчик (хотя раньше всегда вздрагивал, оборачивался) в этот раз ее не почувствовал.

И это было очень хорошо.

Она из последних сил удерживала с каждой секундой тяжелевшие облака.

Опекунша позвала:

— Пошли купаться!

Ринулись вместе с Митей с разгона в море, Арчи погнался за ними. Визг, хохот. Слава богу!

Она перестала, наконец, сопротивляться облакам-оковам. Те радостно чавкнули, сомкнулись, обволокли, потащили куда-то. Далекое. Совсем далеко. Женя вдруг увидела себя. Совсем крошечную. В коляске. И мама ей улыбается.

А дальше ничего. Чернота...

Странно оказалось проехать по местам «былой славы». Снова Геленджик, вечный шансон в такси, горы зеленеют — будто ничего не случилось.

Таня с Митей отдыхали в Кринице. Тихое село, без изысков и особых курортных забав. Но зато море лучшее в крае — огромное, ласковое. И по диким берегам вечерами обязательно шастают крабы.

Квартирный вопрос здесь представлен в основном курятниками-комнатушками или палатками в кемпинге, но он смог найти целый дом. С удобствами, участком, бассейном. В сутки за него просили — как за виллу в Монако, но Денис торговаться не стал. Бросил рюкзак. Принял душ. Выпил эспрессо из кофемашины, надел чистые майку с шортами, взял подарок и отправился на пляж. Таня присылала фотографии своего любимого местечка, поэтому знал, где их искать.

Солнце задумчиво клонилось к закату. В воздухе дрожали паутинки — предвестники осени. На дикой части пляжа буйков не было, и Таня с Митей заплыли далеко. Арчи ждал их на берегу, нервничал. Дениса сразу признал — замолотил хвостом.

— Айда к ним! — потрепал он пса по холке.

Собака с удовольствием бросилась в воду, он — за ней.

— Дядя Денис! — Митя узнал его, обрадовался, поплыл к нему со всех своих детских силенок.

Когда вышли на берег, сразу вопрос:

— Вы маму привезли?

— Подарок тебе от нее привез. Держи!

Богатов не слишком разбирался, что нужно детям, но лично ему огромный водяной пистолет весьма приглянулся.

— Вау! — завопил Митя и немедленно помчался в море — опробовать оружие.

А Денис тихо сказал Татьяне:

— Она умерла.

Та побледнела:

— Боже!

— Викентий Ильич еще три дня назад сказал: надежды нет. Кома перешла в терминальную стадию. Но она все равно боролась. Сердце остановилось только вчера. В 17.47.

— Ложись! Буду стрелять! — Митя наполнил пистолет водой и мчался к ним.

Денис ловко упал на камни, а Таня подняла руки:

— Я сдаюсь!

Солнце скатывалось все ниже и ниже, золотило перистые облака. Двое мужчин — большой и маленький — весело боролись в лучах заката, и Тане вдруг очень захотелось, чтобы они оба были ее мужчинами. Мужем и сыном...

Эпилог

Максим так и не узнал, что его жена не умерла двадцать шестого июля, а еще почти месяц боролась за жизнь.

Авантюра Дениса с похищением пациентки Сизовой осталась нераскрытой, медсестре Аленушке и ее пособникам никакого обвинения предъявлено не было.

Тело Жени кремировали. Урну с прахом под покровом ночи похоронили в ее же официальной могиле. Это была, как уверял Денис, его последняя авантюра.

Но, вероятно, Богатов был замазан еще кое в чем. Женин отчим Иван Андреевич в сентябре того же года скончался. Причиной смерти стало сочетание водки с клофелином. С кем пенсионер распивал свою последнюю в жизни бутылку, полиции выяснить не удалось.

Митя тяжело переживал мамину кончину. И, конечно, Таня не смогла оставить его без поддержки. Опекун оформлять не стала, но, по соглашению с Максимом, мальчик живет у нее. Ходит в гимназию в соседнем дворе. Посещает художественную школу и кружок фотографии. Пока Таня на работе, за Митей присматривает ее подруга Данг. Она с удовольствием сменила профессию и стала отличной няней. Зарплату (существенно выше той, что в массажном салоне) ей платит Богатов.

Денис часто навещает Таню и Митю. А иногда уговаривает ее сходить куда-нибудь «только вдвоем». Она с удовольствием принимает его приглашения и понимает, что Денис нравится ей все больше и больше.

Валерий Петрович слегка взволнован из-за того, что его любимая падчерица может связать жизнь с авантюристом. Но Богатов поклялся возможному будущему тестю, что с преступным прошлым покончено. А еще Ходасевич успокаивает себя тем, что плохой человек не стал бы больше месяца выхаживать смертельно больную подругу.

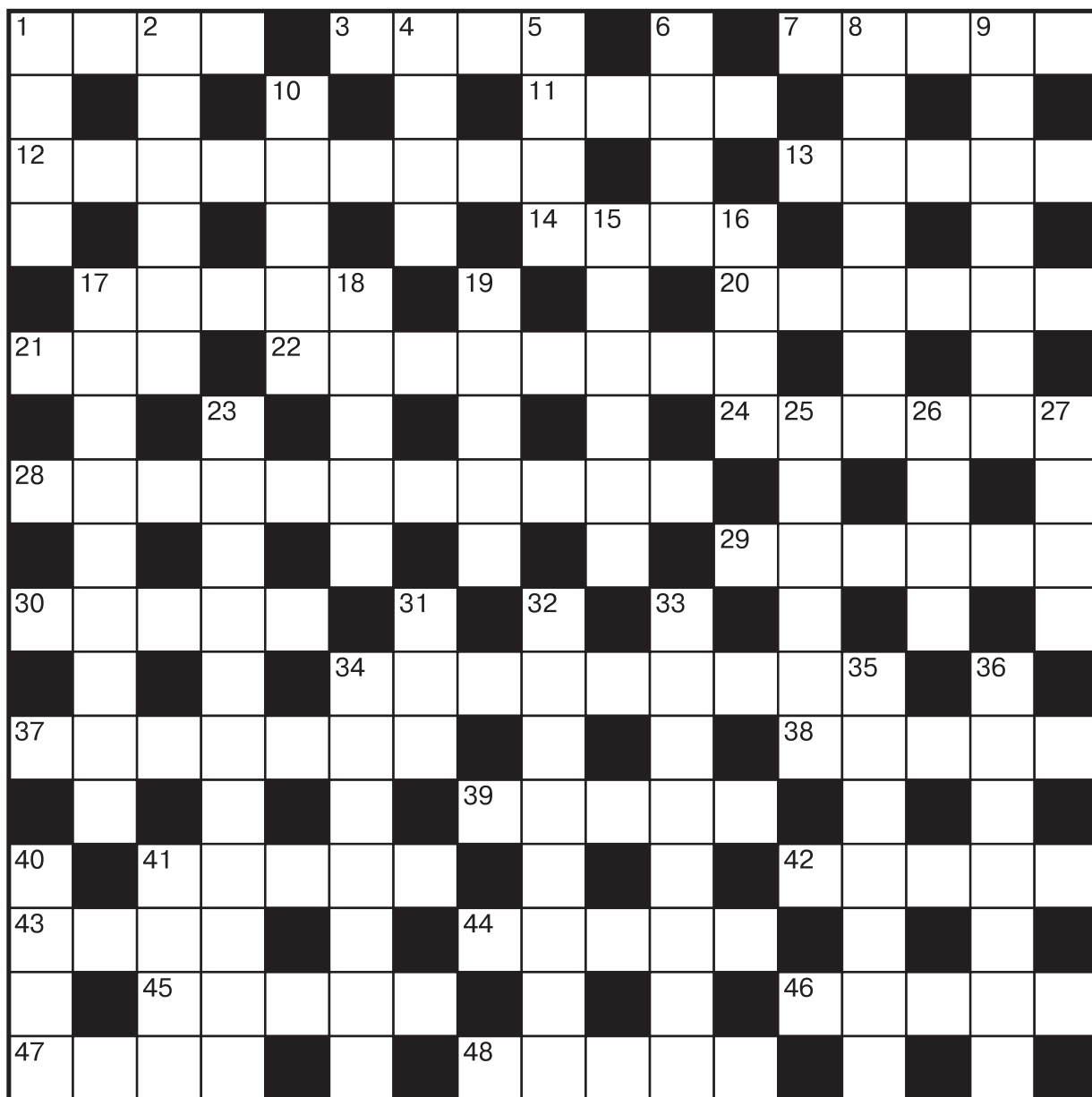
Бывшая сослуживица Жени Зоя с удовольствием ходит на свидания с обаятельным Валерием Петровичем и не теряет надежды получить от него предложение руки и сердца.

Джек-рассел Арчи признал Татьяну своей безоговорочной хозяйкой. Митя слегка обижен на пса. Ждет, когда вырастет и тоже будет сильным, чтобы Арчи стал «только его».

— Для этого надо есть как можно больше каши! — веселится Татьяна.

Каша у тети Тани получается невкусная, с комочками, но Митя не хочет ее расстраивать и мужественно выскребает все до последней ложки. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какое развлечение развивает буквально все — от близорукости до остеохондроза? **3.** «О слишком длинный ... можно и самому споткнуться». **7.** Что возвращает к реальности, когда хочется верить в чудо? **11.** Столица со следами цивилизации инков. **12.** Больничный «утконос». **13.** «Счетовод» на ста-

дионе. **14.** Американский гривенник. **17.** Прослойка между сорочкой и пиджаком. **20.** Предок зажигалки. **21.** Фиксатор прически. **22.** «Автомобиль, товарищи, не роскошь, а ... передвижения!» **24.** «Белый Луи Армстронг». **28.** Кто из олимпийцев может состязаться и на пляже? **29.** Галактические дали. **30.** Что ведет ка-

питан стальных магистралей? **34.** Кто из патриархов советской эстрады первым исполнил гимн Крыма? **37.** С каким французским городком связано подписание перемирия 11 ноября 1918 года, положившего конец Первой мировой войне? **38.** Какой тропический зверь плохо видит, а потому узнает о врагах больше по звукам? **39.** Из какой игры взят термин «бычий глаз»? **41.** Инспектор уголовного розыска с лицом Юрия Шлыкова. **42.** Из какой древесины сделали «троянского коня»? **43.** Примитивизм в мыслях. **44.** Культовая группа, чья песня звучит в финале мультфильма «Миньоны». **45.** С кем говорит Незабудка в военной песне Клавдии Шульженко? **46.** Какая рыба помогает диабетикам влиять на уровень сахара в крови? **47.** Путь к минимуму. **48.** Кто обессмертил образ Беатриче?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Отмашка гипнотизера». **2.** На чем летает злая колдунья Бастинда? **4.** Шар из прозрачного пластика для экстремалов.

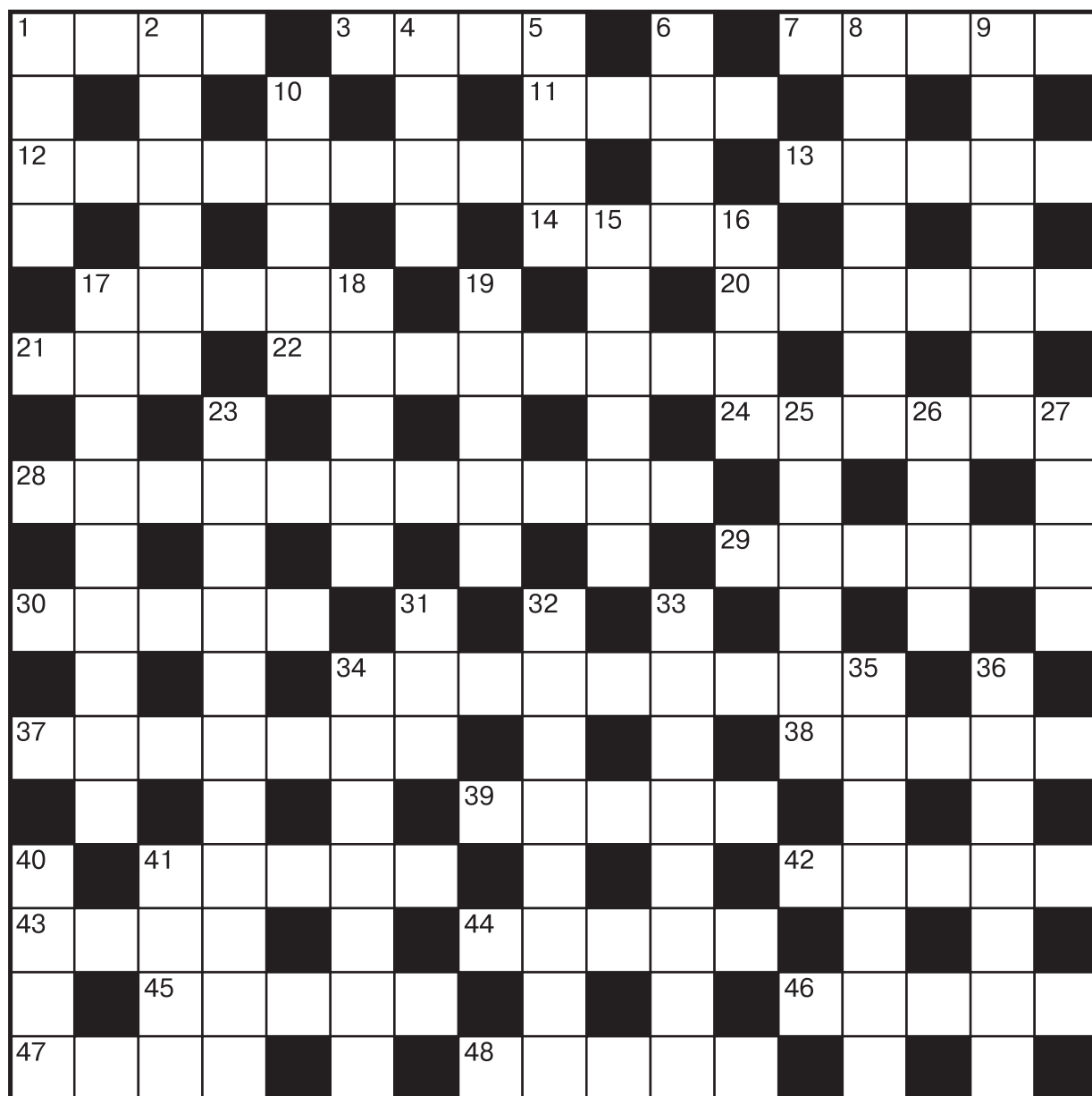
5. «Самое ценное из ископаемых». **6.** Мультфильм «Алеша Попович и Тугарин ...». **8.** Сведения для постановки диагноза. **9.** Требование стороны. **10.** Груз с контрольными полномочиями. **15.** Кто работает, играючи? **16.** Какой классический Карл считал людей «порождением крокодилов»? **17.** Кому «проснуться в пять утра не в тягость»? **18.** Чем пытит пароход? **19.** Кто из героинь оперетты «Летучая мышь» выдает себя за русскую актрису? **23.** «Топливный путь» автомобиля. **25.** Прозвище пирата Джона Сильвера. **26.** Самый знаменитый капитан подводного плавания. **27.** Что самое впечатляющее в дяде Степе у Сергея Михалкова? **31.** Что прерывает звон будильника? **32.** Кто стоял во главе заговора против пушкинского царя Салтана? **33.** Наконечник шланга на бензоколонке. **34.** Виночерпий на балу у Воланда. **35.** Какой газ дает старт таблице химических элементов? **36.** Какую балерину писатель Алексей Толстой назвал «обыкновенной богиней»? **40.** Хозяин первого месяца года. **41.** Ликвидатор сказочного Колобка.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Сумка. **9.** Томат. **10.** Губенко. **11.** Насморк. **12.** «Выстрел». **13.** Ножны. **14.** Гремлин. **15.** Штурвал. **18.** Псков. **19.** Опер. **21.** Паста. **23.** Ишак. **25.** Волнение. **26.** Арбуз. **27.** Квас. **29.** Кореш. **32.** Чемпион. **34.** «Логан». **36.** Кения. **37.** Патриот. **38.** Конус. **39.** Гевея. **40.** Долгота. **41.** Дартс. **42.** Ладья.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Корысть. **2.** Пастернак. **4.** Урал. **5.** Компресс. **6.** Лук. **7.** Бекон. **8.** Скунс. **10.** Громкоговоритель. **11.** Нерасторопность. **13.** Нил. **16.** Спина. **17.** Орфей. **20.** Шишка. **21.** Палач. **22.** Ангел. **24.** «Гудок». **28.** Севрюга. **30.** Шоколад. **31.** Капуста. **33.** Небеса. **35.** Басов.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Первый из династии Капетингов. **3.** Каждая из тридцати частей Корана. **7.** Соратник профессора Тарантоги. **11.** Последняя ледниковая эпоха. **12.** В какой драме Кейт Бланшетт сыграла сразу тринадцать образов? **13.** Какого архитектора считают создателем современного облика Парижа? **14.** Ва-

люта из мультфильма «Подводная братва». **17.** Огненная птица славян. **20.** Манга в жанре космического вестерна. **21.** «Замена гонга» для Мойдодыра. **22.** Какая наука изучает новые слова? **24.** Гуляя по «Озерному краю» английской Камбрии, овцы чесали спину о стоящие рядом скалы, после чего их шерсть становилась

черной. Какой минерал впервые открыли благодаря им? **28.** Одна из основных составляющих вина. **29.** Деликатесная сарделька. **30.** Посох ведьмы, который может служить и жертвенником. **34.** Учение об одушевленности материи. **37.** «Запасной энергетик» в мышечных клетках. **38.** Конструктор первого вертолета. **39.** Бог древних египтян с головой крокодила. **41.** Как зовут Кентервильское привидение в сказке Оскара Уайльда? **42.** Танец в стиле бути-дэнс. **43.** Армянский салат из маринованных овощей. **44.** Гардения с Таити. **45.** «Всешутейный патриарх» при Петре Великом. **46.** Самый большой в мире каменный монолит, меняющий свой цвет в течение дня. **47.** Казахская копейка. **48.** Принцип движения сюжета в древней японской литературе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пелерина поверх декольте. **2.** Палестинский кафтан. **4.** Современное «телокривие». **5.** Младший сын великой Светыни. **6.** Какая птица похитила Алису Се-

лезневу и Весельчака У? **8.** Плиссированная оборка в одежде древних римлян. **9.** Какая Минэко стала прототипом для героини знаменитых «Мемуаров гейши»? **10.** Кто из секс-символов Голливуда собирает автографы бейсболистов? **15.** Изогнутый нож из Японии. **16.** Вышивальный шов. **17.** Фигурные макароны из Италии. **18.** Кто вернул «Лестерскому кодексу» его прежнее название? **19.** Переносчик сильного взаимодействия. **23.** Византийская денежная рента в пользу крупного землевладельца. **25.** Логическая игра в пять камней. **26.** Кто создал первую во Франции кафедру психоанализа? **27.** Буддийский храм. **31.** Главный элемент в композиции икебаны. **32.** Какая Лариса стала первой женой Константина Бальмонта? **33.** Новая Зеландия как «длинное белое облако». **34.** Мощный усилитель СВЧ. **35.** Грузинский хлеб. **36.** Фаворитка, чьи чары добились короля Эдуарда III. **40.** Остяк наших дней. **41.** Один из древнейших городов в мире, бывшая резиденция персидских царей.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Годзе. **9.** Кошпа. **10.** «Бугатти». **11.** Ресечер. **12.** Никомед. **13.** Гидра. **14.** Адипсия. **15.** Полимат. **18.** Мымра. **19.** Жане. **21.** Берди. **23.** Парс. **25.** Ипполита. **26.** Эфрон. **27.** Рунд. **29.** Акраб. **32.** Тайлган. **34.** Ранчу. **36.** Нория. **37.** Кримисо. **38.** Сулла. **39.** Голнт. **40.** Кентавр. **41.** Гиена. **42.** Маляс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Полифон. **2.** Иппогинес. **4.** Оред. **5.** «Звездный». **6.** Чур. **7.** Бания. **8.** Старк. **10.** «Бесперспективная». **11.** Ренардофильство. **13.** Гит. **16.** Радий. **17.** Пегас. **20.** Аптра. **21.** Бронт. **22.** Бокар. **24.** Дошан. **28.** Далматы. **30.** Бакунин. **31.** Пчельня. **33.** Носова. **35.** «Артек».

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2023 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22011

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

